ОП

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.
1845.

Ленинградская Государственная
БИБЛИОТЕКА
имени А. С. ПУШКИНА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Іюня 1845 года.

Цензоръ *Мехелинъ*.

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

		Стр.
I.	Божественное. (Изъ Гёте) Стихотвореніе *А. А. Григорьева*.	277
II.	Отелло, венеціянскій мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шекспира. Перев. *В. Лазаревскаго*.	279
III.	Ѣздокъ. Стихотвореніе *Платона Ч.*	478
IV.	Пѣснь духа надъ хризолидой. Стихотвор. *А. А. Григорьева*.	479
V.	Матеріалы для исторіи русскаго театра. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ. (Воспоминанія изъ моихъ записокъ). *М. Н. Макарова*.	481
VI.	Серенада. Стихотвореніе г-на *Ястребова*.	492
VII.	Мое знакомство съ Виталинымъ. Продолженіе разсказа безъ начала, безъ конца и безъ морали. *А. А. Григорьева*.	443
VIII.	Мелодіи. Стихотворенія *К. Сазонова*.	516
IX.	Юмористика. Замѣтки Петербургскаго Зѣваки. § 12. Петербургъ и Вода. — Купаются-ли въ Петербургѣ? — Прежняя и нынѣшняя метода леченія. — Гидропатія и гидроманія. — Гидрофобы. — Любители воды. — Жители Галерной-гавани. — Петербургскіе поэты. — Господинъ Бенедиктовъ и его морскія стихотворенія. — Четверной союзъ въ русской поэзіи. — Лермонтовъ. — Мужики и канавы. — Катанья въ яликахъ и ялботахъ. — Водяная привязанность барышень. — Рыболовство въ Петербургѣ. — Топи и заколы. — Ловля щепокъ. — Купанья. — Ванны въ Петербургѣ. — Школа плаванія Гиршеля. — Дамскія ванны. — Комическая сторона купающагося человѣчества. — Сцена въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ ваннъ	517
X.	Смѣсь. Актеръ Макъ-Грегоръ. — Французскіе актеры вовремя революціи. — Парижскія «утки» изъ театральнаго міра. — Глаза женщины. — Письмо Россини. — Опера въ Константинополѣ. — Письмо въ Редакцію. — Анекдоты и Мелочи	517,

БОЖЕСТВЕННОЕ.

(Изъ Гёте.)

Правъ будь, человѣкъ,
Милостивъ и добръ:
Тѣмъ лишь однимъ
Отличаемъ онъ
Отъ всѣхъ существъ,
Намъ извѣстныхъ.

Слава непзвѣстнымъ,
Высшимъ, съ нами
Сходнымъ существамъ!
Его примѣръ насъ
Вѣрить имъ учитъ.

Безразлична
Природа мать.
Равно́ свѣтитъ солнце
На зло и благо,
И для злодѣя
Блещутъ, какъ для лучшаго,
Мѣсяцъ и звѣзды.

Вѣтръ и потоки,
Громы и градъ,
Путь совершая,
Съ собой мимоходомъ
Равно уносятъ
То или другое.

И счастье такъ,
Скитаясь по міру,
Осѣнитъ, то мальчика
Невинность кудрявую,
То плѣшивый
Преступленья черепъ.

По вѣчнымъ, мѣднымъ,
Великимъ законамъ,
Всѣ бытія-бы
Должны невольно
Круги совершать.

Человѣкъ одинъ
Можетъ невозможное;
Онъ различаетъ,
Судитъ и рядитъ,
Онъ лишь минутѣ
Сообщаетъ вѣчность.

Смѣетъ лишь онъ
Добро наградить
И зло покарать,
Цѣлить и спасать,
Все заблудшее, падшее
Къ пользѣ сводить.

И мы безсмертнымъ
Творимъ поклоненье
Какъ будто людямъ,
Какъ въ бо́льшемъ творившимъ,
Что въ маломъ лучшій
Творитъ или можетъ.

Будь-же правъ человѣкъ,
Милостивъ и добръ,
Создавай безъ отдыха
Нужное, правое...
Будь намъ ихъ образомъ,
Провидимыхъ нами существъ.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ОТЕЛЛО,

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ МАВРЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шекспира (*).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРУ ЮРЬЕВИЧУ ЗИБЕРУ.

(*) «Отелло» Шекспира не въ первый разъ является на русскомъ языкѣ: на сценѣ играютъ у насъ чрезвычайно-тяжолый и нескладный прозаическій переводъ, г-на Ив. П — ва; былъ въ «Репертуарѣ» даже, (когда онъ выходилъ отдѣльно отъ «Пантеона»), напечатанъ переводъ «Отелло» въ стихахъ; не-смотря на это, мы рѣшились напечатать переводъ г-на *Лазаревскаго*, въ той увѣренности, что *хорошій переводъ* Шекспировой піесы, на русскомъ языкѣ, будетъ всегда самою отрадною *новостью*. *Ред.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Венеціянскій Дожъ.
Брабанціо, сенаторъ, отецъ Дездемоны.
Два другіе сенаторы.
Граціано, братъ Брабанціо.
Лодовико, родственникъ Брабанціо.
Отелло, Мавръ.
Мишель Кассіо, лейтенантъ.
Яго, знаменоносецъ Мавра.
Родриго, венеціянскій дворянинъ.
Монтано, предшественникъ Отелло въ управленіи Кипромъ.
Шутъ при Отелло.
Герольдъ.
Дездемона, дочь Брабанціо, жена Отелло.
Эмилія, жена Яго.
Бьянка, любовница Кассіо.
Сенаторы, офицеры, вѣстники, музыканты, матросы, свита.

Первое дѣйствіе въ Венеціи, остальныя въ Кипрѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. — Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

РОДРИГО.

Э, лучше замолчи ужъ Яго! — Мнѣ
Казалось-бы, что дѣло-то твое
Не больно чисто здѣсь; — подумай самъ —
Вѣдь ты другой хозяинъ въ кошелькѣ
Моемъ, — а ты вѣдь, Яго, зналъ объ этомъ....

ЯГО.

Проклятіе! — Да слушайте-жъ, синьйоръ, —
Ну, если я когда-нибудь объ этомъ
Хотя во снѣ мечталъ — гнушайтесь мною!

РОДРИГО.

Ты толковалъ о ненависти вѣчной....

ЯГО.

Вы въ-правѣ презирать меня, синьйоръ,
Когда я эту ненависть забуду.
Представьте: трое знаменитыхъ гражданъ
Не-разъ просили лично гордеца,
Чтобъ сдѣлалъ, знаете, меня своимъ
Онъ лейтенантомъ; — и, клянуся честью,
Себѣ я цѣну знаю; — кажется,
Я стóилъ-бы такого повышенья;
Но изъ тщеславія и личныхъ выгодъ,
Онъ отъ просителей отдѣлался
Чертовски ловко, насказавъ имъ бездну
Великолѣпныхъ пустяковъ, закидавъ
Ихъ кучею военныхъ терминовъ,
И наконецъ — отказъ. — «Я, — говоритъ, —
Себѣ уже назначилъ лейтенанта!»
Кто-жъ это? — Вотъ ужъ мудреца нашелъ!
Какой-то Флорентинецъ Кассіо,
Нарядный шутъ, который радъ молиться
Любой смазливой дѣвочкѣ, — въ бою
Ни разу неводившій эскадрона,
И дѣло битвы понимающій
Не лучше пряхи, — но за то куда
Какъ бойкій на теоріи, на книгѣ....
Да, здѣсь и ветхіе сенаторы
Большіе то-же мастера у насъ!
Безъ практики пустая болтовня —
Вотъ все его военное искусство!
Но все-таки онъ избранъ; ну — а мнѣ,
Который бился на его глазахъ
Въ Родосѣ, Кипрѣ и другихъ странахъ
Языческихъ и христіанскихъ, — мнѣ

Въ вознагражденье — бездна обѣщаній!
Оно и кстати, — этотъ ариѳметчикъ —
Ужъ лейтенантъ, а я, благословясь,
Остануся ихъ мавританской чести
Пока простымъ знаменоносцемъ.

РОДРИГО.

О,
Клянуся небомъ, Яго, что теперь
Хотѣлъ-бы быть я палачомъ его.

ЯГО.

Но гдѣ-же средства? — Гдѣ-жъ, Родриго, средства?...
Вотъ службы ходъ у насъ, синьйоръ, обычный:
Чтобы служить усердно, ревностно,
Съ примѣрной пользой — нужны только подлость,
Рекомендательныя письма — вотъ и все!
Гдѣ ты, святая правда старины,
Когда за первымъ шелъ всегда второй!...
Судите-же теперь, синьйоръ, вы сами —
Могу-ли Мавру преданнымъ я быть?

РОДРИГО.

Но почему-жъ его ты не покинешь?

ЯГО.

О, я скажу, синьйоръ, скажу причину....
Вотъ видите: мнѣ крѣпко-бы хотѣлось
Хоть чѣмъ-нибудъ да заплатить ему.
Всѣ мы начальствовать не можемъ — такъ!...
За то-жъ не каждый и начальникъ можетъ
Имѣть усердныхъ, преданныхъ людей; —
Вы знаете, конечно, много ихъ —
Покорныхъ, пресмыкающихся слугъ,
Что, рабства своего лобзая цѣпи,
Влачатъ ярмо работы до могилы,
Какъ глупые ослы, за клокъ соломы;
А одряхлѣютъ — этихъ честныхъ слугъ
Кнутомъ женутъ!... Но есть, синьйоръ, такіе,
Что подъ приличной маскою усердья,

Хлопочутъ только о себѣ; — они,
Кажись, такъ вѣрно служатъ, — для чего?
Чтобы набить себѣ карманъ вѣрнѣе, —
А съ золотомъ, синьйоръ, скажите сами,
Кому у насъ откажутъ въ благородствѣ?
Вотъ это люди дѣльные, съ душой,
Какъ говорится; я — одинъ изъ нихъ.
Будь Мавромъ я, я-бъ не хотѣлъ быть Яго,
И это вѣрно такъ, какъ вы — Родриго.
Служа ему, — что-жъ — грѣшенъ! не могу
Забыть и Яго бѣдняка.
Пусть судитъ небо насъ, но глубоко,
Душевно ненавидя Мавра, долженъ я
Казаться преданнымъ ему, — хоть, разъ
Еще клянусь, для личныхъ чисто цѣлей....
Да если-бъ мы поступками своими
Разоблачали тайный помыслъ сердца —
Не все-ль равно, что кинуть это сердце
Такъ, на распутье.... Клюй, кому угодно!...
О, нѣтъ — я не таковъ, какимъ кажуся....

РОДРИГО.

Да, нужно, чтобы этотъ толстогубый
Былъ счастливъ, если могъ успѣть
Подобнымъ образомъ уладить дѣло.

ЯГО.

Ну, что-же! подымайте старика,
На свѣжій слѣдъ искусно наведите,
Облейте ядомъ бѣшеный восторгъ
Отелло.... ненавистнымъ именемъ
Его будите улицы; родню
Венеціянки подстрекните. Да,
Синьйоръ Родриго! онъ теперь въ раю
Восторговъ — бросьте-жъ ядовитый пламень
На розы счастія его, — и если
Ужъ суждено ему упиться благомъ —
Все-жъ какъ-нибудь да можно отравить

Блаженство это; — все-жъ таки вполнѣ
Не будетъ наслаждаться гнусный Мавръ.

РОДРИГО.

Вотъ домъ ея отца; я вызову
Его моими криками.

ЯГО.

Кричите,
Синьйоръ, отчаянья ужаснымъ воплемъ,
Который тяжкою, мертвящей
Тоской сжимаетъ мысль, когда средь ночи
Шипѣнье огненныхъ языковъ
Пожара — мирный сонъ нежданно будитъ.

РОДРИГО.

Брабанціо! синьйоръ Брабанціо!

ЯГО.

Брабанціо! проснитесь! воры! воры!
Вставайте! Осмотрите домъ, запоры!
Зовите дочь! Скорѣе! воры! воры!

БРАБАНЦІО *(показывается на-верху)*.

Кто тамъ внизу?

РОДРИГО.

Синьйоръ! семейство ваше....
Теперь семейство ваше все-ли дома?

ЯГО.

Всѣ-ль двери ваши заперты, синьйоръ?

БРАБАНЦІО.

Что за вопросъ? къ-чему? что это значитъ?

ЯГО.

Да значитъ то, что обокрали васъ!...
Но одѣвайтесь-же! Вамъ говорятъ —
У васъ украли половину сердца,
И душу вашу растерзали. Да,

Теперь, быть-можетъ, въ это самое
Мгновенье, дикій коршунъ заклевалъ
Уже голубку вашу.... [1]) О спѣшите!
Набатомъ разбудите спящій городъ, —
Иначе дьяволъ васъ пожалуетъ
Почетнымъ титломъ дѣдушки, синьйоръ....
Идите-же, — вамъ дѣло говорятъ!

БРАБАНЦІО.

Что́ за вранье? — Вы спятили съ ума?

РОДРИГО.

Почтеннѣйшій синьйоръ! узнали вы
Мой голосъ?

БРАБАНЦІО.

Нѣтъ! но кто ты?

РОДРИГО.

Я — Родриго!

БРАБАНЦІО.

О, это низко! — я вѣдь запретилъ
Тебѣ топтать пороги у дверей
Монхъ! Забылъ ты? — Я сказалъ тебѣ
Однажды навсегда, что дочь моя
Не для тебя; — и вотъ опять, и въ полночь,
Безумно распаливши чувство
Роскошною трапезой и виномъ,
И полный странной дерзости, пришелъ
Ты мирный сонъ мой буйно возмущать....

РОДРИГО.

Синьйоръ! Синьйоръ! Синьйоръ!

БРАБАНЦІО.

Но потрудитесь убѣдить себя,
Что я еще имѣю столько власти,
По сану своему, и столько силъ
Въ себѣ, что отплачу тебѣ за дерзость.

РОДРИГО.

О будьте терпѣливѣе, синьйоръ!

БРАБАНЦІО.

Что ты горланишь мнѣ о воровствѣ?
Вѣдь это, кажется, Венеція
Еще, и домъ мой не въ лѣсу, не въ полѣ....

РОДРИГО.

Я прихожу къ вамъ съ чистою душой,
Брабанціо!

ЯГО.

Толкуй ты съ нимъ! — Вы, синьйоръ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не задумавшись, кинутъ Бога, если чорту вздумается кликнуть нхъ. Мы пришли сдѣлать доброе дѣло, а вы считаете насъ чуть не разбойниками. — Подумаешь, право, что вы сами бьётесь изъ того, чтобы породниться съ мавританскимъ жеребцомъ; что вы сами желаете тѣшить слухъ свой ржаніемъ маленькихъ своихъ внуковъ [3]), сами хлопочете о томъ, чтобы добыть родичей рысистой да скаковой породы. [4]).

БРАБАНЦІО.

О несчастный! кто ты презрѣнный?

ЯГО.

Я человѣкъ, синьйоръ; человѣкъ, который пришелъ доложить вашей милости, что Мавръ теперь въ упоительномъ восторгѣ, а ваша дочь — въ его объятіяхъ.... [5])

БРАБАНЦІО.

Ты подлецъ!

ЯГО.

Вы — сенаторъ....

БРАБАНЦІО.

О, ты отвѣтишь мнѣ за все! Тебя,
Родриго, знаю я.

РОДРИГО.

Я, синьйоръ, готовъ

Вамъ отвѣчать; но умоляю васъ —
Дослушать. Развѣ съ вашей воли,
На вашу радость, — что́ отчасти можетъ
Казаться вѣроятнымъ, — Дездемона
Въ глухую пору ночи, безъ проводниковъ,
Въ наемной, бѣдной лодкѣ гондольера,
Летитъ упасть въ презрѣнныя объятья, —
Въ добычу сладострастнаго Отелло?
О, если это вамъ, синьйоръ, извѣстно,
И вы благословили вашу дочь, —
То мы, конечно, дерзко и безумно
Васъ оскорбили; если-жъ вы не знали
Объ этомъ ничего еще — то мой поступокъ
Оправданъ самъ собою, — и сама
Собой уничтожается обида.
Не думайте, что я безчувственно
И грубо насмѣхаюсь и шучу
Надъ вами. Повторю опять, синьйоръ,
Когда изъ-подъ родительскаго крова,
Безъ вашего согласья, ваша дочь
Бѣжала, — о непскупи́мъ тогда
Ея проступокъ!... Ка́къ! пожертвовать
Своею красотою, дѣтскимъ долгомъ,
Образованіемъ своимъ, богатствомъ,
Бродячему скитальцу, прошлецу
Всесвѣтному!... Но правда правдою
Себя докажетъ: посмотрите сами,
Когда она теперь въ опочивальнѣ,
Или, по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ домѣ —
Тогда пусть грозный приговоръ закона
На голову обманщика падетъ,
И клевету презрѣнную накажетъ.

БРАБАНЦІО.

Огня! Зажгите факелы!... На-верхъ,
Сюда! Зовите всѣхъ людей! — Оно
Такъ сходно съ сномъ моимъ, несчастье это!...
Ему уже я вѣрю! о, не даромъ
Предчувствіе такъ давитъ, давитъ душу!...
Огня! огня!

(*Уходитъ.*)

ЯГО.

Теперь, синьйоръ, прощайте. —
Я оставаться больше не могу; —
Не-кстати, знаете, да что и пользы —
Быть мнѣ свидѣтелемъ противу Мавра?
Останься-жъ я, вѣдь это неизбѣжно. —
Я знаю, — не-смотря, что это дѣло
Сенату не покажется конечно, —
Онъ побоится отрѣшить его:
Теперь онъ занятъ слишкомъ кипрскою
Войною, — а по мнѣнію его,
Другаго, кромѣ Мавра, нѣтъ у насъ,
Кто-бъ могъ съ успѣхомъ кончить дѣло.
И потому, хоть я люблю его
Какъ муки адскія, — однако все-жъ,
Сообразивши вѣрно и умно
Итогъ на-право и на-лѣво, я
Надѣну маску преданной любви,
Но, честію клянуся, только маску....
Чтобы вѣрнѣй найти его, начните
Вы поиски свои отъ Саджиттери; [6])
Я съ Мавромъ буду тамъ. Теперь, прощайте!

(*Уходитъ*).

(*Входитъ Брабанціо, за нимъ слуги съ факелами.*

БРАБАНЦІО.

О Боже! слишкомъ ты вѣрна
Моя потеря! — Да, ушла!... и старости,
Моей печальной, горькой старости
Покинула лишь слезы... только слезы!...
Гдѣ-жъ видѣлъ ты ее, Родриго, гдѣ? —
Дитя несчастное! — Ты говорилъ,
Что съ Мавромъ? — Кто теперь захочетъ быть
Отцомъ? — Какъ ты узналъ ее, Родриго?
О, обманули вы меня, мои
Надежды! — Что-жъ она тебѣ сказала?
Давайте больше факеловъ; будите
Родныхъ монхъ! — Какъ думаешь — они
Обвѣнчаны уже? —

РОДРИГО.

Я думаю;
По-видимому такъ...

БРАБАНЦІО.

О небеса! —
Но какъ она ушла? — И, кровь родная,
Она мнѣ измѣнила! — О, теперь,
Отцы, не вѣрьте сердцу дочерей,
Не вѣрьте ихъ поступкамъ. — Нѣтъ-ли здѣсь
Волшебствъ какихъ, которыми чаруютъ
Дѣвичье молодое сердце?... Вы
Ничего такого не читали?

РОДРИГО.

Читалъ, синьйоръ; мнѣ помнится....

БРАБАНЦІО.

Ко мнѣ
Скорѣй просите брата. — О, за-чѣмъ
Я вамъ ее не отдалъ? — Разослать
По всѣмъ дорогамъ! — Вы не знаете,
Гдѣ можно ихъ найти?

РОДРИГО.

Да, я найду
Ихъ, если вамъ угодно слѣдовать
Съ надежной стражею за мной.

БРАБАНЦІО.

Идемъ,
Мой другъ! Я буду спрашивать во всѣхъ
Домахъ, — во многихъ даже власть могу
Употребить.... Пусть люди всѣ вооружатся!
Да отыскать скорѣй ночную стражу!
О, я цѣню, синьйоръ, усердье ваше!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Венеція. — Другая улица.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ЯГО, СЛУГИ.

ЯГО.

Хотя по долгу добраго солдата,
Я хладнокровно въ битвахъ убивалъ
Людей, но все-жъ-таки того я мнѣнья,
Что грѣхъ противу совѣсти — убить
Обдуманно; во мнѣ не достаетъ,
И очень-часто, злобы на душѣ,
Хоть пользы видны ясно — девять
Иль десять разъ мой вѣрный, острый мечъ
Просился съ боку моего въ чужой [7]).

ОТЕЛЛО.

Я радъ, что ты порывъ свой удержалъ.

ЯГО.

Но онъ такъ дерзко говорилъ о васъ,
Что съ маленькой моею добротой
На-силу я себя переневолилъ.
Законно-ль вы обвѣнчаны, спиньоръ?
Со всѣми-ль формами, какъ водится
У насъ? — чтобъ это было вѣрно, знаете...
Не то — «великолѣпный» [8]) такъ любимъ
И мнѣніемъ въ Совѣтѣ столько силенъ,
(Сильнѣе вдвое Дожа) что, пожалуй,
Еще и разведетъ онъ васъ; — своимъ
Вліяньемъ, съ помощью законовъ, онъ
Хлопотъ надѣлать можетъ бездну вамъ,
Мой генералъ.

ОТЕЛЛО.

Пусть онъ изобрѣтаетъ,
Какой ему угодно планъ: — въ отвѣтъ,
На жалобы его и клевету,
Я раскажу почетныя заслуги

Мои Республикѣ; — я объявлю
Мой знаменитый родъ; — когда
Увижу, что во мнѣніи людскомъ
Тщеславіе меня возвысить можетъ, —
Я укажу на предковъ царской крови....
Но не могу-ли я безъ лишняго
Смиренія и то́ сказать, что счастіе
Мое всегда шло только на-ровнѣ
Съ моею личною заслугой.
Да Яго, не люби я жарко такъ,
Такъ беззавѣтно милой Десдемоны,
О, я не отдалъ бы раздольную свою
Судьбину и за всѣ сокровища
Морей... Но посмотри, что́ за огни
Сверкаютъ тамъ?

(*Входитъ Кассіо, въ нѣкоторомъ отдаленіи офицеры съ факелами*).

ЯГО.

Конечно, пробужденный
Отецъ съ родней своей. — По мнѣ, синьйоръ,
Такъ лучше-бъ вамъ уйти осюда.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ!
Я долженъ здѣсь остаться. Мой характеръ,
Мой санъ и совѣсть чистая меня
Правдиво выкажутъ... Такъ, это онъ
Дѣйствительно?

ЯГО.

Клянуся Янусомъ,
Я, кажется... да, точно я ошибся.

ОТЕЛЛО.

Мой лейтенантъ и офицеры Дожа!
Да будетъ ночь, друзья, на радость вамъ!
Что́ новаго?

КАССІО.

Привѣтствуетъ васъ Дожъ,
Мой генералъ! — онъ ждетъ васъ съ нетерпѣньемъ

Теперь, сію-жъ-минуту.

ОТЕЛЛО.

Дожъ? теперь?
Не знаешь-ли за-чѣмъ?

КАССІО.

Мнѣ кажется,
Получены извѣстія изъ Кипра;
Дѣла должны быть важныя. Съ галеръ
Явились къ намъ, за эту ночь, уже
Двѣнадцать вѣстниковъ. Сенаторы
Почти ужъ всѣ у Дожа собрались;
Къ вамъ посылали на домъ много разъ,
Но васъ ни-разу дома не застали.
Теперь три партіи солдатъ вездѣ
Васъ по городу ищутъ.

ОТЕЛЛО.

Ну, я радъ,
Что вы нашли меня. Полслова только
Скажу домашнимъ, и потомъ пойдемъ
Всѣ вмѣстѣ.

(Уходитъ).

КАССІО.

Что̀ подѣлываетъ здѣсь
Нашъ генералъ, скажи-ка, Яго!

ЯГО.

Э, въ эту ночь, нашъ генералъ гальйонъ
Богатый захватилъ; и если призъ
Окажется законнымъ — дѣло въ шляпѣ!

КАССІО.

Я ничего не понимаю, Яго!

ЯГО.

Ну, онъ женился.

КАССІО.

Яго! онъ женился?
На комъ?

(Отелло входитъ).

ЯГО.

На... Генералъ! угодно вамъ
Идти?

ОТЕЛЛО.

Идемъ скорѣе.

КАССІО.

Вотъ другой
Отрядъ, который тоже ищетъ васъ.

(Входятъ Брабанціо, Родриго и ночная стража съ факелами и оружіемъ).

ЯГО.

Брабанціо! О, будьте осторожнѣй,
Мой генералъ! — Конечно, онъ идетъ
Съ дурнымъ намѣреньемъ.

ОТЕЛЛО.

Остановитесь!

РОДРИГО.

Синьйоръ, вотъ Мавръ!

БРАБАНЦІО.

Схватить ночнаго вора!

(Обѣ стороны обнажаютъ мечи).

ЯГО.

А, это вы, Родриго! Не угодно-ль вамъ
Начать со мною?

ОТЕЛЛО.

Вложите свѣтлые
Мечи! Да не покроетъ ржавчиной
Роса полночи доблестную сталь.

(Къ Брабанціо).

Синьйоръ! вы можете повелѣвать
Успѣшнѣй, нежели оружіемъ,
Своею честной сѣдиною здѣсь.

БРАБАНЦІО.

Безчестный воръ! гдѣ дочь? гдѣ дочь моя?
Проклятый, какъ твое искусство, ты

Очаровалъ ее. — Судите-жъ насъ,
Вы, люди добрые!.. Могла-ль она,
Безъ чаръ, безъ гнусныхъ заклинаній,
Она — прекрасная, счастливая,
Едва расцвѣтшая, любивши такъ
Свою дѣвичью волю, отказавши гордо
Богатымъ, благороднымъ женихамъ
Роднаго города... могла-ль она
Рѣшиться, — бросивъ на позоръ толпы
Безстыдно имя честное, — бѣжать
Въ глухую ночь отъ дѣвственнаго ложа
Въ объятья чернаго урода, Мавра?..
Не правда-ль, отвращенье, а не страсть,
Вселить онъ только можетъ?.. Будь судьей
Моимъ весь міръ!.. О это слишкомъ-видно,
Что только чарами нечистыми
Ты могъ увлечь ее; что только травами,
Да наговорами могъ воспалить
Въ невинномъ сердцѣ темныя желанья...
О, это все разсмотрятъ! — Да... оно
Иначе быть не можетъ!.. Между-тѣмъ
Я долженъ взять тебя за твой развратъ,
За гнусную, проклятую науку,
Противную законамъ... Взять его!
Живаго или мертваго — но взять!

ОТЕЛЛО.

Остановитеся, рабы! — и вы,
Друзья мои, остановитесь...
О, если нужно дѣйствовать мечомъ,
Помощниковъ не нужно мнѣ!.. Синьйоръ,
Гдѣ вамъ угодно выслушать меня?

БРАБАНЦІО.

Въ тюрьму тебя, — пока въ урочный срокъ
Не призовутъ къ отвѣту предъ лицо
Закона.

ОТЕЛЛО.

Какъ-же я могу, синьйоръ,

Повиноваться вамъ, не презирая
Велѣній Дожа? Вотъ кругомъ его
Служители... Они зовутъ меня
Въ Совѣтъ, по государственному дѣлу.

ОФИЦЕРЪ.

Дѣйствительно, достойнѣйшій синьйоръ!
Свѣтлѣйшій Дожъ уже въ Совѣтѣ. Къ вамъ
Я тоже, думаю, уже послали.

БРАБАНЦІО.

Какъ, Дожъ уже въ Совѣтѣ? Въ полночь? — Отвести-жъ
Его туда, и это дѣло важно.
Великій Дожъ и благородные
Сенаторы должны считать мою
Обиду личнымъ оскорбленьемъ.
Да, ежели мы будемъ оставлять
Подобныя дѣла безъ наказанья...
Такъ скоро эта сволочь нехристей
Поганыхъ, да рабовъ, предписывать
Начнетъ свои законы самому
Сенату.

СЦЕНА III.

Зала совѣта. — Дожъ и сенаторы сидятъ за столомъ. — Офицеры.

ДОЖЪ.

Всѣ эти вѣсти столько разногласны,
Что трудно вѣрить имъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Дѣйствительно,
Онѣ довольно-странны. — У меня
Въ письмѣ показано сто-семь галеръ.

ДОЖЪ.

Въ моемъ сто-сорокъ.

2-й сенаторъ.

А въ моемъ такъ двѣсти.
Но хоть во всѣхъ извѣстьяхъ этихъ счетъ
Невѣренъ, — гдѣ однѣ догадки, тамъ
Противурѣчья ужъ необходимы, —
По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что это Турки, и что этотъ флотъ
Идетъ на Кипръ.

дожъ.

Все это можетъ быть,
Но на извѣстьяхъ этихъ не хочу
Я строить никакихъ распоряженій;
Я признаю за вѣрное одно —
И, признаюся, — не совсѣмъ спокойно, —
Что намъ грозитъ опасность велика.

матросъ (*извнѣ*).

Ого!
Еще, еще!

(*Входитъ офицеръ съ матросомъ*).

офицеръ.

Вотъ посланный съ галеръ!

дожъ.

Опять? Ну, что?

матросъ.

Турецкій флотъ готовъ
Начать осаду острова Родоса:
Синьйоръ Анджело приказалъ объ этомъ
Республикѣ донесть.

дожъ.

Что скажете
Объ этой перемѣнѣ плана?

1-й сенаторъ.

Что это явное безуміе,
Или пустая хитрость; что они
Движеньемъ этимъ думаютъ закрыть

Прямую только цѣль. — Подумайте,
Какъ важенъ Туркамъ Кипръ, и какъ
Они прекрасно понимаютъ это;
Подумайте, что сколько онъ дороже
Для нихъ Родоса, столько-же слабѣй,
Что средства для защиты у него
Въ сравненіи съ Родосскими ничтожны; —
Примите это все въ соображенье,
И согласитесь послѣ, что враги
Не столько-же безумны, чтобъ, оставивъ
Въ тылу столь важный постъ, и презирая,
Съ побѣдой вѣрную, богатую
Добычу, — побѣжали дерзко такъ
На безполезную опасность.

ДОЖЪ.

Нѣтъ, по всѣмъ
Соображеньямъ — не Родосъ ихъ цѣль!

ОФИЦЕРЪ.

Еще извѣстье!

(Входитъ новый вѣстникъ).

ВѢСТНИКЪ.

Корабли враговъ
Идутъ теперь открыто на Родосъ,
Уже соединившись съ новымъ флотомъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Охъ, такъ
И я разсчитывалъ!... Какъ полагать
Примѣрно можно-бы у нихъ число
Запасныхъ кораблей?

ВѢСТНИКЪ.

До тридцати
Судовъ. — Теперь враги идутъ на Кипръ,
Ни мало не скрывая ужъ своихъ
Намѣреній. — Синьйоръ Монтано, вашъ
Достойный, доблестный слуга, послалъ
Меня вамъ объявить объ этомъ дѣлѣ,
И проситъ вѣрить истинѣ его.

ДОЖЪ.

Теперь, по-крайней-мѣрѣ, знаемъ мы,
Что̀ цѣль ихъ — Кипръ. — А гдѣ нашъ Маркъ Люккезе?

1-й СЕНАТОРЪ.

Теперь въ Флоренціи.

ДОЖЪ.

Пишите-же
Къ нему, чтобъ онъ немедленно пріѣхалъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Вотъ и Брабанціо, и храбрый Мавръ.

(Входятъ Брабанціо, Отелло, Яго, Родриго и офицеры).

ДОЖЪ (*къ Отелло*).

Достойный генералъ! судьба войны
Противъ враговъ всеобщихъ — Оттомановъ
Должна принадлежать по праву вамъ.
Я васъ не вижу.... (*Къ Брабанціо*). Здравствуйте, синьйоръ!
Намъ такъ необходимы въ эту ночь
Совѣты ваши, ваша помощь....

БРАБАНЦІО.

Ахъ! и мнѣ
Необходима ваша помощь, Дожъ!
Простите мнѣ! Не долгъ мой, не дѣла
Республики меня подняли съ ложа; —
Теперь далекъ я отъ всего чужаго,
Теперь въ своей душѣ пошу я, Дожъ,
Суровую печаль; — для новыхъ чувствъ
Она окаменила сердце мнѣ.

ДОЖЪ.

Что̀ съ вами?

БРАБАНЦІО.

Дочь моя! о дочь моя!

СЕНАТОРЪ.

Что̀, умерла она?

БРАБАНЦІО.

Да! для отца,
Для старика сѣдаго умерла...
Ее, дитя, опутали соблазномъ,
Обвили чарами ей сердце молодое,
Ее украли у меня.... Могла-ль
Она, имѣя очи, здравый смыслъ,
Такъ глубоко сама упасть? — О нѣтъ!
Безъ чародѣйства это невозможно!

ДОЖЪ.

Кто-бъ ни былъ онъ, похитившій разсудокъ
У вашей дочери, и дочь у васъ —
Кто-бъ ни былъ этотъ человѣкъ, синьйоръ, —
Вы сами прочитаете предъ нимъ
Кровавыя страницы страшныхъ книгъ
Неумолимаго закона.... да!
Хотя-бъ вы обвинили нашего
Роднаго сына.

БРАБАНЦІО.

Дожъ, благодарю!
Благодарю васъ, справедливый Дожъ!
Онъ здѣсь, межъ нами; это — Мавръ!

ДОЖЪ И СЕНАТОРЫ.

Отелло? —
Какъ непріятно это намъ! — Ну, что-жъ
Вы можете сказать въ свою защиту? —

БРАБАНЦІО.

Да, что-жъ онъ скажетъ противъ истины
Святой!

ОТЕЛЛО.

Достойные, почетные
Синьйоры! Повелители мои
Великодушные и благородные!
Да, правду онъ сказалъ, что въ эту ночь
Я дочь его похитилъ; — что потомъ

Я обвѣнчался съ ней — и это правда.
Вотъ преступленіе мое!... Языкъ
Мой грубъ, я не умѣю фразъ клеить, —
Въ семь лѣтъ, чуть только заиграла сила
Въ крови горячей, дѣтскою рукой
Я мечъ схватилъ, — и, кромѣ девяти
Послѣднихъ лунъ, все нѣжилъ долю я
Свою въ широко-вольномъ полѣ битвъ,
Подъ бѣднымъ полотномъ солдатскаго
Шатра... Да, съ свѣтомъ вовсе незнакомъ я,
И все, о чемъ-бы могъ я говорить
Все только — кровь да битвы.... Какъ-же мнѣ
Осмѣлиться предъ вами защищаться?
Но все-жъ, надѣясь на терпѣнье ваше,
Довѣрчиво я разскажу простую,
Безъ вымысла, безъ украшеній, повѣсть
Любви моей, — и вы увидите,
Какою сверхъ-естественною силой,
Какими чарами и заклинаньемъ,
Плѣнилъ я Десдемону.

БРАБАНЦІО.

Дѣвочка
Такая робкая, красивѣвшая
Стыдливо при движеньи каждомъ,
Такая тихая — могла-ль она,
Забывъ свой полъ, и родину, и честь —
Все это принести ему на жертву,
Тогда, какъ на него смотрѣть она
Боялась? Можно-ли предполагать,
Чтобъ это чистое, прекрасное созданье,
Презрѣло всѣ законы естества
Само-собой? Не должно-ли искать
Причину заблужденья въ таинствахъ
Ужасныхъ ада? Повторяю вновь,
Что только зельями волшебными,
Воспламенившими тревожно кровь,
Что только очарованнымъ напиткомъ
Онъ могъ увлечь несчастную ее.

ДОЖЪ.

Но обвиненіе не есть улика;

Безъ доказательствъ болѣе прямыхъ
И ясныхъ, по однимъ догадкамъ вашимъ,
Основаннымъ на мелкихъ предразсудкахъ,
Законъ не можетъ обвинить его.

1-й сенаторъ.

Но говори-жъ теперь ты самъ, Отелло!
Преступно-ли ты распалилъ любовь
И страсть на сердцѣ дѣвы молодой,
Или ты вымолилъ любовь у ней,
Или откликнулась душа ея
На зовъ родной твоей души?

отелло.

Прошу,
Синьйоры, васъ послать за ней.... И пусть,
Въ присутствіи отца, она сама
Разскажетъ все. — Когда вы изъ рѣчей
Ея увидите, что я преступникъ...
О, отнимите у меня тогда
Довѣрье ваше, мой высокій санъ...
Нѣтъ! мало этого — возмите честь
Мою и опозоренную жизнь.

дожъ.

Послать за Дездемоной.

отелло.

Проводи
Ихъ, Яго; ты скорѣй найдешь ее.

(Яго и офицеры уходятъ.)

Пока-жъ она придетъ, — такъ откровенно,
Какъ передъ небомъ исповѣдую
Грѣхи свои, — я разскажу предъ вами,
Какъ пріобрѣлъ любовь я Дездемоны,
Какъ Дездемона полюбила Мавра.

дожъ.

Мы слушаемъ, Отелло, васъ.

отелло.

Отецъ

Ея любилъ меня; нерѣдко звалъ
Въ свой домъ; съ участьемъ спрашивалъ
О приключеніяхъ былыхъ, годъ за годъ;
О битвахъ, объ осадахъ, обо всемъ
Что встрѣтилъ я, что перенесъ. Предъ нимъ
Я развивалъ всю жизнь, отъ колыбели
До нашего послѣдняго свиданья.
Я говорилъ о бѣдствіяхъ своихъ,
О приключеньяхъ на моряхъ, на сушѣ;
О томъ, какъ я едва лишь избѣжалъ
Однажды вѣрной, страшной гибели
Въ остервененной схваткѣ на проломѣ;
О томъ, какъ одолѣвшій врагъ увлекъ
Меня въ неволю горькую, — и какъ потомъ
Освободился изъ неволи я.
Я говорилъ о путешествіяхъ
Своихъ, — о безпредѣльности пустынь,
О мрачныхъ подземельяхъ и глухихъ
Пещерахъ, объ утесахъ, о горахъ,
Упершихся главами въ небеса;
О Каннибалахъ, пожирающихъ
Одинъ другаго, объ Антропофагахъ,
О людяхъ, у которыхъ плечи выше
Ихъ головы, [9]) — и скромную бесѣду
Мою любила слушать Десдемона...
Случалося: домашнія заботы
Ее отъ насъ нерѣдко отзовутъ,
Но какъ она, едва окончивъ ихъ,
Поспѣшно возвращалась къ намъ опять
И жадно слушала мои разсказы!
Я это видѣлъ — и не долго ждалъ,
Пока изъ милыхъ устъ ея услышалъ
Желанье доброй, пламенной души,
Чтобы опять я разсказалъ ей повѣсть
Моихъ прошедшихъ лѣтъ; одни отрывки
Извѣстны были ей. — Я говорилъ —
И слезы на очахъ ея дрожали,
Когда въ разсказѣ вѣрно отражались
Страданья бѣдной юности моей...
Когда я кончилъ — за мои страданья
Она мнѣ много вздоховъ подарила,

Потомъ, съ улыбкой грустнаго участья,
Она сказала: «Ахъ, какъ это странно!
О, какъ печально! какъ печально это!»
Она уже жалѣть была готова,
Что слушала меня; и между тѣмъ
Сама хотѣла быть мужчиной. — Нѣжно
Она меня благодарила... и потомъ
Сказала такъ наивно: «Если есть
У васъ, Отелло, другъ, который-бы
Меня уже любилъ, — такъ научите
Его разсказывать исторью вашу,
Чтобъ полюбить и я его могла...»
И послѣ этого полупризнанья
Подумалъ я: — ты полюбила
Меня за горе, добрая душа, —
Я полюбилъ тебя за состраданье...
Вотъ все, чѣмъ я причаровалъ ее!
Но вотъ и Десдемона; пусть она
Сама разскажетъ вамъ.

(*Входятъ Десдемона, Яго и свита.*)

ДОЖЪ.

Я думаю
О томъ, что если-бы разсказъ его
Слыхала дочь моя... О, добрый нашъ
Брабанціо! устройте къ лучшему
Все это. — Человѣкъ съ обломками
Оружія вѣрнѣе все-таки
Сражается, чѣмъ вовсе безоружный...

БРАБАНЦІО.

Постойте-жъ, слушайте ее; — и если
Она признáется, что съ доброй воли
Покинула сѣдаго старика-отца, —
О, пусть тогда проклятіе сожжетъ
Сѣдины эти, если я укоромъ
Хотя однажды опозорю Мавра.
Ко мнѣ, о благородная синьйора!
Ты не замѣтила, о дочь моя,
Средь этого блестящаго собранья

Того, кто столько правъ святыхъ имѣетъ
На все вниманіе твое?

ДЕСДЕМОНА.

Отецъ!
Судьба ужъ раздѣлила право это.
За жизнь, за воспитаніе свое,
Обязана я вамъ — и это все
Меня заставитъ уважать васъ вѣчно.
Вы были повелителемъ моимъ
По праву, — и, какъ женщина, до сей
Поры была я только дочь... но — вотъ
Мой мужъ. — Какъ мать моя повиновалась
Вамъ предпочтительно передъ отцомъ
Своимъ, — такъ я должна покорной быть
Супругу своему Отелло.

БРАБАНЦІО.

Да сохранитъ васъ Божья благодать! —
Я кончилъ... *(Дожу)* Не угодно-ль перейдти
Теперь къ дѣламъ общественнымъ. — О, легче
Любить пріемыша, чѣмъ милое
Дитя, изъ крови сердца нашего
Рожденное... Отелло! подойди
Ко мнѣ. Я отдаю ее тебѣ
Отъ всей души, — ее, которую
Отъ всей души хотѣлъ-бы я хранить
У своего покинутаго сердца...
Но ты уже владѣешь ею, Мавръ...
Мое сокровище! о дочь моя!
Я радъ, что не имѣю больше васъ...
Поступокъ твой заставилъ-бы меня
Жестокимъ быть, — заставилъ-бы меня
Ковать дѣтей цѣпями... Дожъ! я кончилъ.

ДОЖЪ.

Позвольте-жъ мнѣ за васъ договорить,
Синьйоръ! — Позвольте, убѣжденіе
Свое сказать, — и пусть оно поможетъ
Супругамъ молодымъ опять войдти

Въ любовь и милость вашу. — Если мы
Всѣ средства истощили для того,
Чтобы отвесть ударъ, и выпили до дна
Всю чашу горя — легче намъ тогда,
И сердце вновь знакомится съ надеждой...
Оплакивать былое горе — значитъ
Вновь это горе на̀ сердце сбирать.
Кто переноситъ гордо, хладнокровно
Удары неизбѣжные судьбы, —
Тотъ самъ смѣется надъ судьбою...
Окраденный самъ крадетъ кое-что
У вора равнодушною улыбкой;
Горюя-жъ безполезно, самъ себя
Онъ добиваетъ только.

БРАБАНЦІО.

Ну, такъ пусть
Отнимутъ Турки Кипръ у насъ; его,
По-этому, ничуть не потеряемъ мы
До-той-поры, пока своей потерѣ
Смѣяться будемъ. Добрые совѣты
Тому пріятны, кто найдти умѣетъ
Въ нихъ утѣшеніе; но терпитъ тотъ
Вдвойнѣ — отъ горя и совѣтовъ дружныхъ,
Кто долженъ взять взаймы терпѣнья,
Чтобъ расплатиться хоть съ одной печалью...
Для утѣшенія или на смѣхъ
Читаются совѣты эти намъ —
Двусмысленны всегда они; — слова —
Всегда слова.... и я еще не слышалъ,
Чтобъ въ истинно-растерзанное сердце
Могли слова пустыя проникать. —
Я умоляю васъ, синьйоры, перейдемъ
Теперь къ общественнымъ дѣламъ.

ДОЖЪ.

Для осады Кипра Турки дѣлаютъ огромныя приготовленія. — Отелло, вы, конечно, лучше другихъ знаете крѣпкое положеніе этого острова; и — хотя мы имѣемъ тамъ совершенно-достойнаго офицера, — между-тѣмъ общее мнѣніе, этотъ полновла-

стный рѣшитель событій, слишкомъ самоувѣренно указываетъ на васъ; — изъ благодарности вы должны пожертвовать восторгами еще новаго счастія для предпріятія труднаго и опаснаго.

ОТЕЛЛО.

Привычка — деспотъ; для меня теперь,
Достойные синьйоры, одръ желѣзный,
Да камень въ изголовьи — тотъ-же пухъ
На полѣ битвы.... Признаюсь — война,
Ея опасности, труды, лишенья,
Дарятъ мнѣ много, много наслажденья....
Я радъ идти противу Оттомановъ,
Но, преклонивъ главу мою, молю
Васъ о женѣ: не дайте ей замѣтить,
Что безъ меня, она здѣсь — сирота....

ДОЖЪ.

Она остаться можетъ, если вамъ
Угодно, у отца.

БРАБАНЦІО.

Я не хочу.

ОТЕЛЛО.

Ни я.

ДЕСДЕМОНА.

Ни я. — Минувшей горести
Своимъ присутствіемъ я не хочу
Напоминать ему. — Не правда-ли,
Не захотите вы, великодушный Дожъ,
Отвергнуть искренней мольбы моей? —
Она проста и такъ естественна,
Синьйоръ....

ДОЖЪ.

Что-жъ вамъ угодно, Десдемона?

ДЕСДЕМОНА.

Что истинно и глубоко люблю
Я Мавра — въ этомъ всѣхъ завѣрить можетъ
Моя рѣшимость — раздѣлить труды

Его опасной доли; — для него
Сдается, полюблю я робкимъ сердцемъ
И самую войну; — лицо Отелло
Я видѣла въ душѣ его великой, —
И душу, и судьбу свою охотно
Я посвятила доблестной судьбѣ
Его. — И вотъ онъ безъ меня пойдетъ
На всѣ опасности войны, и я
Останусь чуждою той доблести,
Которой онъ очаровалъ меня...
И, грустная, должна я много дней
Тяжолыхъ пережить далеко отъ него....
Позвольте, Дожъ, мнѣ слѣдовать за Мавромъ.

ОТЕЛЛО.

Синьйоры! — ваши голоса, синьйоры....
Пусть вольно выберетъ она дорогу,
Я умоляю васъ. — Свидѣтель небо —
Теперь я забываю страсть свою;
И васъ прошу объ этомъ не за тѣмъ,
Чтобъ наслажденіемъ залить огонь
Ея.... О нѣтъ! но только, чтобъ душѣ
Ея покой и счастье подарить.
И пусть проститъ вамъ небо, если вы
Подумать можете, что чрезъ нее
На мигъ забуду я свой важный подвигъ....
Да, если страсть оцѣпенитъ мой духъ
Презрѣнной слабостью, забвеньемъ долга, —
Пусть бабы шлемъ мой боевой поставятъ
Между своихъ горшковъ, и имя Мавра
Пусть заклеймитъ на вѣкъ пятно позора.

ДОЖЪ.

Рѣшите-жъ сами это, какъ хотите....
Межъ-тѣмъ опасность все ростетъ,
И вамъ спѣшить необходимо. Вы
Должны уѣхать въ эту ночь.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь,

Синьйоръ мой, въ эту ночь?

ДОЖЪ.

Да! въ эту ночь.

ОТЕЛЛО.

Отъ всей души.

ДОЖЪ.

А по-утру, часу
Въ девятомъ, мы увидимся опять,
Синьйоры, здѣсь. — Отелло! вы оставьте
Здѣсь офицера своего — онъ вамъ
Доставитъ вѣсть о томъ, на что рѣшимся;
А между-тѣмъ онъ можетъ выполнить
И ваши порученья.

ОТЕЛЛО.

Если вамъ
Угодно — я оставлю моего
Знаменоносца; въ вѣрности его
И честности я убѣжденъ; ему
Я поручу заботы о женѣ,
И все, чѣмъ вы, синьйоръ, снабдить меня
Благоволите.

ДОЖЪ.

Это кончено. —
Синьйоры! доброй ночи. — Да, Брабанціо,
Мой благородный другъ! вѣдь правда, что
Прямая доблесть не нуждается
Въ мишурной красотѣ.... и зять вашъ Мавръ
Прекраснъ, — хоть и чоренъ онъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Прощайте, храбрый Мавръ! Блаженствуйте
Любовью Дездемоны.

БРАБАНЦІО.

Но гляди
За нею, Мавръ; но не спускай очей
Съ нея; она съумѣла обмануть

Отца, — обманетъ и тебя коварно.

(Дожъ, сенаторы и офицеры уходятъ).

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, жизнію ручаюсь за нее!...
Итакъ, мой честный Яго, Десдемону
Оставлю твоему усердью я;
Пусть ей сопутствуетъ твоя жена,
И въ добрый часъ устрой ты ихъ отъѣздъ.
Ко мнѣ, мой ангелъ Десдемона!... Часъ,
Часъ только намъ остался для любви,
Бесѣды, нѣжныхъ о тебѣ заботъ ...
Что-жъ дѣлать? — повинуемся судьбѣ....

(Отелло и Десдемона уходятъ).

РОДРИГО.

Яго!

ЯГО.

Ну, что ты скажешь, доблестный Родриго?

РОДРИГО.

А! угадай, на что рѣшился я?

ЯГО.

Дѣло видимое — добраться до койки, да на боковую.

РОДРИГО.

Я хочу утопиться, — непосредственно утопиться.

ЯГО.

Топись — пожалуй; — но если ты это сдѣлаешь — кончено! я перестаю любить тебя. Да и для чего-бы это, многоумный синьйоръ мой?

РОДРИГО.

Да, для того, Яго, что глупо-же жить, когда жизнь одно мученіе,—и если къ-тому-жъ единственный лекарь намъ смерть, то и слѣдуетъ, что при этомъ разѣ должно умереть.

ЯГО.

О бѣдный! бѣдный! — Я гляжу на міръ уже цѣлые двадцать-восемь лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ научился различать благодѣянія отъ оскорбленій, ни разу не встрѣтилъ еще человѣка, который-бы постигъ великое искусство — любить себя.... И прежде — сказалъ-бы я — чѣмъ топиться изъ любви къ какой-нибудь дѣвчонкѣ, прежде я-бы обмѣнялся своимъ человѣчествомъ съ любою обезьяной.

РОДРИГО.

Да что́-жъ я буду дѣлать? Признаться, оно и самому мнѣ какъ-то неловко отъ этой дури, да какою-жъ добродѣтелью поможешъ ты горю?

ЯГО.

Добродѣтелью! фи! — Быть тѣмъ или другимъ зависитъ чисто отъ насъ. Тѣло наше — садъ, садовникъ — воля: и — разводимъ-ли мы крапиву или сѣемъ латукъ, выращаемъ иссопъ или тминъ, лелѣемъ одинъ родъ травъ, или вырываемъ съ корнемъ другой, дѣлается-ли этотъ садъ отъ безпечности нашей безплоднымъ или, въ-слѣдствіе труда, приноситъ плодъ обильный — все, все это въ нашей волѣ. — Если-бы на вѣсахъ нашей жизни чашка разума не была въ равновѣсіи съ чашкою страстей, то бурное волненіе крови и пошлыя желанія нашей природы приводили-бы насъ всегда къ самому бѣдственному концу;— но мы имѣемъ разумъ, который укрощаетъ наше бѣшеное чувство, жажду наслажденія, наши неумѣримыя страсти.... Изъ чего и слѣдуетъ, что эта вещица, которая у васъ зовется любовью— просто, сухая дрянь, которую садовникъ хладнокровно обсѣкаетъ на старыхъ деревьяхъ....

РОДРИГО.

Ну, это ужъ вздоръ, Яго.

ЯГО.

Просто — лишній градусъ волненія крови, маленькая уступка со стороны воли. Ну, перестань-же,—будь человѣкомъ!—Ты хочешь утопить себя?.. вѣдь топятъ только кошекъ, да слѣпыхъ щенятъ. — Я объявилъ уже себя твоимъ другомъ, и повторяю еще, что я связанъ съ твоими интересами самыми неразрыв-

ными узами. — Я не могу никогда лучше услужить тебѣ, какъ именно теперь... Нужно только запастись тебѣ порядочнымъ кошелькомъ... Слѣдуй за нами на войну; не мѣшаетъ наклеить бороду, чтобъ не быть, знаешь, такимъ хорошенькимъ... Ну, и опять я говорю, наполни порядкомъ кошелекъ свой... Дѣло рѣшеное — Дездемона не будетъ долго нѣжничать съ своимъ Мавромъ... не мѣшаетъ, помни, запастись деньгами... такъ точно какъ и Мавръ съ нею. Начало-то было у нихъ слишкомъ-горячо, — повѣрь, что также скоро пойдетъ дѣло и къ концу... не забудь только о полновѣсности кошелька своего... Эти Мавры — народъ не слишкомъ-то постоянный... дѣло въ томъ, чтобъ кошелекъ твой не истощался... самый лакомый кусочекъ скоро покажется ему горьче полыни. — Уже потому, что она молода, она должна перемѣниться. Пусть только насытитъ съ Мавромъ первую страсть — и она захочетъ поправить ошибку своего выбора. Она должна перемѣниться, — должна, повторяю я... между-тѣмъ наполни получше кошелекъ свой. Если ужъ непремѣнно хочется пропасть тебѣ — все-жъ можно выдумать для этого способъ деликатнѣй, нежели просто утопиться... Припаси золота какъ-можно больше... Если мой геній и всѣ силы ада не уничтожатъ этого союза и всѣхъ пустыхъ клятвъ между варварійскимъ бродягою и хитрою Венеціянкой — изъ нея перепадетъ таки кое-что и на твою долю... только, ужъ знаешь—деньги въ этомъ разѣ чисто необходимы... Сдѣлай дружбу, Родриго, не топись! — Выбрось изъ головы мысль эту! Это, чисто, внѣ всякаго разсчета: разсчитывай лучше на то, какъ-бы скорѣе вѣситься на шею своей богинѣ, [10]) нежели топиться, не вкусивъ отъ запрещеннаго древа.

РОДРИГО.

А будешь ты помогать исполненію надеждъ моихъ, если я стану дожидаться?

ЯГО.

О, я твой, — будь увѣренъ! — Иди-ка, да похлопочи о деньгахъ. Я часто говорилъ тебѣ прежде, опять и опять повторяю теперь, что Мавра я ненавижу; ненависть моя глубоко запала въ сердце; твоя должна имѣть не меньше основанія, — и мы теперь соединимся для мести. — Если ты сможешь опозорить его, то и себѣ доставишь удовольствіе, и мнѣ нѣсколько развлеченія

Много, о! много въ пространствахъ грядущаго кроется очерковъ событій, которые время скоро воззоветъ къ бытію... Ну, впередъ, маршъ! Добывай денегъ! Завтра потолкуемъ больше. Прощай!

РОДРИГО.

Гдѣ-жъ мы завтра встрѣтимся?

ЯГО.

Да у меня-же.

РОДРИГО.

Я приду къ тебѣ пораньше.

ЯГО.

Ну, иди-же, прощай! Слышишь Родриго?

РОДРИГО.

Что?

ЯГО.

Не топись! слышишь?

РОДРИГО.

Нѣтъ; — я уже раздумалъ. Продамъ всѣ свои земли.

ЯГО.

Дѣло! — Ну, ступай-же. Прощай. Да какъ можно побольше золота въ кошелекъ!..

(Родриго уходитъ).

Вотъ такъ-то у меня всегда глупцы
Работаютъ для моего кармана...
Да и не глупо-ль тратить опытность
Свою съ подобными шутами, если-бъ
Я не выгадывалъ себѣ при этомъ
И удовольствіе и пользу. — Мавра
Я ненавижу... Ну, а тутъ еще
Друзья со всѣхъ сторонъ кричатъ, что онъ
Вступалъ во временную должность
За пологомъ моей постели...
Хоть въ этомъ я еще не убѣжденъ
Дѣйствительно, — но подозрѣніе
Въ такихъ вещахъ заставитъ поработать

Съ такою-жъ ревностью, какъ очевидность...
Онъ довѣряетъ мнѣ, — мои навѣты
Падутъ ему на сердце. Кассіо
Здѣсь чисто золото — не человѣкъ...
Теперь посмотримъ: получить его
Мѣстечко, мщеніе свое насытить,
Двойная ловкость, Яго!.. Но вѣдь какъ?
Но какъ?.. А вотъ посмотримъ... Да, спустя
Немного временн, сказать Отелло
Такъ... стороной... что Кассіо немножко
Фамильяренъ съ Десдемоной...
Его фигурка, сладенькія рѣчи
Для ревности все-жъ значатъ что-нибудь...
Онъ сотворенъ для женскаго грѣха!..
А Мавръ такъ простъ, довѣрчивъ къ честнымъ людямъ,
Довѣрчивъ ко всему, что́ носитъ маску
Дурацкой честности... И, какъ оселъ,
Водить себя за носъ позволитъ... Да!
Начало сознано... а ночь и адъ
Произведутъ на свѣтъ — чудовище!

(*Уходитъ*).

=

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

=

СЦЕНА I.

Городской приморскій портъ на островѣ Кипрѣ.
Платформа.

ВХОДЯТЪ МОНТАНО И ДВА ОФИЦЕРА.

МОНТАНО.

А что́, не видно-ль на морѣ чего?

1-й офицеръ.

Да ровно ничего. Валы, гремя,
Холмами ходятъ. Межъ небесъ и моря
Нѣтъ мѣста парусу заполоскаться.

монтано.

Да, бурно ураганъ ведетъ съ землей
Свою бесѣду: никогда подобный
Не бушевалъ по стѣнамъ крѣпостнымъ;
И если также бѣшено свиститъ
На морѣ онъ — дубовые бока
Не сдержатъ натиска плывучихъ горъ.
Какія вѣсти будутъ, Боже мой!...

2-й офицеръ.

Не дурны, — ураганъ разсѣетъ флотъ
Турецкій — это вѣрно! — Подойдите
Сюда на берегъ, пѣною облитый,
Смотрите, какъ валы чудовищнымъ
Хребтомъ тѣснятъ ряды косматыхъ тучъ,
Желая словно потушить своимъ
Ключомъ горящую Медвѣдицу,
И свѣтлыхъ стражей полюсовъ недвижныхъ.
Я не видалъ еще морской пучины
Въ такомъ ужасно-яростномъ разгулѣ.

монтано.

Да, если только Турки не успѣли
Поставить корабли на рейдъ — они
Погибли.

(*Входитъ третій офицеръ*).

3-й офицеръ.

Вѣсти, господа! Война
Окончена. — Спасибо бурѣ.... да!
Она такъ расчесала флотъ невѣрныхъ,
Что планамъ ихъ уже не исполняться.
Одинъ изъ благородныхъ кораблей
Республики намъ эту вѣсть принесъ; —

Онъ видѣлъ гибель бо́льшей части флота.

МОНТАНО.

Возможно-ль, справедливо-ль это?

3-й ОФИЦЕРЪ.

Да!
Корабль, принесшій эту новость, здѣсь.
Онъ изъ Вероны. — Флорентинецъ Кассіо,
Недавній лейтенантъ Отелло, вышелъ
Уже на бе́регъ; — знаменитый Мавръ
Плыветъ за нимъ; ему поручена
Вся власть на нашемъ островѣ.

МОНТАНО.

Я радъ
Отъ всей души: — Отелло былъ всегда
Начальникомъ достойнымъ.

3-й ОФИЦЕРЪ.

Но хотя
Онъ намъ принесъ и радостную вѣсть
Объ истребленіи враговъ — въ очахъ
Его однако-же видна тревога;
Онъ молитъ у судебъ спасенья Мавру...
Ихъ корабли шли вмѣстѣ, только ночью
Ихъ бурей разогнало.

МОНТАНО.

Да спасутъ
Его святыя Небеса! — Когда-то
Я подъ начальствомъ у него служилъ —
Онъ властвуетъ, какъ истинный солдатъ.
Идемъ-же на берегъ; посмотримъ тамъ
Прибывшій къ намъ корабль, — а, можетъ-быть,
Что и Отелловъ парусъ мы увидимъ: —
Мы жадно взоры устремимъ на волны —
Пока вечернимъ паромъ не взойдутъ
Онѣ подъ небеса.

3-й офицеръ.

Идемъ. Теперь
Мгновенье каждое ведетъ съ собой
Рядъ новыхъ происшествій.

(*Входитъ Кассіо*).

кассіо.

Благодарный
Привѣтъ мой храбрымъ Кипріотамъ,
Умѣющимъ цѣнить Отелло... О,
Да защитятъ его святыя силы
Противъ стихій; я потерялъ его
Въ опасномъ мѣстѣ.

монтано.

А надеженъ-ли
Корабль его?

кассіо.

Корабль построенъ прочно,
И кормчій опытенъ, неустрашимъ, —
Я не хочу несчастья накликáть,
И твердо вѣрую въ его спасенье...

(*Голоса извнѣ: Парусъ! парусъ! парусъ!*).

(*Входитъ офицеръ*).

кассіо.

Что́ значитъ этотъ шумъ?

4-й офицеръ.

Весь городъ пустъ;
Толпы народа унизали берегъ —
И берегъ стонетъ крикомъ: парусъ! парусъ!

кассіо.

Мнѣ тайный голосъ сердца говоритъ,
Что тамъ нашъ генералъ.

(*Слышенъ выстрѣлъ*).

2-й офицеръ.

Вотъ съ корабля
Салютъ. О, это наши!

КАССІО.

Господа,
Скорѣй, скорѣе кто-нибудь на берегъ. —
Узнайте, кто пріѣхалъ.

2-й ОФИЦЕРЪ.

Я бѣгу.

(Уходитъ).

МОНТАНО.

Скажите, лейтенантъ, что́ генералъ —
Женатъ?

КАССІО.

И какъ нельзя счастливѣй. Онъ
Владѣетъ женщиной, которая
Далеко выше всѣхъ о ней разсказовъ
Кочующей молвы, — далеко выше
Всѣхъ описаній льстиваго пера, —
И если можетъ совершеннымъ быть
Созданіе земли — жена Отелло
Вѣнецъ земнаго совершенства.

(Входитъ офицеръ).

Ну, что́-же... кто прибылъ на корабль?

2 й ОФИЦЕРЪ.

Знаменоносецъ генерала, Яго.

КАССІО.

Да, это слишкомъ-скоро и счастливо. —
И горы волнъ, и бурный ураганъ,
И острыхъ скалъ гребнистые ряды,
И мели — вѣроломные враги
Судовъ невинныхъ — все, склоняся, пало
Предъ дивомъ красоты, и, затаивъ
Глубоко жажду гибели и зла,
Лелѣяло корабль, принесшій къ намъ
Прелестнѣйшую Десдемону.

МОНТАНО.

Кто
Она?

КАССІО.

Та, о которой говорилъ
Я вамъ. Она — властитель нашего
Великаго начальника, Отелло.
Онъ поручалъ ее заботамъ Яго, —
И надобно сказать, что бравый Яго
Опередилъ самое ожиданье,
Успѣвъ прибыть на островъ за семь дней.
Великій Юпитеръ! храни Отелло.... мощнымъ
Дыханіемъ своимъ надуй его вѣтрила;
Скорѣй обрадуй гордымъ кораблемъ
Его нашъ рейдъ, — и страстную тревогу
Крови его горячей успокой
Въ объятьяхъ Десдемоны. — Только онъ
Для новой доблести разбудитъ насъ
И успокоитъ островъ. — Посмотрите....
(Входятъ Десдемона, Эмилія, Яго, Родриго и слуги).
Глядите — драгоцѣнность корабля
На берегу уже. — Склоните-же
Предъ ней колѣна ваши, Кипріоты; —
Привѣтъ мой благородной Десдемонѣ, —
Да осѣнитъ васъ благодать небесъ!

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ, добрый Кассіо!
Какія новости вы можете
Сказать мнѣ о моемъ супругѣ?

КАССІО.

Онъ
Еще не прибылъ къ намъ; но сколько я
Могу судить — онъ внѣ опасности
И скоро будетъ здѣсь.

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ
Меня невольно грусть томитъ. Гдѣ вы
Его оставили?

КАССІО.

Ужасная

Борьба межъ небомъ и морской пучиной
Насъ разлучила.... Слышатель?... Корабль!
(Въ отдаленіи слышны крики: «Парусъ! парусъ»! Слышенъ выстрѣлъ).

2-й ОФИЦЕРЪ.

Онъ салютуетъ крѣпости; корабль
На вѣрно нашъ.

КАССІО.

Узнайте, кто пріѣхалъ. *(Офицеръ уходитъ).*
Да будетъ онъ благословенъ, пріѣздъ
Вашъ, Яго! *(Эмиліи).* Мой привѣтъ синьйорѣ! *(Цѣлуетъ ее).*
Ну, не сердись-же, добрый Яго, что
Немножко вольничаю я: — меня
Воспитывали такъ, что въ этомъ смѣломъ,
Быть-можетъ, нѣсколько поступкѣ, я
Хочу быть только вѣжливъ.

ЯГО.

О синьйоръ!
Пусть будетъ только такъ щедра она
Для васъ на поцѣлуи, какъ для Яго
На язычокъ, — клянусь, пріѣстся скоро.

ДЕСДЕМОНА.

Увы! она почти не говоритъ.

ЯГО.

Не говоритъ!?... клянусь вамъ, — слишкомъ много....
И только чуть задремлешь.... тутъ она
Какъ-разъ уже разговорится. — Да,
При васъ, синьйора, язычокъ она
Хоронитъ въ сердце, — правда! — да за то́
Ужъ какъ работаетъ-то сердце...

ЭМИЛІЯ.

Откуда-жъ это убѣжденье, Яго?

ЯГО.

Ну, ну, жена — ужь лучше перестань!

Всѣ бабы вы — невинныя картинки,
Чуть только ступите за свой порогъ;
За то́ ужъ дома — что твой колокольчикъ!
Вы словно кошки дикія на кухнѣ;—
Когда кусаетесь — святыя вы;
Святую-жъ эту только зацѣпи
И станетъ ангельчикъ чертенкомъ... право!
Хозяйство вамъ — игрушка, но за то́
Ужъ слишкомъ вы хозяйки — на постелѣ....

ДЕСДЕМОНА.

Фи, злоязычникъ!

ЯГО.

О, синьйора, нѣтъ, —
Я только истину сказалъ. — И пусть
Я буду Турокъ, если это ложь.
Для вздора часто вы встаете съ ложа,
И только съ доброй цѣлію ложитесь.

ЭМИЛІЯ.

Ужь не тебѣ, конечно, поручила-бъ
Я похвалить себя.

ЯГО.

Да и умно-бъ
Ты это сдѣлала, жена.

ДЕСДЕМОНА.

А что́
Сказалъ-бы ты, когда-бъ меня хвалить
Пришлося, Яго?

ЯГО.

Васъ? — О пощадите....
Для сладенькихъ рѣчей я чисто нѣмъ,
И съ ними ровно ничего не сто́ю.

ДЕСДЕМОНА.

Что нужды! испытай! — Пошелъ-ли кто
На пристань?

ЯГО.

Да, синьйора!

ДЕСДЕМОНУ.

Какъ-то мнѣ
Невесело.... Но я хотѣла-бы
Притворствомъ обмануть тоску свою....
Ну, какъ-же-бъ похвалилъ меня ты, Яго?

ЯГО.

Я погружаюсь въ мысль, но въ мысляхъ пусто....
Онѣ присохли словно къ мозгу. — Нужно
Оттуда выгнать ихъ. А!... вдохновенье!...
Вотъ что́ мнѣ муза изрекла, синьйора:
Умна и хороша.... ну, умъ пусть служитъ,
А красота — знай тѣшится, не тужитъ.

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ странная манера похвалы....
А что́-бъ сказалъ ты женщинѣ, — положимъ,
Отличной по уму, но безобразной?

ЯГО.

Не хороша.... да только-бы съ умомъ, —
Утѣшится съ хорошенькимъ глупцомъ!

ДЕСДЕМОНА.

Да это хуже прежняго еще!

ЭМИЛІЯ.

Ну, Пиѳія.... а дурочкѣ смазливой?

ЯГО.

Ихъ вовсе нѣтъ: — у каждой толку станетъ,
Шутя себѣ наслѣдника оставить.

ДЕСДЕМОНА.

Все это старыя и глупыя прибаутки, годныя для того только,

чтобъ смѣшить дураковъ въ трактирахъ. И что-же послѣ этого изречете вы той несчастной, которая и глупа и безобразна?

ЯГО.

О, самыя уродливыя дуры
Умѣютъ тоже лихо строить куры! —

ДЕСДЕМОНА.

Какой тяжолый вздоръ! Самую худшую хвалишь ты больше всѣхъ. — Но какъ-бы воспѣлъ ты женщину дѣйствительно достойную, — ту, предъ которою невольно склоняется самое ядовитое злословіе?

ЯГО.

Та женщина, въ которой съ красотою
Нѣтъ глупаго тщеславья съ суетою;
Которая прекрасно говоритъ,
Но во-время и кстати промолчитъ;
Которая богата на добро
И раззсыпаетъ золото умно;
Которая, хоть скажетъ: «я-бъ могла»!
Умно прибавитъ: «отойду отъ зла»!
Которая прощаетъ оскорбленья,
И зная средства мстить, не знаетъ мщенья;
Которая на тощій хвостъ семги
Не промѣняетъ щучьей головы; [11])
Въ которой мыслитъ здраво свѣтлый умъ,
Не открывая заповѣдныхъ думъ;
Которая влечетъ широкій рядъ
Вздыхателей, но не глядитъ назадъ; —
Она-бъ годилась... нечего сказать...

ДЕСДЕМОНА.

На что?

ЯГО.

Ребятъ кормить, да пиво продавать.

ДЕСДЕМОНА.

О, это самое невѣрное и вздорное заключеніе!... Не вѣрь

нравственнымъ убѣжденіямъ его, Эмилія, хоть онъ и мужъ твой. Не правда-ли, Кассіо, сужденія его довольно-плоски, и онъ не слишкомъ стѣсняется выраженіемъ ихъ?

КАССІО.

Это, синьйора, не больше, какъ ходячія прибаутки кстати. Онъ скорѣе понравился-бы вамъ съ мечомъ въ рукѣ, нежели съ философіей на устахъ.

(Десдемона дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться; Кассіо приближается къ ней, и, провожая, беретъ ее почтительно подъ руку; нѣсколько жестовъ взаимной вѣжливости; Яго наблюдаетъ это съ насмѣшливою радостію.)

ЯГО (*въ-сторону*).

Онъ беретъ ее подъ руку; ну, такъ... такъ, шепчитесь нѣжнѣе, невинные голубочки... о, въ этой паутинѣ, Кассіо, скоро затрепещется большой слѣпень.... Да, улыбайся ей, улыбайся слаще; твои нѣжности совьютъ тебѣ, дружокъ, веревку; о, ты мастерски точишь балы смазливымъ бабенкамъ; кто объ этомъ и споритъ; а все-таки за подобный вздоръ, право, жаль потерять лейтенантство... Ну, что изъ того, что ты такъ часто цѣлуешь свои пальцы, хоть ты и опять, вотъ! лобзаешь ихъ съ такою ловкостію... Славный поцѣлуй, — ей-Богу! — чудесная ловкость! кто объ этомъ и споритъ. — И опять ваши пальцы у устъ вашихъ! О, изъ любви къ вамъ, синьйоръ Кассіо, — я-бы желалъ, чтобы брызнула изъ нихъ въ глотку твою всякая скверна.... (*Звукъ трубы*) А, это Мавръ! я узнаю звукъ трубы его.

КАССІО.

Это дѣйствительно онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Поспѣшимъ встрѣтить и принять его.

КАССІО.

Вотъ онъ идетъ.

(Входитъ Отелло и свита.)

ОТЕЛЛО.

О, моя прекрасная воительница!

ДЕСДЕМОНА.

Мой милый Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Я удивленъ и восхищенъ тобою,
О Десдемона, счастіе души
Моей... О! если послѣ бурь всегда
Такъ легко, счастливо на сердцѣ — пусть
Бушуетъ ураганъ и гибельнымъ
Дыханьемъ гонитъ смерть изъ нѣдръ пучины;
Пусть мой корабль летаетъ по валамъ,
Высокимъ какъ Олимпъ, — и кинутый
Съ гребня ихъ въ глубь летитъ до двери ада...
О смерть! иди ко мнѣ... я слишкомъ-счастливъ!
Тамъ... дальше... у меня уже не будетъ
Мгновеній чище и святѣе этихъ...

ДЕСДЕМОНА.

О, да помилуетъ тебя Господь!
Пусть наше счастье и любовь растутъ
И множатся день за день!

ОТЕЛЛО.

О, услышьте,
Святые ангелы, ея молитву!
Я не могу сказать всего, чѣмъ мысль
Моя полна... Ахъ, сколько чувства здѣсь —
А слово пусто, холодно... За-чѣмъ
На мигъ одинъ ты, счастье многихъ лѣтъ!...
Цѣлуй меня, цѣлуй!...

(Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ.)

И пусть лишь споръ
За эти поцѣлуи иногда
Встревожитъ миръ грядущихъ нашихъ дней...

ЯГО (*въ-сторону*).

Да, вы теперь поете такъ согласно...
Но эту музыку рѣчей разстрою-жъ я,
Клянуся честію, разстрою!

ОТЕЛЛО.

Ну,
Идемъ теперь мы въ крѣпость. — Новости,
Друзья! Война окончена, — враги
Перетопились. — Какъ живутъ, скажите,
Старинные знакомцы наши здѣсь?

(Дездемонѣ.)

О, ангелъ мой! повѣрь, что искренно
Тебя полюбятъ Кипріоты: всѣ
Они такъ истинно и много преданы
Отелло твоему. О милая!
Я говорю, и самъ не понимая
Своихъ рѣчей... и мысль моя и сердце
Въ такомъ восторженномъ бреду... *(Яго)* Сходи,
Мой Яго, къ пристани, вели снести
Дорожный чемоданъ мой съ корабля,
Да приведи съ собою въ цитадель
И кормчаго — что́ за лихой морякъ!
Онъ заслужилъ признательность мою
И уваженіе. Ко мнѣ, ко мнѣ,
О Дездемона! столько счастливъ я
Тебя встрѣчая въ Кипрѣ!..

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ.)

ЯГО.

Ты найдешь меня теперь въ гавани. Приходи туда. Но слушай, Родриго, — если есть у тебя то́, что́ зовутъ сердцемъ, — слушай! — (Вѣдь говорятъ-же, что и самые малодушные, когда думаютъ, что любятъ они, одушевляются какимъ-то благородствомъ, незнакомымъ ихъ природѣ.) — На эту ночь въ караулъ наряженъ лейтенантъ: и прежде всего долженъ сказать я тебѣ, что Дездемона рѣшительно влюблена въ него.

РОДРИГО.

Въ него? вздоръ! это невозможно!

ЯГО.

Палецъ на уста — вотъ такъ .. и я объясню тебѣ все дѣло.— Замѣть себѣ, какъ бурна была сначала любовь ея къ Мавру, —

а причина? его тщеславіе, Родриго, да великолѣпная ложь, только!... И ты скажешь, что она долго будетъ любить его за эту болтовню? Нѣтъ! не думай такъ, Родриго! — Нужно-же глазамъ ея успокоиться, — насытиться, что называется, — а что́ за радость вѣчно созерцать такого дьявола, — прости меня Господи!... Когда остываетъ кровь и притупляется понемногу жажда наслажденія, такъ для того, чтобы опять воспламенить ее и создать новыя желанія, нужна красота формы, извѣстное отношеніе лѣтъ, благородная манера, нужно все то́, чего нѣтъ у Мавра; и не находя въ немъ ничего этого, нѣжность чувства Дездемоны скоро исчезнетъ, и мѣсто ея сначала заступитъ равнодушіе, а потомъ и отвращеніе къ Мавру; сама природа разбудитъ въ ней то́ и другое, и, естественно, заставитъ сдѣлать новый выборъ. Теперь, — такъ-какъ мы согласились уже въ этомъ, — (для меня, по-крайней-мѣрѣ, оно ясно какъ день) теперь, говорю, рѣши самъ, кто на лучшей дорогѣ достичь этого счастія... Кассіо, очевидно! — О, это смѣтливый и тонкій балагуръ, и именно съ тою степенью совѣсти, чтобы умѣть поступками приличными и по виду честными отвести вниманіе отъ низкихъ, но слишкомъ-хитро скрываемыхъ намѣреній своихъ; подобнаго ему не знаю я, право, не знаю; о хитрый плутъ, ловкій плутъ, — найдти и ухватиться за случай — это его дѣло; по глазамъ такъ и скажешь, что это совершеннѣйшій человѣкъ, — да на дѣлѣ другое! дьявольскій плутъ! — Къ-тому-жъ, Родриго, онъ прекрасенъ, молодъ, имѣетъ бездну другихъ достоинствъ, которыя всегда кружатъ эти глупыя молодыя головки: преестественный и опасный мошенникъ... и женщина уже замѣтила его.

РОДРИГО.

Я не могу вѣрить послѣднему: она — олицетворенная добродѣтель.

ЯГО.

Охъ, у всего есть свой конецъ, Родриго! — Вѣдь и вино, которое пьетъ она, красовалось прежде въ золотыхъ кистяхъ винограда. — Будь она такъ чиста, какъ ты думаешь — полюбила-бъ ли она Мавра?... Вздоръ! вздоръ, Родриго! — Да развѣ ты и не замѣтилъ, какія штуки выдѣлывала она съ рукою Кассіо? Не замѣтилъ?...

РОДРИГО.

Правда, замѣтилъ что́-то; но думаю, что это не болѣе какъ обыкновенная вѣжливость.

ЯГО.

Развратъ, клянуся этой рукою, развратъ! — это интродукція, это темный еще прологъ въ драму желаній нечистыхъ и сладострастныхъ. Губы ихъ сходились такъ близко, что дыханія какъ-бы сливались въ поцѣлуй... Нечистые помыслы, Родриго! Когда эти взаимныя нѣжности ходятъ ужъ по знакомой дорожкѣ — отъ рукъ дѣло пойдетъ уже быстро и до другаго-прочаго... разумѣешь?... Ну, да! — Но тутъ-то надо дѣйствовать и намъ — и вы ужъ, синьйоръ, благоволите предоставить мнѣ честь руководить немножко нетерпѣніе ваше. Я привелъ васъ сюда изъ самой Венеціи... Бодрствуйте-же эту ночь: я устрою дѣла такъ, что команду назначатъ вамъ; Кассіо васъ не знаетъ, — я буду вблизи васъ. — Найдите средство взбѣсить Кассіо, или горделиво выражаясь, или подшучивая надъ его дисциплиной, или чѣмъ-нибудь другимъ, какъ вамъ уже тамъ заблагоразсудится; случай тутъ самый лучшій совѣтчикъ...

РОДРИГО.

Ладно, ладно....

ЯГО.

Онъ вспыльчивъ, синьйоръ, и бѣшенъ въ гнѣвѣ своемъ.... можетъ-быть онъ васъ еще и ударитъ.... О, заставьте его сдѣлать это; тогда я съумѣю поднять весь островъ, и мятежъ утихнетъ развѣ тогда только, когда на мѣсто Кассіо назначенъ будетъ другой.... Такимъ образомъ, всѣ препятствія падаютъ, и вы приближаетесь къ своимъ цѣлямъ, помощію средствъ, которыя я пущу потомъ въ дѣло; — а безъ того нѣтъ ровно никакой надежды на успѣхъ.

РОДРИГО.

Я сдѣлаю все это, если только найду какой-нибудь случай или возможность.

ЯГО.

За это ужъ я ручаюсь. — Идите-же сейчасъ въ крѣпость. Я пойду выгрузить вещи Мавра. — Прощайте.

РОДРИГО.

Прощай. *(Уходитъ).*

ЯГО.

Что Кассіо влюбленъ въ нее — я вѣрю;
Что̀ любитъ Кассіо она — почти
И это вѣроятно. — Мавръ, — хоть я
Его и ненавижу, — одаренъ
Возвышенной и любящей душой
И сердцемъ благороднымъ; — я увѣренъ,
Что будетъ онъ супругъ внимательный
И нѣжный.... Да, признаться, я и самъ
Люблю ее, хотя любовь моя
Питается не жаждой страсти, — нѣтъ!
Пусть я грѣшу, но это — жажда мести!...
О, мысль проклятая засѣла крѣпко тутъ, —
(Указываетъ на голову).
Что сладострастный Мавръ переступалъ
Когда-то за порогъ моей опочивальни, —
И ядовитымъ минераломъ въ грудь
Мою запала эта мысль.... Да, Мавръ!
За бабу, баба.... Если-жъ не успѣю....
Я жгучимъ ядомъ ревности искусно
Твой гордый умъ и душу оболью....
И если этотъ шутъ, котораго тащу
Изъ самой я Венеціи за собой,
Какъ добраго бульдога для охоты, —
Сумѣетъ ловко повести дѣла —
Я подцѣплю васъ, милый мой Мишель!
Я отепечу ловко васъ предъ Мавромъ, —
Вѣдь чуть-ли не имѣете и вы
Претензіи на мой ночной колпакъ....
И штука въ томъ, что я потомъ съумѣю
У Мавра выслужить признательность,
Любовь и благодарность, все за то̀,
Что обтяну его ослиной шкурой,
И міръ души на вѣки изгоню,
И человѣка въ немъ я опозорю.... *(Кладетъ руку на лобъ).*
Ты здѣсь уже, о мысль! — Но ходишь ты
Еще туманнымъ, смутнымъ очеркомъ....

Да это такъ всегда.... Когда-жъ придетъ
Пора ползти коварству, — такъ оно
Само-себѣ найдетъ дорогу. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Улица.

(*Входитъ герольдъ съ объявленіемъ, — за нимъ толпа народа*).

ГЕРОЛЬДЪ.

Нашему благородному и храброму Отелло, получившему извѣстіе о совершенной гибели турецкаго флота, угодно, чтобъ весь народъ торжествовалъ эту счастливую новость пляской, потѣшными огнями и другими удовольствіями — какъ кому угодно, — ибо кромѣ торжества по этому случаю, сегодня-же Отелло празднуетъ и свою свадьбу. — По его волѣ объявляется это всенародно. — Всѣ крѣпостныя ворота отпираются, и каждому предоставляется полная свобода веселиться отъ настоящей поры, то-есть, съ пяти часовъ вечера, до-тѣхъ-поръ, пока колоколъ прозвучитъ одиннадцать часовъ. — Да благословитъ небо нашъ островъ и нашего благороднаго генерала Отелло! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Зала въ крѣпости.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ДЕСДЕМОНА, КАССІО И СВИТА.

ОТЕЛЛО.

Сегодня, добрый мой Мишель, тебѣ
Я поручаю стражу городскую....
И занимая этотъ важный постъ,
Конечно, нужно быть благоразумнымъ,
И помнить строго дѣло межъ бездѣльемъ.

КАССІО.

Я передалъ ужь Яго нужные

Приказы; — между-тѣмъ и самъ сейчасъ
Всѣ осмотрю посты.

ОТЕЛЛО.

Ну, хорошо;
Нашъ честный Яго разумѣетъ дѣло.
Прощай, Мишель; да поутру пораньше
Зайди ко мнѣ, — намъ нужно кой о чемъ
Потолковать съ тобой. — *(Десдемонѣ).*
Теперь пойдемъ,
Мой милый другъ; распоряженія
Всѣ сдѣланы, — пусть тѣшится народъ, —
И наше счастье, Десдемона, близко....
Прощайте! доброй ночи!

(Отело, Десдемона и свита уходятъ. Входитъ Яго).

КАССІО.

Здорово, Яго; кажется, пора и намъ отправляться къ своему мѣсту.

ЯГО.

И, что́ вы, лейтенантъ! еще не было и десяти часовъ; — генералъ покинулъ насъ такъ рано для своей Десдемоны. Намъ, конечно, не судить его за то́, — вѣдь врядъ-ли пришлося еще ему и пошалить порядкомъ съ нею, — а кто не скажетъ, что это былъ-бы лакомый кусочекъ и для самого Юпитера.

КАССІО.

О, да! она женщина самая очаровательная!

ЯГО.

И, — за что́ ручаюсь я, — слишкомъ-жадная къ наслажденію.

КАССІО.

Существо самое-нѣжное и безконечно-восхитительное.

ЯГО.

Что́ за очи, Кассіо! и что́ за страстное выраженіе у очей этихъ!

КАССІО.

Да, они такъ краснорѣчивы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, и такъ скромны.

ЯГО.

А когда говоритъ она, —не вызываютъ-ли на любовь они, эти чудесные звуки.

КАССІО.

Клянусь, она совершенна.

ЯГО.

Охъ, да, Кассіо!... Пусть-же счастіе осѣнитъ ихъ брачное ложе! Пойдемъ, лейтенантъ, у меня найдется еще бутылка добраго вина, а за порогомъ найдемъ пару, другую лихихъ кипріотовъ, которые съ радостью чокнутся за здоровье чернаго Отелло.

КАССІО.

Только не теперь, мой добрый Яго! — Да и голова-то моя слишкомъ слаба для вина; — я боюсь его; — по моему-бы лучше, если-бъ товарищи выдумали что-нибудь другое для развлеченія.

ЯГО.

Да вѣдь это, Кассіо, друзья наши... И при томъ стаканъ, одинъ стаканъ только; что придется на вашу долю больше — я пью за васъ.

КАССІО.

Я выпилъ уже сегодня вечеромъ одинъ стаканъ, и то съ условіемъ, чтобы вино развели водой, — а вотъ посмотри, я непохожъ уже и самъ на себя. — Да, это несчастная слабость, и я, конечно, не рѣшусь уже на новый пріемъ.

ЯГО.

Такъ-то! И вы, послѣ этого, мужчина!.. Э, полно-те, — да вѣдь ночь эта и назначена для шалостей только. Благородные друзья наши ждутъ этого — не дождутся.

КАССІО.

А гдѣ они?

ЯГО.

Да вотъ за дверью. — Проситe-ка ихъ.

КАССІО.

Пожалуй, но только мнѣ не хотѣлось-бы этого.

(*Уходитъ*).

ЯГО.

Ну, еслибъ удалось теперь подлить
Еще хотя одинъ стаканъ вина
Къ тому, что въ немъ играетъ ужь порядкомъ, —
О, онъ тогда на ссору и на драку
Полезъ-бы, какъ собачка молодой
Моей синьйоры... А межъ-тѣмъ Родриго,
Безмозглый шутъ, которому любовь
Со всѣмъ, кажись, башку перевернула, —
Успѣлъ уже, во славу божества
Души своей, порядкомъ нализаться...
Онъ недалеко... Трое Кипріотовъ,
Съ характеромъ отважнымъ, благороднымъ,
И слишкомъ-щекотливымъ въ дѣлѣ чести,
Краса и честь воинственнаго Кипра,
То-жъ осушили полные стаканы,
И впору явятся. — Теперь, среди
Ватаги этихъ пьяныхъ, нужно мнѣ
Съумѣть заставить Кассіо обидѣть
Какимъ-нибудь поступкомъ островитянъ...
Но вотъ они идутъ; когда мечты
Мои осуществятся, — о, тогда
Ладья моя отважно полетитъ,
Гонимая и вѣтромъ и стремниной...

(*Входятъ Кассіо, Монтано и офицеры*).

КАССІО.

Клянусь небомъ — они меня попли больше, чѣмъ нужно.

МОНТАНО.

Э, вздоръ! — Какая-нибудь тамъ бутылка, ну, слово стараго солдата.

ЯГО.

Эй, вина! — шевелись!..

(*Поетъ*).

Чарочка по столику похаживаетъ,
Разумница поговариваетъ:
Солдатъ — человѣкъ
Не какой его вѣкъ, —
Такъ пусть-же винцо онъ потягиваетъ.

Люди!.. вина!

(*Приносятъ вино*).

КАССІО.

Клянусь небомъ — славно ты поешь Яго!

ЯГО.

Я выучилъ эту пѣсенку въ Англіи, — гдѣ пьютъ ужъ чисто на-славу, — какъ честный человѣкъ! — Всѣ ваши Датчане и Нѣмцы, и толстяки Голландцы, — ну, да выпьемъ-же что-ли?... не стóятъ ровно ничего противъ Англичанъ.

КАССІО.

Будто твой Англичанинъ и за-правду ужъ такой записной питухъ?

ЯГО.

Какъ честный человѣкъ! Онъ шутя положитъ замертво пьянаго Датчанина, онъ и не пошатнется перетянувши Нѣмца, и прежде чѣмъ успѣетъ пропустить въ глотку другую бутылку, у Голландца пойдетъ ужь оно черезъ глотку.

КАССІО.

Здоровье нашего генерала!

МОНТАНО.

Я не прочь, лейтенантъ, — и потягаюсь таки съ вами.

ЯГО.

О милая Англія! *(Поетъ).*

Король Стефанъ, герой страны,
Въ цѣлковый сшилъ себѣ штаны; —
Но лишнее портной содралъ!..
За то и онъ ужъ сдачи далъ. —
«Ты, просто, братецъ дрянь!» сказалъ.
А онъ вѣдь парень былъ лихой,
Не то, что ты такой-сякой...
Такъ у него ужъ поучись. —
Въ карманѣ нѣтъ — не горячись,
А есть деньга — такъ шевелись! 12)

Эй, вина!

КАССІО.

Ну, братъ Яго, — да это еще лучше первой.

ЯГО.

Хотите послушать еще ее?

КАССІО.

Нѣтъ; и я считаю того недостойнымъ своего званія, кто дѣлаетъ подобныя вещи. — Да!.. Всѣ мы подъ небомъ ходимъ... и на небо пойдутъ всѣ души — и тѣ, которыя спасутся, и тѣ, которыя не спасутся.

ЯГО.

Правда ваша, правда, добрый лейтенантъ!

КАССІО.

Что касается собственно до меня, — вѣдь я не оскорблю-же этимъ ни генерала, ни другихъ начальниковъ, — я надѣюсь быть спасеннымъ.

ЯГО.

Я тоже, лейтенантъ!

КАССІО.

Да, да; хорошо! но пусть ужъ, Яго, я прежде... лейтенантъ

долженъ быть спасенъ прежде знаменоносца... Но довольно объ этомъ, пора и за дѣло... О прости намъ, Боже! прегрѣшенія наша!.. Господа помнить свое дѣло!.. Не думайте, что я пьянъ... Вотъ мой знаменоносецъ! это правая рука моя, а это лѣвая. — Я теперь не пьянъ уже... я могу очень-твердо стоять и очень-твердо говорить.

ВСѢ.

Совершенно-справедливо!

КАССІО.

Ну, и хорошо: а вамъ не должно и думать, что я пьянъ.

(*Уходитъ*).

МОНТАНО.

На платформу, господа, — перемѣнимъ стражу.

ЯГО (*Монтано*).

Вы видѣли конечно офицера,
Что первый выбѣжалъ отсюда; — вотъ
Прямо солдатъ! соперникъ Цезаря!
Какъ мастерски распоряжается
Онъ въ дѣлѣ! — Но порокъ несчастный этотъ
Потянетъ ровно столько-жъ, какъ и всѣ
Достоинства его... Ахъ, жалокъ онъ!
И я боюсь, чтобы довѣренность
Къ нему Отелло — не была когда
Нибудь причиною кровавыхъ смутъ
На островѣ, въ минуту слабости
Его.

МОНТАНО.

А это развѣ съ нимъ случается
Не рѣдко?

ЯГО.

Да, обыкновенно — такъ,
На сонъ грядущій... Если-бъ сутки были
Изъ сорока восьми часовъ — такъ онъ
И тутъ-бы не заснулъ, пока вино
Не закачало-бъ колыбель его.

МОНТАНО.

Но это-жъ должно объявить Отелло!
Быть-можетъ, этого не знаетъ онъ; —
Или, по добротѣ своей, и знать
Не хочетъ слабостей его, одни
Достоинства въ немъ оцѣняя...
Не такъ-ли? (*Входитъ Родриго*).

ЯГО (*тихо*).

Какъ, ты здѣсь еще, Родриго?
Прошу-жъ тебя, бѣги за лейтенантомъ;
Скорѣй! скорѣй! (*Родриго уходитъ*).

МОНТАНО.

Ахъ, это жаль, что Мавръ
Довѣрилъ важный лейтенантскій постъ
Тому, кто постоянно пьянъ. — Сказать
Объ этомъ Мавру было-бъ добрымъ дѣломъ...

ЯГО.

Но я... нѣтъ, не рѣшусь я донести,
Ни даже за прекрасный этотъ островъ,
Я такъ люблю синьйора Кассіо!..
Ахъ я отдалъ бы все, чтобъ исцѣлить
Его отъ этой слабости... Но что за шумъ?
Вы слышите?

(*Крики извнѣ: «Помогите! помогите!» Вбѣгаетъ Кассіо, преслѣдуя Родриго*).

КАССІО.

Ты негодяй, мерзавецъ!

МОНТАНО.

Въ чемъ дѣло, лейтенантъ?

КАССІО.

Ахъ, ты бездѣльникъ!
Меня учить! Да я тебя, уродъ,
Какъ пробку вколочу въ плетенку эту.

РОДРИГО.

Какъ! бить меня!?

КАССІО.

Ты смѣешь разсуждать
Еще, животное!

(Бьетъ его).

МОНТАНО.

Ахъ, удержитесь
Мой добрый лейтенантъ, прошу васъ!

КАССІО.

Прочь!
Оставь меня! или, клянуся, я
Влѣплю тебѣ пощечину.

МОНТАНО.

Вотъ какъ!
Да вы, синьйоръ, пьяно...

КАССІО.

Я пьянъ?

(Они дерутся).

ЯГО (*тихо Родриго*).

Бѣги! — скорѣе, говорятъ тебѣ;
Кричи, зови на помощь!

(Родриго уходитъ).

Боже мой!
Ахъ, добрый лейтенантъ! — ахъ помогите!
О лейтенантъ!... синьйоръ мой! о Монтано...
Да надо-жъ развести ихъ господа!
Ну, стража.... нѣчего сказать!

(Слышенъ набатъ).

Набатъ!
Ахъ, да ча-чѣмъ они волнуютъ островъ!...
За-чѣмъ тревожить городъ, чортъ возьми!
Молю васъ, лейтенантъ, остановитесь!
Да вы покроете на-вѣкъ стыдомъ
Себя...

(Входитъ Отелло и свита).

ОТЕЛЛО.

Что за причина шума?

МОНТАНО.

Ахъ!
Я весь въ крови... я на́ смерть пораженъ...
Смерть и ему!

ОТЕЛЛО.

Остановитесь-же,
Остановитесь, ради вашей жизни!

ЯГО.

Стой! перестаньте! Лейтенантъ... Синьйоръ
Монтано! Вы забыли, господа,
И мѣсто и обязанность свою...
Остановитесь! съ вами говоритъ
Вашъ генералъ! Я честью заклинаю васъ,
Остановитесь!

ОТЕЛЛО.

Что́ это такое?
Откуда? ка́къ случилося все это?
Да развѣ Турки вы? — За-чѣмъ вы сами
Хотите сдѣлать надъ собою то́,
Что́ запретило Небо Оттоманамъ?
Для чести христіанства, прекратите
Сей-часъ-же эту варварскую травлю...
Кто ступитъ шагъ одинъ для мести — тотъ
Не дорожитъ своей душою... да,
Движенье это будетъ сто́ить жизни!
Пусть смолкнетъ этотъ страшный звонъ; — за-чѣмъ
Тревожа́тъ островъ?... Ну, да говори-жъ
Мнѣ кто-нибудь: въ чѣмъ дѣло? — Честный Яго!
Скажи! — и самъ ты этимъ пораженъ
Такъ глубоко́, — скажи мнѣ кто-же началъ?
Изъ дружбы, изъ любви ко мнѣ, скажи!

ЯГО.

Не знаю, генералъ! — Мгновеніе
Назадъ, мы всѣ здѣсь весело-болтали,

Такъ весело, какъ новобрачные
Болтаютъ первый вечеръ въ спальнѣ... Вдругъ
Какъ будто что пашло на нихъ: мечи
Сверкнули, — въ изступленіи кровавомъ
Они схватились грудь-на-грудь... Но что
Было причиной этой странной ссоры
Я не могу сказать... и пусть-бы лучше
Пропали въ честной битвѣ эти ночи,
Что принесли меня въ свидѣтели
Несчастной ссоры этой...

ОТЕЛЛО.

Какъ ты могъ,
Мишель, до этого себя унизить?

КАССІО.

О пощадите! умоляю васъ...
Я не могу вамъ ничего сказать.

ОТЕЛЛО.

Вы, храбрый мой Монтано, прежде были
Всегда такъ снисходительны къ другимъ;
Отъ ранней юности васъ отличали,
Какъ человѣка самихъ строгихъ правилъ,
И имя ваше славилось въ устахъ
Мудрѣйшихъ; — такъ за-чѣмъ-же вы теперь,
Синьйоръ, подобными поступками
Грязните сами это имя?... Да,
Грязните и мѣняете его
На прозвище ночнаго драчуна
И забіяки!... Отвѣчайте мнѣ!

МОНТАНО.

Мой благородный генералъ! я раненъ
И, кажется, опасно раненъ я...
Спросите Яго; — онъ вамъ скажетъ все,
Но самого меня увольте, генералъ,
Отъ этихъ объясненій.... тяжело,
Такъ тяжело припоминать мнѣ это, —
Хоть знаю, что ни словомъ, ни поступкомъ
Не измѣнилъ себѣ я въ эту ночь —

Когда самохраненіе не есть
Порокъ; когда не преступленье
Отъ смерти оборона...

ОТЕЛЛО.

О, клянусь
Вамъ Небомъ — гнѣвъ меня уже безумитъ!
Онъ поведетъ меня другимъ путемъ...
И если разъ забудусь я, — страстями
Разсудокъ помутивъ, — о, лучшаго
Изъ васъ, клянуся, сокрушу тогда
Подъ этою рукой! — Я знать хочу,
Какъ начался постыдный этотъ споръ?
Кто былъ причиною его?... и кто
Окажется виновнымъ — если-бы
Насъ вмѣстѣ родила одна утроба —
Онъ потерялъ меня на-вѣки. Какъ!
Мы не успѣли позабыть еще
Осаду, жители еще полны
Тревожнымъ ужасомъ — и вамъ, синьйоры,
Затѣять мелочныя ссоры... въ ночь...
И гдѣ? — тамъ — гдѣ хранятъ общественный
Покой... Ужасно!... Яго, кто-же началъ?

МОНТАНО.

Но если ты изъ дружбы, уваженья,
Изъ страха скажешь словомъ больше,
Иль меньше противъ истины — тогда
Ты, Яго, не солдатъ.

ЯГО.

Вы тронули
Слабѣйшую струну мою, синьйоръ!...
Я соглашусь скорѣй себѣ языкъ
Отрѣзать, нежели обидѣть Кассіо....
Но думаю, что правду говоря,
Его ничѣмъ не оскорблю я... Вотъ
Какъ было дѣло, генералъ: — сидимъ
Съ Монтано мы, болтая кой-о-чемъ,
Какъ вдругъ врывается къ намъ кто-то съ воплемъ:

Спасите! помогите! — Кассіо
Вбѣжалъ за нимъ, съ мечомъ въ рукѣ, готовый
Его пронзить.... Вотъ этотъ офицеръ
Кидается къ нему и умоляетъ
Оставить эту ссору... я межъ-тѣмъ
Спѣшу на улицу, чтобъ удержать
Бѣжавшаго, который воплями
Своими могъ встревожить сонный городъ, —
Какъ и случилося, — но онъ бѣжалъ
Такъ скоро, что догнать его не могъ я.
Бѣгу назадъ, и тѣмъ скорѣй, что слышу
Удары звонкіе мечей, и Кассіо
Гремящаго проклятьями... чего
До самой этой ночи я-бъ не могъ
Сказать о немъ... Когда я къ нимъ вошелъ, —
(Все это дѣло одного мгновенья) —
Они ужъ бѣшено схватились грудь
На грудь, и щедро сыпали удары,
Пока не развели ихъ сами вы.
Вотъ все, что могъ-бы я сказать!... Но люди
Всегда не болѣе какъ люди... Лучшіе
Забудутся порой... Хоть Кассіо
Немного оскорбилъ его, — кого
Вѣдь въ бѣшенствѣ не оскорбишь, —
Но, вѣрно, Кассіо и самъ, — какъ я,
Конечно, думаю, — не меньше былъ
Обиженъ неизвѣстнымъ бѣглецомъ,
И вынести не могъ своей обиды...

ОТЕЛЛО.

Я знаю, Яго, честная душа
Твоя изъ нѣжной дружбы къ Кассіо
Захочетъ уменьшить его проступокъ...
Я, Кассіо, люблю тебя; но ты
Служить при мнѣ ужъ никогда не будешь.

(*Входитъ Дездемона и ея свита.*)

Глядите... вы встревожили мою
Супругу милую... О, накажу
Тебя примѣрно я!

ДЕСДЕМОНА.

Что здѣсь, мой милый?

ОТЕЛЛО.

Теперь спокойно все, любезный другъ!
Уйди, засни опять, не безпокойся...
Я буду самъ заботиться, Монтано,
О вашихъ ранахъ... Проводить его!

(*Монтано уводятъ.*)

Ты, Яго, наблюдай внимательно
За городомъ, и успокой толпу,
Встревоженную этимъ... Ну, пойдемъ
И мы, мой милый другъ!... Вотъ жизнь солдата!
И лучшіе часы его всегда
Тревогамъ отданы...

(*Уходятъ всѣ, кромѣ Яго и Кассіо.*)

ЯГО.

А что, и васъ ранили, лейтенантъ?

КАССІО.

Да, и неисцѣлимо.

ЯГО.

Э, что вы! Слава Богу, нѣтъ!

КАССІО.

Мое имя, имя, имя! я потерялъ мое доброе имя! Я потерялъ безсмертную часть самого себя.... во мнѣ осталось только животное... Мое имя, Яго, имя мое!

ЯГО.

Какъ честный человѣкъ, я думалъ, что васъ таки-порядкомъ прокололи; по-моему, такъ это немножко чувствительнѣе, нежели всѣ возможныя раны имени.. Что оно такое, имя это? — Звукъ пустой и ложный, значеніе, которое бросятъ вамъ часто безъ заслуги вашей, еще чаще отнимутъ безъ вины вашей... Но вы и не потеряли этого имени, — развѣ ваше собственное воображеніе создало такое убѣжденіе. — Вы мужчина, Кассіо, ободритесь; есть много дорогъ, которыя могутъ привести васъ опять

въ милость къ генералу; вѣдь онъ отрѣшилъ васъ только въ порывѣ гнѣва, — и, повѣрьте, наказаніе это больше такъ... для вида... нежели изъ нерасположенія его къ вамъ: такъ иногда усердно поколотишь свою смирную собаку, чтобъ запугать только страшнаго льва. Поклонитесь лишній разъ, да попросите его хорошенько — и онъ снова вашъ.

КАССІО.

Я скорѣе попрошу, чтобы онъ вдвое сильнѣе презиралъ меня, нежели рѣшусь доставить новыя непріятности такому доброму начальнику, навязавъ ему помощника слабодушнаго, пьянаго, безразсуднаго.... Пить! нести вздоръ! спорить! хвастать! сыпать ругательства и клятвы! пороть галиматью съ собственною тѣнью! — О ты, незримая сила вина! если нѣтъ еще у тебя имени, да будетъ оно — дьяволъ!

ЯГО.

Что это за человѣкъ, за которымъ гнались вы съ мечомъ въ рукѣ? Что онъ вамъ сдѣлалъ?

КАССІО.

Не знаю.

ЯГО.

Возможно-ли?

КАССІО.

Я припоминаю многое, но слишкомъ-смутно... была ссора, — но какъ и за что — не знаю. — О, за-чѣмъ люди приводятъ въ душу свою врага, который отнимаетъ у нихъ разсудокъ! — За-чѣмъ въ наслажденіяхъ, среди празднествъ, обращается человѣкъ въ звѣря!

ЯГО.

Вотъ оно уже и видно, что вамъ гораздо-лучше; какъ это вы такъ скоро выздоровѣли?

КАССІО.

Демону пьянства угодно было смѣнить себя демономъ гнѣва;

одно заблужденіе показываетъ мнѣ другое, чтобы я вполнѣ презиралъ себя.

ЯГО.

Э, да это ужъ слишкомъ-строгая мораль. Оно, дѣйствительно, — сообразивши время, мѣсто и настоящее положеніе острова, — можно-бы искренно пожелать, чтобы этого не было; — но если ужъ оно есть какъ есть, — то нужно только съумѣть повернуть дѣлами такъ, чтобъ опять было, какъ и прежде было.

КАССІО.

Да, я приду къ нему просить возвращенія прежняго мѣста, а онъ скажетъ что я — пьяница!... Да имѣй я столько ртовъ, какъ гидра — подобный отвѣтъ закроетъ ихъ всѣ!.. Быть дѣльнымъ человѣкомъ, и потомъ вдругъ обезумѣть, и вслѣдъ за тѣмъ обратиться въ дикаго звѣря... Странныя, странныя вещи!.. Да, каждый лишній стаканъ — проклятъ уже; вмѣстѣ съ виномъ входитъ въ него и дьяволъ.

ЯГО.

Э, перестаньте, право!.. доброе вино — существо кроткое и дружелюбное, если только обходиться съ нимъ съ толкомъ; — не восклицайте ему напрасныхъ проклятій! Послушайте, лейтенантъ, — я, кажется, могу думать, что вы увѣрены въ моей преданности къ вамъ.

КАССІО.

Да, ты мнѣ доказалъ ее, — мнѣ, пьяному!

ЯГО.

Вы человѣкъ, — какъ и всѣ люди, могли-же когда-нибудь и напиться... Я хочу сказать вамъ, что вы должны дѣлать теперь. Въ настоящее время дѣйствительный генералъ нашъ — жена генерала; — я говорю это въ томъ смыслѣ, что весь онъ предался созерцанію ея прелестей, своей страсти къ ней... Довѣрьтесь ей вполнѣ, наскучайте ей просьбами; она поможетъ вамъ занять ваше прежнее мѣсто. Она такъ искренна, обязательна, внимательна; такъ полна доброты и благости, что готова упрекать себя каждый разъ, когда не сдѣлаетъ больше того,

что́ обѣщала. Умоляйте ее возобновить прежнія отношенія между вами и ея супругомъ, и я держу пари на все свое состояніе противъ бездѣлицы, что, такимъ образомъ улаженныя, они будутъ еще гораздо-крѣпче прежняго.

КАССІО.

Ты говоришь дѣло.

ЯГО.

Это мнѣніе искренней привязанности и чистой дружбы.

КАССІО.

Я отъ-души этому вѣрю, и рано утромъ попрошу благородную Десдемону поговорить обо мнѣ; если-жъ не удастся и это средство, я долженъ буду потерять всякую надежду на свое будущее.

ЯГО.

Это справедливо. — Доброй ночи, лейтенантъ! Мнѣ еще нужно осмотрѣть всѣ посты.

КАССІО.

Доброй ночи, честный мой Яго. (*Кассіо уходитъ*).

ЯГО.

И кто-жъ осмѣлится теперь сказать,
Что дѣло-то нечисто? что совѣтъ
Неискренень? противурѣчитъ дѣлу?
Что это не единственное средство
Войти опять въ довѣренность Отелло —
Уже и потому, что такъ легко
Склонить ее на всякое добро,
Ее, благую — какъ стихіи міра?..
А ей не стóитъ ровно ничего
Все выпросить у Мавра, что́ захочетъ —
Будь это отреченіе отъ вѣры,
Отъ всѣхъ святыхъ символовъ искупленья!
Душа его такъ предана любви,
Что Десдемона чисто изъ капризовъ,
Ворочать можетъ слабой волей Мавра,

Какъ только вздумается ей... Теперь...
Не правъ-ли я, указывая Кассіо
На этотъ вѣрный путь?!.. Владыко ада!
Ведь демоны твои всегда, создавъ
Достойные ихъ планы, напередъ
Одѣнутъ ихъ небесной красотою...
А это дѣлаю и я... И вотъ,
Межъ-тѣмъ, какъ этотъ легковѣрный олухъ
Хлопочетъ шибко о своемъ прощеньѣ
У Дездемоны; — а она твердитъ
Настойчиво о томъ-же Мавру, — я
Волью ему искусно въ ухо ядъ
Ужасныхъ подозрѣній; — я ему
Шепну, что настоящая причина
Докучныхъ этихъ просьбъ, не больше, какъ
Ея преступная къ виновному любовь; —
И чѣмъ усерднѣй будетъ говорить
Она за Кассьо, тѣмъ скорѣй любовь
И уваженье Мавра потеряетъ...
Тебя погубитъ доброта твоя...
И благодушіе, — изъ нихъ густую
Я сѣть сплету, и сѣтью той я всѣхъ
Васъ разомъ отенечу... (*Входитъ Родриго*).
Что Родриго?

РОДРИГО.

Я тоже, кажется, здѣсь на охотѣ; но меня не пускаютъ на дичину, а заставляютъ только порскать по горячимъ слѣдамъ ея. Карманъ мой почти пустъ, въ эту ночь я перенесъ столько оскорбленій — и, кажется, за все это я выиграю только лишнюю долю опытности, потомъ, размѣнявъ такимъ-образомъ кучу чистыхъ денежекъ на мелочь благоразумія, — пущусь съ Богомъ обратно въ Венецію.

ЯГО.

Ахъ, нетерпѣніе — большой порокъ!..
Какія-жъ раны лечатся мгновенно?
Вѣдь нѣчего-жъ и говорить тебѣ,
Что мы работаемъ однимъ умомъ:
Не черти-жъ, Господи прости! намъ служатъ.

А замыслы ума осуществитъ
Одно лишь время... Впрочемъ, что-же тутъ
Дурнаго?.. Кассіо тебя поколотилъ,
Ты говоришь, — ну и пускай себѣ
Поколотилъ, вотъ важность-то велика!
А не чрезъ это-ли и самъ погибъ онъ?
Да, многое цвѣтетъ чудесно, другъ,
Безъ теплоты и свѣта, но законъ —
Что́ прежде расцвѣтетъ, то́ и созрѣть
Должно сначала; — потерпи-жъ еще
Немножко... Вотъ ужъ разсвѣло — теперь
Обѣдня, дальше развлеченія,
А тамъ дѣлишки кой-какія незамѣтно
День скучный сократятъ... Ну, уходи
Теперь, ступай себѣ въ свою квартиру...
Иди-же, говорю, — не долго ждать —
Узнаешь больше... а теперь прощай! (*Родриго уходитъ*).
Двѣ вещи нужно-бы теперь еще
Обдѣлать: первое — сказать женѣ,
Чтобъ попросила толкомъ Дездемону
За Кассіо, другое — удалить на часъ
Отелло, и потомъ навесть его
Искусно на бесѣду Кассіо
Съ его женой; да, это дѣльный планъ!
И нужно только дѣйствовать умно,
Рѣшительно и скоро.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ за́мкомъ.

Входитъ КАССІО, *за нимъ* МУЗЫКАНТЫ.

КАССІО.

Играйте здѣсь; — я щедро заплачу́.
Ну, что-нибудь веселое; потомъ
Кричите: «Добрый день! привѣтствуемъ
Васъ, генералъ»! [13]).

(*Музыка начинаетъ играть. — Входитъ шутъ*).

ШУТЪ.

А что́, братцы, видно инструменты-то ваши не минули таки Неаполя [14]); они что-то слишкомъ-подозрительно выражаются въ носъ.

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Ка́къ, синьйоръ, что́-такое?

ШУТЪ.

Скажите на-милость — это у васъ называется духовыми инструментами?

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Я думаю, что такъ, синьйоръ.

ШУТЪ.

О, такъ они съ душкомъ таки.

1-й музыкантъ.

Да какъ-же это инструментъ съ душкомъ? [15]).

ШУТЪ.

Ну, знаешь одинъ на одинъ не придется, а мнѣ таки пришлося видѣтъ ихъ довольно всякихъ.... Но вотъ вамъ, почтеннѣйшіе, плата за работу: генералу такъ понравилась ваша музыка, что онъ отъ души желаетъ вамъ всякаго успокоенія.

1-й музыкантъ.

Пожалуй, мы и перестанемъ.

ШУТЪ.

Если-бы, — видите, — у васъ нашлась такая, что играетъ въ тихомолку, такъ оно, пожалуй, и опять начать-бы можно, — а иначе, на генерала вамъ считать чисто нѣчего; — онъ, какъ говорятъ, неслишкомъ-то большой любитель музыкъ.

1-й музыкантъ.

Ну! такой, какъ вы спрашиваете, у насъ нѣтъ, синьйоръ.

ШУТЪ.

Такъ убирайте-же свои дудки въ мѣшки — и съ Богомъ. Мнѣ тоже нужно идти. — Ну, въ разсыпную — мигомъ!

(*Музыканты уходятъ*).

КАССІО.

Послушай, любезный!

ШУТЪ.

Нѣтъ! я не слушаю вашего любезнаго, я слышу васъ.

КАССІО.

Пожалуйста оставь свои остроты. Этотъ червонецъ назначается тебѣ, но съ условіемъ: если дама, которая находится при же-

нѣ генерала, уже вышла, такъ ты долженъ сказать ей, что нѣкто Кассіо проситъ у нея, какъ милости, минутнаго разговора. Сдѣлаешь-ли ты это?

ШУТЪ.

Она уже вышла, синьйоръ, изъ своихъ покоевъ; а если захочетъ выйти и сюда, — я, пожалуй, перескажу ей вашу просьбу.

(*Уходитъ*).

Входитъ ЯГО.

КАССІО.

Ахъ, добрый другъ, ты очень кстати, Яго!

ЯГО.

А вы и не ложились еще?

КАССІО.

Нѣтъ, прежде, чѣмъ мы разошлись, уже
Свѣтало.... Я осмѣлился просить
Свиданья у жены твоей; хочу,
Чтобъ и она замолвила словцо,
Другое, за меня у Десдемоны.

ЯГО.

Я вышлю къ вамъ ее сейчасъ, а самъ
Подумаю, какъ удалить Отелло,
Чтобъ на досугѣ вамъ — свободнѣе
Поговорить.

КАССІО.

Благодарю тебя! (*Яго уходитъ*).
Я никогда не видѣлъ Флорентинца
Честнѣе и услужливѣй его. (*Входитъ Эмилія*).

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, здравствуйте, нашъ добрый лейтенантъ!
Такъ живо тронута я вашимъ горемъ....
Но впрочемъ скоро перемѣнится
Все это къ лучшему. Съ женой своей
Отелло говорилъ уже объ этомъ,

И Дездемона горячо за васъ
Его просила; Мавръ ей отвѣчалъ,
Что раненный играетъ важную
Здѣсь роль, что знаменитаго опъ рода,
И что благоразуміе ему
Теперь не позволяетъ согласиться
На просьбу эту; по прибавилъ,
Что много любитъ васъ, и потому,
Изъ личнаго расположенья къ вамъ,
Безъ всякихъ просьбъ, онъ не пропуститъ случай
Вамъ мѣсто прежнее и дружбу возвратить.

КАССІО.

И все-таки я умоляю васъ
Когда-нибудь доставить случай мнѣ
Поговорить объ этомъ съ Дездемоной
На-единѣ.

ЭМИЛІЯ.

Ступайте-же со мной;
Я съ нею васъ оставлю одного,
И вы свободно ей откроете
Всю душу.

КАССІО.

Много васъ благодарю.

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЯГО И ОФИЦЕРЫ.

ОТЕЛЛО.

Послушай, Яго, отнеси скорѣй
Вотъ эти письма кормчему; скажи
Ему, чтобы покорный мой привѣтъ
Онъ передалъ Республикѣ.... Потомъ

Придешь ко мнѣ, — я буду въ это время
У крѣпостныхъ работъ.

ЯГО.

Мой добрый генералъ!

ОТЕЛЛО.

Ну, господа,
Пойдемъ теперь, осмотримъ укрѣпленья.

ОФИЦЕРЫ.

Мы слѣдуемъ за вами, генералъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Передъ за́мкомъ.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, КАССІО И ЭМИЛІЯ.

ДЕСДЕМОНА.

Увѣрьтесь-же достойный Кассіо,
Что я употребить готова все
Для вашей пользы.

ЭМИЛІЯ.

Добрая синьйора,
И я прошу васъ — мужъ мой огорченъ
Не меньше Кассіо несчастьемъ этимъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, да! онъ честный человѣкъ. — Итакъ
Не сомнѣвайтесь, Кассіо, что скоро
Я помирю васъ съ мужемъ совершенно.

КАССІО.

О благодушная заступница
Моя! Что́-бъ ни случилось съ Кассіо,

Всегда найдете въ немъ вы человѣка
Душевно, вѣчно преданнаго вамъ.

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ! вы такъ любите
Отелло моего, и такъ давно
Знакомы съ нимъ.... О, я увѣрена,
Что эта странность вашихъ отношеній
Окончится сейчасъ, какъ только это
Дѣла политики позволятъ.

КАССІО.

Но
Политика пойдетъ на-долго эта,
Когда ее усадятъ на діэту
Предубѣжденій мелкихъ и пустыхъ,
Когда во всякомъ обстоятельствѣ
Увидятъ повую къ тому причину....
Межъ-тѣмъ я удаленъ, и мѣсто
Мое другому отдано.... и скоро
Забудетъ генералъ и преданность
Мою и службу.

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не думайте
Объ этомъ; здѣсь, въ присутствіи Эмильи,
Я увѣряю васъ, что мѣсто ваше....
Да, Кассіо, я слишкомъ ужъ точна
Въ малѣйшихъ требованьяхъ дружбы....
Я не оставлю мужа, сна ему
Не дамъ, терпѣнье истощу его;
На ложѣ, за столомъ, вездѣ, вездѣ
Услышитъ онъ объ васъ.... Ну, будьте-же,
Какъ прежде, веселы. — Защитникъ вашъ
Скорѣй умретъ, чѣмъ дѣло такъ оставитъ....

(*Отелло и Яго показываются въ нѣкоторомъ отдаленіи*).

ЭМИЛІЯ.

Синьйора, генералъ почти ужъ здѣсь....

КАССІО.

Позвольте удалиться мнѣ, синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

За чѣмъ-же уходить? — Остантесь; вы
Услышите, какъ буду говорить
Я съ нимъ.

КАССІО.

Но только не теперь, синьйора;
Я чувствую, какъ былъ-бы я неловокъ. —
Я не могу сказать теперь двухъ словъ
Въ свою защиту.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прощайте, Кассіо,
И дѣлайте, какъ кажется вамъ лучше. — *(Кассіо уходитъ).*

ЯГО.

О, это не по-мнѣ!

ОТЕЛЛО.

Что ты сказалъ?

ЯГО.

Я? — Ничего, мой генералъ! Но если....
Нѣтъ! я не знаю....

ОТЕЛЛО.

Это Кассіо
Ушелъ отъ Десдемоны?

ЯГО.

Кассіо,
Синьйоръ? — По-чести, я не думаю,
Чтобъ уходилъ онъ, какъ преступникъ,
Едва завидя васъ.

ОТЕЛЛО.

Но я увѣренъ,

Что это онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, мой Отелло! ты
Ужъ здѣсь; а я сейчасъ вотъ говорила
Съ однимъ несчастнымъ; — онъ ужасно какъ
Страдаетъ отъ немилости твоей.

ОТЕЛЛО.

Кто-жъ это?

ДЕСДЕМОНА.

Какъ! и ты не догадался!
Да лейтенантъ твой Кассіо!... Послушай,
Мой добрый другъ! ну, если хоть немножко
Меня ты любишь, если я имѣю
Хоть крошку власти надъ тобой — прости
Ты Кассіо.... Ахъ, Отелло, если онъ
Тебѣ не всей душой своею преданъ,
И свой проступокъ сдѣлалъ съ-умысломъ,
А не въ пылу слѣпаго увлеченья —
Такъ я тогда ужъ больше не повѣрю
Ни самому честнѣйшему лицу
Людскому.... О, молю тебя — прости
Его!

ОТЕЛЛО.

Не онъ-ли это вотъ сейчасъ
Ушелъ отсюда?

ДЕСДЕМОНА.

И какой печальный!
Мнѣ кажется и на меня тоску
Навѣялъ онъ, — я и сама страдаю....
О милый другъ, прости-жъ его!...

ОТЕЛЛО.

Теперь
Не можно, Десдемона, — пусть немного
Онъ подождетъ.

ДЕСДЕМОНА.

Но скоро-ль это?

ОТЕЛЛО.

О!
Какъ только можно для тебя, конечно,
Мой милый другъ.

ДЕСДЕМОНА.

За ужиномъ сегодня?

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ не сегодня.

ДЕСДЕМОНА.

Завтра за обѣдомъ?

ОТЕЛЛО.

Нельзя и за обѣдомъ, потому,
Что завтра не обѣдаю я дома:
Меня къ себѣ просили офицеры.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, завтра вечеромъ, или во вторникъ
Поутру, — днемъ, или хоть вечеромъ,
Ну, въ середу поутру.... только срокъ
Назначь, но ужъ ни какъ не болѣе
Трехъ дней. Ахъ, какъ раскаянье его
Ужасно мучитъ! Между-тѣмъ, вина
Его, — не будь теперь война, когда,
Какъ говорятъ, виновныхъ строго судятъ
Въ примѣръ другимъ, — едва-бы стóпла
Серьёзнаго упрека.... Ну когда-жъ
Онъ возвратится къ должности своей?
Скажи, Отелло!... Ахъ, во глубинѣ
Души моей я тронута, мой другъ!
Я не придумаю, на что-бы я
Не согласилась для тебя въ одно
Мгновенье.... Вспомни наконецъ, Отелло,

Что тайну страсти нашей только онъ
Одинъ и зналъ; что онъ всегда ужъ былъ
Горячій твой защитникъ, каждый разъ,
Когда, бывало, вздумается мнѣ
Шутя тебя немножко позлословить....
И нужно столько просьбъ, мольбы на то́,
Чтобы склонить тебя къ нему на милость!
Повѣрь мнѣ, я могла-бы....

ОТЕЛЛО.

О, довольно
Прошу тебя! — Пусть онъ является
Когда ему угодно. — Я ни въ чемъ
Не смѣю отказать тебѣ.

ДЕСДЕМОНА.

Но здѣсь
Не вижу никакой я милости
Отелло. — Такъ просила-бъ я тебя,
Перчатки взять, одеться потеплѣе,
Или покушать лакомое блюдо,
Ну, что́-нибудь въ подобномъ родѣ.... О!
Когда въ послѣдствіи я захочу
Серьёзно испытать любовь твою —
Предупреждаю васъ, синьйоръ, что дѣло
Немножко потруднѣй для васъ найду я.

ОТЕЛЛО.

Я повторяю, что ни въ чемъ тебѣ
Не откажу. — Ну, а теперь оставь
Меня на нѣсколько минутъ.

ДЕСДЕМОНА.

Могу-ли отказать тебѣ? — о нѣтъ!
Прощай-же, милый мой!

ОТЕЛЛО.

Прощай, мой ангелъ!
Я скоро буду.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, Эмилія,
Пойдемъ — (*къ Отелло*). Такъ говори всегда мнѣ мысль
Свою свободно, — что-бъ ты ни сказалъ —
Я все исполню. (*Уходитъ съ Эміліей*).

ОТЕЛЛО.

Бѣдная голубка! [16])
Пусть потеряю самую надежду
Спасенья — если не люблю тебя!...
И если-бы душа моя когда-нибудь
Любить тебя забыла.... о! она
На вѣкъ тогда утратитъ смыслъ и цѣль
Земнаго бытія!...

ЯГО.

Мой благородный
Синьйоръ!

ОТЕЛЛО.

Что́ скажешь, Яго?

ЯГО.

Зналъ-ли Кассіо
О тайнѣ вашей страсти къ Десдемонѣ,
Когда вы были только счастливымъ
Любовникомъ ея?

ОТЕЛЛО.

Конечно зналъ, —
Съ начала самаго до самаго
Конца. — А для чего тебѣ?

ЯГО.

Да такъ; —
Хотѣлось только мнѣ сообразить....
Но я уже не думаю объ этомъ.

ОТЕЛЛО.

О чемъ не думаешь?

ЯГО.

Да я, вотъ видете-ль,
Не зналъ, что онъ знакомъ былъ съ нею.

ОТЕЛЛО.

И сколько разъ ему случалось быть
Посредникомъ межъ нами!

ЯГО.

Въ-самомъ-дѣлѣ?

ОТЕЛЛО.

Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, Яго! — Развѣ ты
Изъ этого что́ заключаешь? — Развѣ онъ
Нечестенъ?

ЯГО.

Вы, синьйоръ, сказали: честенъ?

ОТЕЛЛО.

Да, я сказалъ...

ЯГО.

Конечно.... сколько я
Объ этомъ знаю....

ОТЕЛЛО.

Да куда-жъ ты мѣтишь?
О чемъ ты думаешь?

ЯГО.

О чемъ, синьйоръ,
Я думаю?

ОТЕЛЛО.

«Синьйоръ!... я думаю!...» Клянусь, меня
Ты словно эхо дразнишь. — Развѣ въ мысль
Твою зашло такое страшное
Чудовище, что и на свѣтъ его

Ты показать боишься?.. У тебя
Есть что́-то на душѣ.... Сей-часъ, когда
Мишель оставилъ Десдемону — ты
Сказалъ: «О, это не по-мнѣ!..» Что̀-жъ тутъ
Не по-тебѣ? — Потомъ, когда сказалъ я,
Что довѣряли мы ему любовь
Свою — ты странно вскрикнулъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ?»
Потомъ угрюмо сдвинулъ брови ты,
Какъ-будто затаивъ подъ черепомъ
Своимъ толпу ужасныхъ подозрѣній...
О, если любишь ты меня, мой Яго,
Ты мнѣ откроешь все!

ЯГО.

Вы знаете,
Синьйоръ, ка́къ много я люблю васъ.

ОТЕЛЛО.

Да,
Я знаю, Яго, что меня ты любишь,
Я знаю прямоту души твоей, —
И видя, ка́къ ты тянешь, вѣсишь звуки —
Невольно жду чего-то роковаго...
Я знаю, что подобныя уловки
Употребляетъ часто ловкій плутъ,
Но это у него не болѣе
Какъ пошлая снаровка — только!
Межъ-тѣмъ какъ у людей съ душой прямою
Все это обличаетъ трудную
И тяжкую борьбу страстей и долга,
Неподклонимаго страстямъ...

ЯГО.

Когда-бъ
Вопросъ тутъ шелъ о Кассьо — я готовъ
Божиться, что онъ честный человѣкъ...

ОТЕЛЛО.

Я совершенно то-же говорю!

ЯГО.

Да, нужно, чтобы люди были тѣмъ,
Чѣмъ кажутся; а нѣтъ — такъ пусть
Хоть не казались-бы они ужъ тѣмъ,
Чѣмъ показаться имъ угодно...

ОТЕЛЛО.

Да, нужно, чтобы люди были тѣмъ,
Чѣмъ кажутся...

ЯГО.

О, если такъ — то я
Торжественно скажу, что Кассіо
Честнѣйшій человѣкъ!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ! здѣсь не все...
О, передай-же мнѣ, молю тебя,
Всю эту мысль въ той самой полнотѣ,
Въ какой она подъ черепомъ твоимъ
Созрѣла... не стѣсняйся выраженьемъ,
И низость дѣла смѣло одѣвай
Достойными ее рѣчами...

ЯГО.

Мой
Великодушный генералъ! простите...
Хотя по долгу и обязанъ я
Повиноваться вамъ, — есть, впрочемъ, вещи,
Гдѣ сознаетъ себя и рабъ свободнымъ...
Сказать вамъ эту мысль!.. Вѣдь иногда,
Нечистая она заходитъ въ душу къ намъ,
Какъ съ человѣкомъ грѣхъ во храмъ заходитъ...
Кому, въ часы его чистѣйшихъ думъ,
Порой не приходило искушенье?...

ОТЕЛЛО.

Тотъ умышляетъ, Яго, другу зло,

Кто изъ пустаго страха оскорбленья
Ему не довѣряетъ тайны роковой....

ЯГО.

О, умоляю-жъ васъ... быть-можетъ, я
Обманываюсь самъ.. Признаться, тутъ
Большой порокъ — стараться отыскать
Во всемъ дурное; въ глупой ревности
Я часто строю небывалыя
Бѣды; — я умоляю васъ, синьйоръ,
Не вѣрить слишкомъ рѣчи человѣка,
Такъ странно, жалко созданнаго небомъ,
И не тревожиться пустымъ его
Предубѣжденьемъ, можетъ-быть.... Да, вашъ
Покой и счастье... опытность моя,
Благоразуміе и честь — все здѣсь
Соединившись, запрещаетъ мнѣ
Вамъ говорить...

ОТЕЛЛО.

Что-жъ это значитъ, Боже!

ЯГО.

Мой добрый, благородный генералъ!
Важнѣйшее сокровище души
У женщины и у мужчины — имя!
Кто крадетъ кошелекъ мой, тотъ меня
Лишаетъ вздора, — ну, чего-нибудь,
А часто — ровно ничего, — былъ мой,
Теперь его, а прежде тысячи
Другихъ; — но тотъ, кто имя доброе
Отниметъ у меня, — не сдѣлавшись
Богаче самъ, меня онъ оставляетъ
Несчастнымъ бѣднякомъ....

ОТЕЛЛО.

О, я хочу,
Какъ Богъ святъ! — я хочу знать мысль твою.

ЯГО.

Вы не узнаете ее, пока
Не вырвете отсюда сердца... да!
Вы не узнаете ее, пока
Она хранится въ сердцѣ этомъ...

ОТЕЛЛО.

А!...

ЯГО.

Ахъ, берегитесь ревности, синьйоръ, —
Зеленоглазое чудовище —
Она окаменитъ сначала жертву,
Потомъ пожретъ ее... Тотъ, кто уже
Увѣрился въ измѣнѣ — хоть жену,
Конечно, онъ не любитъ — но живетъ
Себѣ покойно.. но Создатель мой!
Что̀ должно вынести душѣ того,
Кто любитъ страстно ту, кому не вѣритъ,
Боготворя ее — подозрѣваетъ...

ОТЕЛЛО.

О, тяжело должно-быть это, Яго!

ЯГО.

Бѣднякъ, довольный долею своей —
Богатъ по-своему, синьйоръ, — но, какъ
Зима, безплодно для того богатство,
Кто каждый мигъ боится обѣднять.
О, да спасетъ отъ ревности васъ небо,
Вы, близкіе душѣ моей!...

ОТЕЛЛО.

За-чѣмъ
Все это, Яго? — что̀ оно такое?...
Ты думаешь, что я могу изныть
Тоскою ревности, — что я могу,
При каждомъ новолуньи, на потѣху
Себѣ, настроить новыхъ подозрѣній?...

Нѣтъ! — разъ оно запало въ грудь мою
И разорветъ мнѣ грудь оно... Считай
Меня безумцемъ, если возмутить
Успѣешь, Яго, этимъ вздоромъ вѣру
Души моей. — Я ревновать не стану;
Когда мнѣ скажутъ, что жена моя
Красавица, что любитъ общество
Она, наряды, комплименты, танцы, —
Когда я вѣрю, что она чиста —
Въ ней чисто все!... Я очень знаю самъ,
Что не блистаю множествомъ достоинствъ, —
Но на душѣ — ни страха, ни сомнѣнья...
Она имѣла очи, смыслъ и волю —
И выбрала меня. — Нѣтъ, Яго, прежде
Чѣмъ сомнѣваться — нужно видѣть мнѣ,
А за сомнѣньемъ — нужно доказательствъ,
А съ доказательствомъ одно уже:
Прощай и ревность и любовь!...

ЯГО.

Теперь
Мнѣ легче; я теперь могу свободнѣй
Вамъ выказать любовь и преданность
Свою. — Послушайте... но это все
Сомнѣнія покамѣстъ, — я не говорю
Еще о доказательствахъ ни слова...
Смотрите за женою, подмѣчайте
Ея бесѣды съ Кассіо, — глядите
За ними просто, — ревности не нужно,
Не нужно и довѣрья лишняго;
Мнѣ слишкомъ-тяжело было-бы видѣть,
Какъ гибнетъ ваше преданное сердце
Печальной жертвой прямоты своей...
Смотрите-же за ней; — я хорошо-
Таки своихъ Венеціянокъ знаю:
Пусть небо видитъ грѣхъ, да только-бъ мужъ
Его не видѣлъ; — заповѣдь у нихъ
Своя: за грѣхъ ни слова, — только ужъ
Умѣй сводить, синьйора, и концы
Съ концами....

ОТЕЛЛО.

Ты это знаешь?

ЯГО.

О, и какъ
Еще! Да вспомните вы сами, какъ
Васъ полюбивъ, обманывать отца
Она умѣла. — Не тогда-ль она
Искала взора вашего, когда
Казалось такъ боялася его?

ОТЕЛЛО.

Да, это такъ!...

ЯГО.

Вотъ то-то! — Дѣвочка,
Въ такихъ лѣтахъ умѣвшая уже
Прикинуться такъ ловко, — такъ искусно
Отца роднаго оморочить, что
Бѣднякъ считалъ все это чародѣйствомъ...
Но я, быть-можетъ, оскорбляю васъ?
Я говорю ужь слишкомъ? — О, простите-жь, —
Молю склонясь, - мнѣ эту преданность
Излишнюю, синьйоръ!

ОТЕЛЛО.

Я навсегда
Тебѣ останусь благодаренъ, Яго.

ЯГО.

Ахъ, нѣтъ! я вижу, вы немного
Какъ-будто-бы встревожились...

ОТЕЛЛО.

Ничуть! ничуть!..

ЯГО.

Я-бъ не хотѣлъ... я этого боюсь...

Но я надѣюся, что вы въ рѣчахъ
Моихъ оцѣните прямую преданность...
Ахъ, вы встревожены! — О, умоляю васъ,
Не принимайте этихъ словъ за вещь
Серьёзную: вѣдь это подозрѣнье...
Не болѣе, какъ только подозрѣнье.

ОТЕЛЛО.

Я и не принимаю...

ЯГО.

Да, синьйоръ,
Не принимайте; а иначе вѣдь
Слова мои могли-бы быть причиной
Печальныхъ слѣдствій, о которыхъ я
И мысли не имѣлъ; — вѣдь Кассіо,
Мнѣ другъ... Нѣтъ вижу — вы встревожены,
Синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

Не много... У меня найдетъ
Та мысль изъ головы, что Дездемона
Чиста и непорочна.

ЯГО.

О, да будутъ
Навѣки неизмѣнны — чистота
Ея, и вѣра ваша въ эту чистоту!

ОТЕЛЛО.

А между тѣмъ — вѣдь самая природа
Законъ свой нарушаетъ иногда...

ЯГО.

Да, это правда!.. Я еще осмѣлюсь...
Вы мнѣ простите... я припомню только
Ея отказъ всѣмъ женихамъ своимъ,
Такъ близкимъ ей по роду, мѣстному
Происхожденью, по лѣтамъ; скажите:

Не видноль тутъ противурѣчія
Самой природѣ?.. Нѣтъ-ли тутъ уже
Испорченности чувствъ, стремленія
Къ какимъ-то страннымъ прихотямъ, начала
Противъ-естественныхъ желаній?.. Но,
Простите — я не отношу къ ней прямо
Всего, что́ сказано... Межъ-тѣмъ я все
Таки боюсь, чтобъ не одумалась
Она, чтобы не захотѣлось ей
Порой сравнить васъ съ нашей молодёжью,
И послѣ... чтобы не раскаяться
Ей послѣ...

ОТЕЛЛО.

Ну, прощай! прощай!.. Найдешь
Что́ новое — сейчасъ сказать... Да пусть
Жена твоя за нею смотритъ въ оба.
Оставь меня.

ЯГО (*Уходя*).

Простите!

ОТЕЛЛО.

О за-чѣмъ
Женился я!?.. Да, этотъ честный Яго
Безъ всякаго сомнѣнья знаетъ больше,
Гораздо-больше, нежели сказалъ.

ЯГО (*возвращаясь*).

Еще, синьйоръ, я умоляю васъ
Не заходить далеко въ подозрѣньяхъ.
Оставьте дѣло это времени.
Хотя вы мѣсто Кассіо — ему
И возвратите, разумѣется,
Сказать вѣдь нужно правду — къ дѣлу онъ
Усерденъ столькожъ, какъ способенъ,
Да не мѣшало-бъ, знаете, немножко
Повременить; — вы здѣсь увидите
На что́ и какъ надѣяться-бъ онъ думалъ,
А въ средствахъ этихъ вы оцѣните

И то, конечно, что́ за человѣкъ
Нашъ Кассіо... Замѣтьте также,
Не слишкомъ-ли докучливо жена
Просить васъ будетъ о прощеньи
Его, — изъ этого ужъ многое
Вамъ можно будетъ заключить... Пока-жъ
Не объяснится это все, хотя
Немного, — думайте, что я изъ страха
Нагородилъ вамъ кучу пустяковъ, —
Чего, признаться, я и самъ боюсь,
И не стѣсняйте, — заклинаю васъ,
Ничѣмъ свою супругу...

ОТЕЛЛО.

О, не бойся —
Я управлять собой умѣю.

ЯГО.

Синьйоръ, простите! (*Уходитъ*).

ОТЕЛЛО.

Этотъ человѣкъ
Необычайно честенъ, — свѣтлый умъ
Образованіемъ украсилъ онъ,
И глубоко постигъ онъ человѣка...
Но, мой Создатель! — если это правда!?..
Да, если-бъ звенья цѣпи, насъ связавшей,
Вросли мнѣ въ сердце и свились тамъ
Съ нѣжнѣйшими его вѣтвями, — о!
Я оторвалъ-бы съ кровью ихъ отъ сердца!
Лети потомъ по вѣтру птичкой вольной,
Лови любовь и счастье...
Можетъ-быть...
Да, можетъ!.. Я уродливъ, чоренъ,
Болтать я не умѣю милыхъ фразъ,
Какъ эти вздорные любезники....
Къ тому-жъ, спускаюся въ долину лѣтъ,
Хоть по-немногу, все-жъ-таки спускаюсь...
О, я обманутъ... можетъ-быть, осмѣянъ...
Что́-жъ остается?.. Ненависть... одна!

Смѣшны и прокляты — вы, узы брака!..
«Она моя!» — Твоя!.. Да развѣ ты
Страстей ея владыка?.. Я рѣшусь
Скорѣй быть гадиной, скорѣй рѣшусь
Питаться смраднымъ воздухомъ темницъ,
Чѣмъ перенесть, чтобъ избранное мною,
Не мнѣ принадлежало безраздѣльно...
И вотъ она, души могучей казнь!..
Судьба ея труднѣе темной доли
Душонокъ мелкихъ... Да, какъ смерть,
Неотклонимъ отъ насъ суровый жребій!
Онъ проникаетъ наше бытіе
Чуть только къ бытію насъ призываютъ...
А!.. Десдемона!.. (*Входятъ Десдемона и Эмилія*).
Если можетъ это
Созданье обмануть!.. О небеса!
Смѣетесь вы надъ бѣднымъ человѣкомъ!...
Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю!

ДЕСДЕМОНА.

А, ты здѣсь,
Отелло! — Вашъ обѣдъ давно уже
Готовъ, и гости — островитяне
Давно ужъ ждутъ тебя.

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, отъ-чего твой голосъ такъ дрожитъ?..
Ты боленъ?

ОТЕЛЛО (*указывая на лобъ*).

Тутъ болитъ...

ДЕСДЕМОНА.

Конечно все
Отъ безпокойствъ, но, вѣрно, не на долго.

Постой, я голову тебѣ платкомъ
Перевяжу, увидишь — боль пройдетъ
Мгновенно (*Хочетъ повязать ему голову*).

ОТЕЛЛО.

(*скидывая платокъ съ головы, роняетъ его на землю*).

Нѣтъ! онъ слишкомъ малъ! Болѣзнь
Пройдетъ сама-собой... Пойдемъ — и я
Иду съ тобою вмѣстѣ.

ДЕСДЕМОНА.

Грустно мнѣ,
Мой другъ, что нездоровъ ты. (*Отелло и Десдемона уходятъ*).

ЭМИЛІЯ (*поднимая платокъ*).

А!.. платокъ!..
Ахъ, какъ довольна я, что наконецъ
Онъ у меня таки... Вѣдь это первый
Подарокъ Мавра милой Десдемонѣ!
Ну и на что-бъ онъ мужу?.. Нѣтъ, чудакъ —
Ужъ сколько разъ онъ приставалъ ко мнѣ:
Достань! какъ хочешь — а достань его!..
А вѣдь Отелло заклиналъ жену
Всегда хранить его; — да и она
Его, бѣдняжка, много любитъ: съ нимъ
Не разстается никогда она,
И сколько ласкъ ему, и милыхъ словъ,
И поцѣлуевъ!... Впрочемъ я
Сниму съ него рисунокъ только мужу....
И что онъ хочетъ дѣлать съ нимъ?... Ума
Не приберу, — но все-же я должна
Исполнить прихоть мужа. (*Входитъ Яго*).

ЯГО.

А, вы здѣсь...
И чѣмъ-же заняты? нельзя-ль узнать?

ЭМИЛІЯ.

Нельзя-ль посписходительнѣй.... для васъ
Я припасла чудесную вещицу.

ЯГО.

И лично для меня? — Такъ это вздоръ!

ЭМИЛІЯ.

Что?

ЯГО.

Вздоръ, говорю, связаться съ глупой бабой...

ЭМИЛІЯ.

И только... Что-жъ ты дашь за этотъ мнѣ
Платокъ?

ЯГО.

Какой платокъ?

ЭМИЛІЯ.

Какой платокъ?!.
Да тотъ, что Мавръ впервые подарилъ
Женѣ своей; тотъ, за который ты
Такъ надоѣлъ мнѣ, право...

ЯГО.

Ну, и ты
Его таки стянула?...

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, клянусь....
Она его случайно уронила, —
Я здѣсь была, и подняла. Вотъ онъ, —
Гляди!

ЯГО.

Ахъ, умница! отдай-же мнѣ!

ЭМИЛІЯ.

Скажи-жъ на что́ тебѣ? и отъ-чего
Ты столько приставалъ ко мнѣ?

ЯГО.

Ну, вотъ!
Тебѣ ужасно нужно это! (*Вырываетъ платокъ*).

ЭМИЛІЯ.

Послушай, Яго, ежели тебѣ
Не слишкомъ-нуженъ онъ — отдай его!
Ахъ, бѣдная синьйора! — да она
Стоскуется по немъ...

ЯГО.

Какія нѣжности!...
А ты, гляди мнѣ — не показывать
И вида, что платокъ у насъ! Онъ нуженъ
Мнѣ самому.... Теперь ступай себѣ! (*Эмилія уходитъ*).
Платокъ подкину въ Кассіеву спальню,
Пусть тамъ найдетъ его — ужо онъ самъ.
Нѣтъ пустяковъ, которымъ-бы ревнивый
Не вѣрилъ въ глубинѣ души своей,
Какъ истинѣ евангельской... О, здѣсь
Должны-бы кажется произойти
Чудесные эффекты!... Вѣдь и такъ
Мой ядъ ужъ загулялъ по жиламъ Мавра...
Да... эти вещи — точно ядъ! сначала ихъ
И не примѣтишь, да за то уже
Чуть только отравили нашу кровь —
И кровь, какъ жилы сѣрныя, горитъ
Неугасимо... (*Замѣтивъ вдали Отелло*).
Что́? Не правду-ль я
Сказалъ? (*Входитъ Отелло*).
Вотъ онъ!... О, нѣтъ, Отелло,
Ни опіумъ уже, ни мандрагора, [17])
Ни зелья сонныя со всѣхъ краевъ
Сна больше не дадутъ тебѣ! — Вчера
Ты мирно спалъ еще — но не заснешь

Уже сегодня, завтра не заснешь,
До вѣчной ночи ты ни разу ни заснешь
Уже покойно...

ОТЕЛЛО.

Обмануть меня?!...
Меня!?...

ЯГО.

Что̀ съ вами, генералъ? — Вы все
Объ этомъ.... Э, забудьте право!

ОТЕЛЛО.

Прочь!
Прочь отъ меня!... Ты адскою машиной
Изъ сердца жилы поволокъ мои...
О, легче, Яго, знать свое несчастье,
Чѣмъ сердце пепелить на медленномъ
Огнѣ ужасныхъ подозрѣній, — ждать
Томительно все новыхъ, темныхъ золъ...

ЯГО.

Ахъ, вы, синьйоръ, тревожите меня!...

ОТЕЛЛО.

Да, не было во мнѣ и помышленья,
Чтобы у счастья моего она
Крала минуты для порока; я
Не видѣлъ этого, я этого
Не зналъ, мнѣ эта мысль души не жгла,
Я спалъ покойно, веселъ былъ, доволенъ;
Я на устахъ ея не находилъ
Лобзаній Кассіо... Да, окраденный,
Пока не спохватился, ничего
Не потерялъ еще!

ЯГО.

Ахъ, тяжко мнѣ
Все это слышать, генералъ!

ОТЕЛЛО.

Ну, пусть
Въ объятіяхъ ея перебывала-бы
Вся эта сволочь, лагерная дрянь... [18])
Да только-бъ своего позора мнѣ
Не знать — я-бъ могъ быть счастливымъ еще...
Теперь-же? О, теперь прости на-вѣкъ
Счастливый миръ души, мое довольство!
И вы, о гордые полки мои,
Въ сталй, въ цвѣтныхъ волнующихся перьяхъ!
И ты, война, творящая героевъ! все
Прости!... Прости мой ржущій конь, звукъ трубъ,
И барабановъ перекатный громъ, [19])
И ты, святое, царственное знамя,
И все великолѣпіе войны,
И вы, пророки смерти, вы, — глаголъ
Торжественный Зевеса, — мѣдными
Гремящіе устами — о простите!
Призваніе Отелло совершилось!..

ЯГО.

Что́ вы, синьйоръ? — Возможно-ли....

ОТЕЛЛО.

А, тварь!
Гдѣ-жъ доказательства, чтобы она....
Любовь моя — такъ опозорила
Себя?... Гдѣ-жъ доказательства.... Дай мнѣ
На очи пхъ!... (*Хватаетъ его за горло*).
Или, клянусь тебѣ,
Спасеніемъ души моей клянуся —
Собакой лучше-бы тебѣ родиться,
Чѣмъ демона будить въ груди моей....

ЯГО.

Ахъ, не уже-ль до этого дошли вы?

ОТЕЛЛО.

Ты долженъ показать мнѣ.... понимаешь!

Или, по-крайней-мѣрѣ, доказать —
Но такъ, чтобъ сомнѣваться болше я
Не могъ уже.... иначе, Яго.... да!
Я задушу тебя....

ЯГО.

Мой генералъ!

ОТЕЛЛО.

Но если-жъ, Яго, это клевета,
Но если-жъ на потѣху мучилъ ты
Меня — забудь молиться, задуши
На сердцѣ все добро, всѣ ужасы
Злодѣйствъ возьми на душу, пусть земля
Смутится, глядя на дѣла твои,
И небо плачетъ — нѣтъ, ничѣмъ уже
Своей души ты больше не погубишь....

ЯГО.

О небеса! спасите-же меня!
Вы человѣкъ еще! у васъ еще душа
И мысль?... Богъ съ вами! Должность вамъ свою
Я отдаю назадъ. — Безумецъ, Яго, ты —
Безумецъ!... Прямота твоя идетъ
За преступленіе въ глазахъ людей....
Чудовище ты, свѣтъ!... Гляди-жъ, гляди
О міръ! что человѣка не спасетъ
Ни честь его, ни правота! — Синьйоръ!
Благодарю васъ за урокъ!... Отнынѣ
Забуду дружбу я, — когда за дружбу
Я только оскорбленія терплю....

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, стой! Ты долженъ честенъ быть....

ЯГО.

Нѣтъ, я
Умнѣе долженъ быть; а честность — ложь
Безумная; — и тотъ, кто служитъ ей, —

Несчастный! гибнетъ онъ неотвратимо....

ОТЕЛЛО.

О Боже! Боже мой! Я думаю —
Жена моя чиста и непорочна,
И думаю, что нечиста; — я думаю....
Ты благороденъ, честенъ, — и потомъ
Я думаю — безчестенъ ты.... О дай-же,
Дай доказательствъ мнѣ.... Хоть чѣмъ-нибудь,
Да докажи!... О Десдемона! Имя
Твое, недавно чистое, какъ ликъ
Діаны, — кажется теперь мнѣ чорнымъ,
Уродливымъ, какъ гадкое лицо
Мое.... О, если въ мірѣ есть еще
Веревка, ножъ, пучина, ядъ — терпѣть
Не буду долго я.... Ну, доказательствъ!...

ЯГО.

Страсть пожираетъ васъ, синьйоръ, я вижу....
Мнѣ жаль, что разбудилъ я эту страсть....
Вамъ доказательствъ хочется?

ОТЕЛЛО.

Хочу-ль
Я доказательствъ?... — Да.... хочу!

ЯГО.

И можете. —
Но какъ? какъ это доказать, синьйоръ?
Не захотите-жъ вы стоять, конечно,
Какъ на часахъ, у ложа своего, —
Открывъ уста и очи, — въ ту минуту
Когда другой упьется счастьемъ вашимъ!...

ОТЕЛЛО.

Смерть и проклятье!... О!...

ЯГО.

Къ-тому-жъ и трудно,

Я думаю, ихъ захватить въ-расплохъ. —
Пусть будутъ прокляты они, когда
Людскія очи чьи-нибудь, кромѣ
Ихъ собственныхъ очей, найдутъ
Измятое ихъ ложе! Какъ? Я вамъ
Сказалъ о доказательствахъ?... Но нѣтъ!
Такъ не докажешь.... это невозможно!...
Да будь козломъ онъ, а она мартышкой,
Или волчицей дикой, — будь они
Безумно-глупы какъ самое пьянство —
Нѣтъ, и тогда-бы это невозможно!...
Но впрочемъ я сказалъ-бы: ежели
Для васъ довольно будетъ замѣчаній,
Которыя потомъ ужъ наведутъ
На свѣжій слѣдъ — я ихъ представлю.

ОТЕЛЛО.

Ну, говори-жъ; — и все, что́ знаешь — все
Что́ можешь — говори!

ЯГО.

Признаться, — мнѣ
Не нравится ужасно эта роль, —
Но такъ, какъ я зашелъ уже далеко,
И все изъ глупой честности своей,
Да изъ привязанности къ вамъ, — то видно
Придется продолжать ее.... Недавно
Прилегъ я съ Кассьо на одной постели,
Но зубы страшно мучили меня,
И я не могъ заснуть.... Вотъ видите-ль,
Синьйоръ, иной ужъ такъ распустится, [20])
Что и во снѣ пейдутъ съ ума ему
Всѣ эти шашни, знаете.... таковъ
Нашъ Кассіо. — Я слышалъ, какъ во снѣ
Онъ ясно говорилъ: «О Десдемона!
Удвоимъ осторожность, чтобы скрыть
Отъ свѣта нашу связь».... Потомъ, схвативъ
Меня за руку, сильно сжалъ ее,
И вскрикнулъ: «Милое созданье!...»
Потомъ, припавъ неистово къ губамъ,

Впился въ нихъ долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ,
И наконецъ, сдавивъ меня въ своихъ
Объятьяхъ, [21]) простоналъ онъ: «О судьба
Проклятая! за-чѣмъ ты Мавру отдала
Ее!...»

ОТЕЛЛО.

Чудовищно! чудовищно!

ЯГО.

Синьоръ! но это только сонъ....

ОТЕЛЛО.

Да, сонъ
Невинно повторявшій то́, что́ было
Межъ ними на яву; — да, Яго, этотъ сонъ —
Въ глазахъ моихъ коварный обличитель....

ЯГО.

И то́ замѣтьте — ка́къ онъ прояснилъ
Теперь другія подозрѣнья наши....

ОТЕЛЛО.

Я разорву въ куски ее!...

ЯГО.

За-чѣмъ
Такъ скоро? Нужно быть благоразумнымъ.
Мы сами не видали ничего
Еще. — Она еще невинною
И очень можетъ-быть.... Скажите, впрочемъ,
Мнѣ-бъ нужно это знать — вы не видали
Когда-нибудь въ рукахъ ея платка
Чудесно-шитаго цвѣтами?

ОТЕЛЛО.

Я
Подобный подарилъ однажды ей; —
И это былъ мой первый даръ любви.

ЯГО.

Не знаю я, но видѣлъ, что такимъ
Платкомъ, — и я увѣренъ въ томъ, что онъ
Супруги вашей, — Кассьо отиралъ
Вчера лицо себѣ.

ОТЕЛЛО.

О, если это
Тотъ самый....

ЯГО.

Тотъ, или другой платокъ
Синьйоры — это новый обличитель
Противъ нее.

ОТЕЛЛО.

Презрѣнный! о за-чѣмъ
Онъ не имѣетъ сорокъ тысячъ жизней?...
Одна... несчастная.... что-жъ тутъ для мести?
Теперь я вижу.... ясно.... это правда!
О Яго!... вздохи — всю любовь,
Безумную любовь свою послалъ
Я небесамъ святымъ!... Ушла.... ушла!
Вставай-же месть, вставай чудовище,
Изъ темныхъ безднъ своихъ!... Любовь! снимай
Вѣнцы свои съ души моей.... На тронъ
Твой — въ сердцѣ, здѣсь — возсядетъ ненависть
Въ коронѣ темной... Прочь изъ груди все!
Все прочь!... Тамъ тѣсно, душно мнѣ уже
Отъ свиста языковъ змѣиныхъ....

ЯГО.

Ахъ,
Синьйоръ, поберегите вы себя.

ОТЕЛЛО.

О, крови, Яго, крови!

ЯГО.

Успокойтесь!...

Я васъ прошу; — быть-можетъ, чувства ваши
Измѣнятся....

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, Яго, никогда....
Какъ волны вѣчно-дикаго Эвксина,
Безъ отдыха, безъ срочнаго отлива,
Въ напорѣ бѣшеномъ все идутъ вдаль
На Геллеспонтъ и Пропонтиду, — такъ
Мои кровавые обѣты, въ ихъ
Стремленьи дикомъ, позабывъ любовь, —
Все выростая, страшно выростая, —
Тамъ остановятся, гдѣ ихъ задушатъ.... (*Становится на колѣни*).
Ты, Небо вѣчно-неизмѣнное!
Тебѣ я поручаю клятву эту....
И ты увидишь. какъ ее исполню....

ЯГО.

Не поднимайтесь! стойте такъ! (*Становится на колѣни*).
Вы, божьи вѣчно-пламенныи звѣзды!
Вы, чудно міръ обнявшія стихіи!
О будьте-жъ вы свидѣтели, что Яго,
Умъ, сердце, руку — вѣчно посвятилъ
Служенью оскорбленнаго Отелло...
Пусть онъ повелѣваетъ — я готовъ
На все кровавое — забывъ про совѣсть!...

ОТЕЛЛО.

Я принимаю твой обѣтъ; не стану
Передъ тобою разсыпать пустыхъ
Благодареній. — Чтобы доказать,
Какъ я цѣню его, — теперь-же, Яго,
И пользуюсь я имъ; — черезъ три дня
Ты долженъ мнѣ донесть, что Кассіо
Уже не существуетъ.

ЯГО.

Другъ мой мертвъ....
Вашъ приговоръ рѣшилъ судьбу его!
Но Десдемона.... пусть живетъ она!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, судъ произнесенъ уже надъ ней,
Безстыдною.... произнесенъ ужъ судъ!
Иди за мной; — подумать нужно, Яго,
Чтобы для этой адской красоты
Придумать смерть внезапную.... Теперь
Ты — лейтенантъ мой.

ЯГО.

Вѣчно вашъ, синьйоръ.

СЦЕНА IV.

Тамъ-же.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛІЯ И ШУТЪ.

ДЕСДЕМОНА.

Не знаешь-ли, любезный, какъ-бы найти Кассіо? гдѣ онъ бываетъ?

ШУТЪ.

Я не возьму на себя смѣлости сказать, гдѣ онъ бываетъ.

ДЕСДЕМОНА.

А отъ-чего-бы это?

ШУТЪ.

Онъ солдатъ, — а по-мнѣ, сказать гдѣ бываетъ солдатъ, — оно.... немножко щекотливо.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, гдѣ живетъ онъ?

ШУТЪ.

Сказать вамъ, гдѣ онъ живетъ, значитъ, сказать чистую ложь [22]

ДЕСДЕМОНА.

Можно-ли разобрать что-нибудь изъ этого?

ШУТЪ.

Я не знаю, гдѣ живетъ онъ, и слѣдовательно сказать, что онъ живетъ здѣсь или тамъ, значитъ безсовѣстно солгать передъ вами.

ДЕСДЕМОНА.

Не можешь-ли ты, по-крайней-мѣрѣ, узнать объ этомъ и сказать мнѣ.

ШУТЪ.

Это дѣло другое. Я пущусь распрашивать у встрѣчнаго и поперечнаго, т. е., буду задавать вопросы, и на основаніи ихъ создавать свой отвѣтъ.

ДЕСДЕМОНА.

Найди-же его и попроси придти сюда; скажи ему, что я просила объ немъ своего мужа и ожидаю всего лучшаго.

ШУТЪ.

Все это не превышаетъ еще соображеній ума человѣческаго, и слѣдовательно, я совершенно могу принять на себя ваше порученіе. (*Уходитъ*).

ДЕСДЕМОНА.

Но гдѣ-жъ я потеряла свой платокъ,
Эмилія?

ЭМИЛІЯ.

Не знаю я, синьйора.

ДЕСДЕМОНА.

Повѣрь, Эмилья, лучше-бъ согласилась
Я потерять свой кошелекъ кругадовъ [23]);
И если-бы мой благородный Мавръ
Имѣлъ не этотъ свѣтлый умъ, и былъ

Не выше мелкой ревности, конечно
Отъ этого въ немъ родилось-бы много
Нечистыхъ мыслей.

ЭМИЛІЯ.

А Отелло не ревнивъ,
Синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Кто? мой Мавръ? — Я думаю,
Что солнце родины его сожгло
Въ крови его зародышь этой страсти.

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, вотъ и онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь я отъ него
Не отойду, пока онъ не проститъ
Проступка Кассіо. (*Отелло входитъ*).
Что́ не лучше-ли
Тебѣ, мой другъ?

ОТЕЛЛО.

О, лучше, добрая
Моя синьйора. (*Въ-сторону*). Ахъ, притворство мнѣ
Такъ тяжело!... А ты здорова?

ДЕСДЕМОНА.

О, совершенно, добрый мой синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

А дай мнѣ руку. — Ка́къ она нѣжна,
Синьйора, ручка ваша!

ДЕСДЕМОНА.

Да, она
Еще немного видѣла годовъ,
И не видала горя....

ОТЕЛЛО.

Ручка эта
Мнѣ говоритъ, что много жизни здѣсь,
Что на сердцѣ твоемъ тревоги много....
Да, горяча.... такъ горяча, нѣжна!
Она мнѣ говоритъ еще: синьйорѣ
Нужны-бы постъ, неволя и молитва,
Немножко-бъ покаянья нужно.... да!
А то здѣсь все вертится шаловливо
Молодонькій бѣсенокъ.... право!
Ахъ, это откровенная рука,
Такая добрая!

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю
Что добрая, — вѣдь ручка эта сердце
Вамъ отдала мое....

ОТЕЛЛО.

Да, добрая
Ты ручка!... Встарину тебя-бы мнѣ
Вручило сердце, а теперь, такъ ты
Располагаешь сердцемъ — модная
Геральдика! [24])

ДЕСДЕМОНА.

Въ которой я, синьйоръ,
Не понимаю ровно ничего.
А что́-же обѣщаніе твое?

ОТЕЛЛО.

Какое обѣщанье, милая
Моя?

ДЕСДЕМОНА.

Да все-жъ объ этомъ Кассіо.
Ужъ я за нимъ послала, чтобъ пришелъ
Поговорить съ тобою самъ.

ОТЕЛЛО.

Ахъ, вотъ
Опять меня схватила эта боль....
Дай мнѣ платокъ...

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ, мой милый.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ!
Другой, что я когда-то подарилъ.

ДЕСДЕМОНА.

Того здѣсь нѣтъ.

ОТЕЛЛО.

Какъ нѣтъ?

ДЕСДЕМОНА.

Да здѣсь... теперь
Со мною нѣтъ...

ОТЕЛЛО.

Жаль! жаль! его одна
Цыганка подарила матери
Моей давно уже; — она была
Колдунья, и могла читать въ душѣ
Людскую мысль; — она сказала ей:
Пока ты этотъ сохранишь платокъ,
До-тѣхъ-поръ будешь ты любима мужемъ
И безраздѣльно будешь обладать
Его душою; если-жъ потеряешь,
Или отдашь кому-нибудь его, —
Твой мужъ тогда-жъ тебя возненавидитъ,
И страсти новой покорится сердцемъ.
Предъ смертью мать мнѣ отдала его,
И завѣщала подарить женѣ,
Когда и мнѣ жениться приведется...
Я такъ и сдѣлалъ: сохрани-жъ его,

И какъ зѣницу ока береги.
Да .. потерявъ или отдавъ его,
Ты приготовишь безъисходную,
Суровую погибель намъ...

ДЕСДЕМОНА.

О Боже!
Возможно-ль это?

ОТЕЛЛО.

Это вѣрно. — Въ-ткани той
Заключена таинственная сила:
Сивилла, двѣсти разъ видавшая
Годичный солнца оборотъ, въ жару
Своихъ пионическихъ видѣній, шила
Его цвѣтами; шолкъ носили черви,
Которыхъ силою своей она
Очаровала; весь платокъ потомъ
Омытъ таинственнымъ бальзамомъ былъ, —
И тотъ бальзамъ сивилла источила
Изъ дѣвственныхъ сердецъ столѣтнихъ мумій [25])

ДЕСДЕМОНА.

О, неужели истина все это?

ОТЕЛЛО.

Святая истина! Смотри-жъ за нимъ
Внимательно...

ДЕСДЕМОНА.

О, лучше-бы его
Я не видала никогда!

ОТЕЛЛО.

Какъ! что?
А отъ-чего-бы это?

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, за-чѣмъ
Ты такъ сурово говоришь со мною?

ОТЕЛЛО.

Такъ онъ потерянъ? отданъ? говори-жъ...
Его ужъ больше нѣтъ?..

ДЕСДЕМОНА.

Спаси насъ Боже!..

ОТЕЛЛО.

Да говори-жъ!

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не потерянъ онъ. —
Но если-бы.., Отелло?

ОТЕЛЛО.

А!...

ДЕСДЕМОНА.

Но я
Вѣдь говорю, что не потерянъ онъ.

ОТЕЛЛО.

Найди-же, покажи его!..

ДЕСДЕМОНА.

Да, — я
Найду его, синьйоръ, — но не теперь...
Но это хитрости... а! понимаю...
Такъ не удастся-жъ вамъ, синьйоръ, меня
Заговорить, — прости-же Кассіо,
Прошу тебя, мой милый другъ!..

ОТЕЛЛО.

Найди
Платокъ!.. Въ душѣ моей уже встаютъ
Предчувствія...

ДЕСДЕМОНА.

Такъ, такъ!.. сердись! сердись...
Прости-жъ его Отелло, — право, ты

Въ другомъ ужъ не найдешь такихъ достоинствъ...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, умоляю-жъ... отвѣчай!

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Всѣмъ бытіемъ своимъ всегда
Онъ былъ къ тебѣ привязанъ; онъ дѣлилъ
Съ тобою всѣ опасности...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, сто́итъ пожурить тебя...

ОТЕЛЛО.

Прочь! *(Уходитъ).*

ЭМИЛІЯ.

Вы скажете — онъ не ревнивъ, синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Я прежде не видала никогда
Его такимъ, и начинаю вѣрить,
Что есть въ платкѣ таинственное что́-то...
Ахъ! много принесетъ оно мнѣ горя...

ЭМИЛІЯ.

Не въ годъ, не въ два моя синьйора, можно
Мужчину разгадать. — Мы, бѣдныя,
Не болѣе, какъ пища алчныхъ ихъ
Страстей, — и жадно пожираютъ насъ

Они; — ну, а потомъ, насытившись,
Одно осталось — бросить!.. Но, смотрите:
Вотъ идутъ Кассіо и Яго мой. (*Входятъ Яго и Кассіо*).

ЯГО.

Вамъ нѣтъ другой дороги; нужно, чтобъ
Она за васъ просила Мавра. — Ну,
Вы, просто, счастливы — вотъ и она!
Подите-жъ къ ней, да попытайтесь-ка
Опять.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ это вы, мой Кассіо!
Что́ новаго у васъ?

КАССІО.

Синьйора! я
Все съ прежней просьбой. — Умоляю вновь
Великодушное участье ваше, —
Все бытіе мое отъ васъ зависитъ, —
Вы только можете мнѣ возвратить
Любовь его, — его, котораго
Во глубинѣ души моей люблю
И уважаю безконечно я; —
Вся эта медленность и неизвѣстность
Невыносимо тяжелы!.. Когда-жъ
Проступокъ мой уже неискупимъ
Ни прежними заслугами моими,
Ни настоящей горестью, ни тѣмъ,
Къ чему себя въ грядущемъ обрекаю, —
Когда все это — мнѣ не возратитъ
Уже любви его, — пусть скажетъ онъ,
Чего́, по-крайней-мѣрѣ, ждать я долженъ...
Я покорюсь необходимости,
Синьйора... горестью убитый, я
Пойду себѣ другой дорогой...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,
Мой благородный, добрый Кассіо!

Предстательство мое теперь безсильно...
Мой мужъ не тотъ уже, чѣмъ прежде былъ, —
Я не узнала-бы въ немъ Мавра моего —
Когда-бъ черты его перемѣнились,
Какъ нравъ... О, я за васъ молила,
Какъ молитъ за меня у вѣчнаго
Престола ангелъ мой хранитель... Что-жъ?
За эти рѣчи гнѣвъ его упалъ
И на меня... Но потерпите ужъ
Еще не много; — все, что только можно —
Я сдѣлаю для васъ; — рѣшусь на то,
На что для личныхъ цѣлей никогда-бъ
Я не рѣшилась: будьте-жъ хоть теперь
Спокойны, Кассіо!

ЯГО.

Такъ генералъ
Разгнѣванъ?

ЭМИЛІЯ.

Онъ вотъ только-что ушелъ
Въ волненіи непзъяснимомъ....

ЯГО.

Онъ?
Взволнованъ?... я видалъ, какъ ядра
Ряды дружинъ его сметали; видѣлъ я —
Одно изъ нихъ, подобно демону,
Схватило брата на груди его....
И онъ взволнованъ? — видно есть причина....

ДЕСДЕМОНА.

Иди-же, Яго, успокой его, —
Прошу тебя. *(Яго уходитъ).*
Быть-можетъ получилъ
Онъ изъ Венеціи непріятныя
Извѣстья, — или здѣсь, на островѣ
Открылъ онъ тайный заговоръ — и это
Смутило свѣтлый міръ души его.
А вѣдь въ подобныхъ случаяхъ всегда

Привяжемся мы, вѣрно, къ пустякамъ.
Хотя душа полна тревогою
Суровой; — это такъ! Пусть заболитъ
У насъ немножко палецъ — эта боль
Сейчасъ идетъ ко всѣмъ здоровымъ членамъ....
Вѣдь люди-же — не боги; — и нельзя-жъ
Намъ вѣчно требовать того вниманья,
Которымъ насъ лелѣютъ въ брачный день.
О побрани-жъ, Эмилія, меня!
Какъ много я была несправедлива
Къ нему за мнимую холодность эту!...
Теперь сама я вижу совершенно,
Что виноватъ не онъ, а я....

ЭМИЛІЯ.

Дай Богъ,
Чтобы причиной этого волненья
Были одни дѣла республики,
А не зародышъ ревности слѣпой....

ДЕСДЕМОНА.

О, я тебя оплачу, день печальный!...
Я никогда ему не подала
Причины....

ЭМИЛІЯ.

Все-равно!... ревнивымъ такъ
Не говорите лучше; ревности
Причина не всегда нужна; они
Ревнивы — просто потому, что ужъ
Ревнивы.... Да, чудовище она!
Сама-собой зачнется въ темнотѣ,
И вырастаетъ изъ самой-себя.

ДЕСДЕМОНА.

О небо! изгони ее на-вѣкъ
Изъ сердца Мавра моего....

ЭМИЛІЯ.

Аминь,

Синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

Я теперь пойду искать
Его, а вы, межъ-тѣмъ, побудьте здѣсь,
Мой бѣдный Кассьо, — повторю
Предъ нимъ опять мольбы свои, — и все
Употреблю на то, чтобы склонить
Его.

КАССІО.

Благодарю васъ, добрая
Синьйора! (*Десдемона и Эмилія уходятъ.—Бьянка входитъ*).

БЬЯНКА.

Ахъ, мой милый Кассіо!

КАССІО.

Какъ, Бьянка, ты? — И здѣсь? — Да, что тебя
Заставило придти сюда теперь?
Здорова-ли, прелестный другъ мой? — Я
Вотъ только-что было къ тебѣ сбирался....

БЬЯНКА.

А я къ тебѣ, мой милый Кассіо! — Ну,
На что-жъ похоже это — прятаться
Недѣлю цѣлую — семь дней и семь
Ночей, — сто-шестьдесятъ часовъ, — а вѣдь
Часы любви тоскующей идутъ
Въ сто-шестьдесятъ разъ медленнѣй часовъ
Обыкновенныхъ.... Ахъ, какъ скучно ихъ считать
Мой Кассіо!

КАССІО.

Прости-же Бьянка!
Я самъ страдалъ такъ много въ это время....
Но скоро этотъ грѣхъ очищу я,
Неразставаясь болѣе съ тобой

Ни на минуту. — Милая Біанка!

(Показываетъ платокъ Дездемоны).

Сработай мнѣ точь-въ-точь такой платокъ.

БЬЯНКА.

Ахъ, Кассьо, гдѣ ты взялъ его? — И вѣрно
Подарокъ новой дружбы? — О, теперь
Я вижу ясно — отъ-чего тебя
Не видно было.... вотъ причина! ахъ
Какъ это хорошо!...

КАССІО.

Пошла!... На то́
И женщина.... Брось этотъ глупый вздоръ
Туда, откуда онъ пришелъ къ тебѣ —
Діаволу. — Ты создала уже
Изъ ревности — любовницу, подарки....
Клянусь, не угадала, Бьянка, ты!

БЬЯНКА.

Ну, чей-же онъ?

КАССІО.

Да я и самъ не знаю; —
Я въ комнатѣ своей нашелъ его.
Рисунокъ мнѣ понравился, и мнѣ
Хотѣлось-бы имѣть такой-же, прежде,
Чѣмъ возвращу его, — а возвратить
Когда-нибудь да надо. — Вѣришь-ли?
Возьми-жъ его и сдѣлай точно та́къ.
Ну, а теперь, пока прощай!

БЬЯНКА.

Прощай?...
За-чѣмъ-бы это?

КАССІО.

Да за тѣмъ, что я
Здѣсь генерала поджидаю. — Ну,

А согласись сама — неловко-же
Съ тобой вдвоемъ къ нему явиться мнѣ....

БЬЯНКА.

А отъ-чего-бы, на-примѣръ, неловко?

КАССІО.

Конечно ужъ не отъ-того, чтобы
Я не любилъ тебя.

БЬЯНКА.

А отъ-того,
Что ты меня не любишь... такъ-ли?
Хоть проводи-жъ меня.... По-крайней-мѣрѣ,
Придешь-ли ты хоть вечеромъ сегодня?

КАССІО.

Мнѣ нужно дожидать на этомъ мѣстѣ,
И потому далеко не могу
Я проводить, — но я зайду къ тебѣ
Какъ только потемнѣетъ. —

БЬЯНКА.

И за то
Спасибо, милый Кассіо! — Судьбѣ
Своей безъ ропота я повинуюсь.

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ-же.

Входятъ ОТЕЛЛО И ЯГО.

ЯГО.

Васъ все еще, синьйоръ, тревожитъ это?

ОТЕЛЛО.

Тревожитъ-ли меня?

ЯГО.

И что́-жъ? — одинъ
Таинственный и тихій поцѣлуй....

ОТЕЛЛО.

А кто
Далъ право имъ на этотъ поцѣлуй?...

ЯГО.

Или невинное свиданье въ спальнѣ,
Не больше часа, двухъ....

ОТЕЛЛО.

Невинное?
И въ спальнѣ, Яго?... Что-же — дьявола
Они морочатъ?... Знаешь-ли, что тѣхъ,
Которыя ведутъ невинныя
Бесѣды въ спальняхъ по-ночамъ — тѣхъ искушаетъ
Самъ сатана; — они-же, въ свой чередъ,
Святое Небо искушаютъ.

ЯГО.

Тутъ,
Казалось, грѣхъ-бы небольшой еще
Потолковать вдвоемъ, — но если я,
Положимъ, подарю женѣ платокъ....

ОТЕЛЛО.

Ну, что-жъ тогда?

ЯГО.

Да онъ тогда ужъ ей
Принадлежитъ, — и я-бы думать смѣлъ,
Что подарить свое добро она
Имѣетъ право.

ОТЕЛЛО.

Такъ по твоему,
Она имѣетъ право подарить
И честь свою, — вѣдь-же она хозяйка
И этого добра?

ЯГО.

Вотъ вы и честь
Сейчасъ; честь — дѣло темное, синьйоръ...
Огляньтесь — мало-ли безстыдницъ честныхъ....
Но что касается платка....

ОТЕЛЛО.

Клянусь,
Я много-бъ далъ, чтобъ позабыть о немъ,

А у тебя, что́ слово — то платокъ....
О, эта мысль на памяти моей,
Какъ мрачный воронъ, каркающій гибель
На кровлѣ зачумленной... [26]). У него
Платокъ мой!...

ЯГО.

И что́-жъ изъ этого?

ОТЕЛЛО.

Теперь
Изъ этого уже выходитъ много....

ЯГО.

А если-бъ я сказалъ, что видѣлъ самъ
Позоръ вашъ?... слышалъ отъ него я самъ....
Вѣдь есть довольно въ свѣтѣ и такихъ,
Что такъ или иначе дотянувъ
До своего — никакъ ужъ не утерпятъ,
Чтобъ не трубить предъ встрѣчнымъ-поперечнымъ...

ОТЕЛЛО.

Да развѣ говорилъ онъ что-нибудь?

ЯГО.

Да, говорилъ; — и это вѣрно такъ,
Какъ то́, что онъ при случаѣ, пожалуй,
И отопрется отъ своихъ рѣчей.

ОТЕЛЛО.

Ну, что́-жъ онъ говорилъ?

ЯГО.

Что будто онъ...
Того.... но, право, я не знаю, ка́къ —
Сказать вамъ это....

ОТЕЛЛО.

Говори-же, что́?

ЯГО.

Лежалъ....

ОТЕЛЛО.

Съ женой?

ЯГО.

Да, съ нею, возлѣ ней... [27]).
Ну, какъ хотите тамъ....

ОТЕЛЛО.

Лежалъ съ нею! возлѣ нея!... Какъ, это говорятъ еще, Яго, когда говорятъ объ этомъ?... О, позоръ, позоръ!... Платокъ!... Такъ вотъ исповѣдь его!... Платокъ.... Да, исповѣдь ему, и — веревку за эти подвиги... [28]). Нѣтъ, на веревку прежде, — такъ и допросъ... Я дрожу, какъ только подумаю... Нѣтъ, эта страсть не обезумила-бы такъ мою природу, если-бы не было у нея тайныхъ предчувствій.... Одни пустые звуки не проникнули бы меня этимъ страннымъ трепетомъ... Ухъ!... Вотъ она вся... ея черты... ея очи и уста ея.. Ахъ, да возможно-ли это?!... Признается!... платокъ!... о дьяволъ! (*Падаетъ въ обморокъ*).

ЯГО.

Гуляй мой ядъ, — работай ядъ!... Вотъ какъ
Пріятелей, глупцовъ васъ легковѣрныхъ,
Въ засаду ловятъ!... Вотъ невинность ваша,
О непорочные мои голубки!...
Что-жъ тутъ она поможетъ вамъ?... Синьйоръ!
Что съ вами? (*Входитъ Кассіо*).
Мой синьйоръ! Отелло!
Ахъ, это Кассьо вы!

КАССІО.

Что здѣсь такое?

ЯГО.

Падучая!... ахъ, бѣдный мой синьйоръ!...
И вотъ, въ другой ужъ разъ ударило
Его; вчера было вотъ точно также.

КАССІО.

Ему-бъ виски немного потереть.

ЯГО.

О нѣтъ! оставьте... пусть обычный ходъ
Припадокъ совершитъ; иначе пѣна
Забьетъ клубами на его устахъ,
И хуже прежняго еще его
Закорчитъ.... Вотъ, онъ движется уже,
Глядите. — Выйдите-жъ теперь отсюда
На нѣсколько минутъ, — онъ скоро ужъ
Очнется; — а потомъ, когда уйдетъ —
Мы потолкуемъ съ вами объ одномъ
Довольно-важномъ дѣлѣ. (*Кассіо уходитъ*).
Что, какъ вы
Теперь, синьйоръ? — И ваша голова...
Конечно, вы ее не повредили?...

ОТЕЛЛО.

Ты надо мной смѣешься?...

ЯГО.

Я,
Синьйоръ, смѣюся?... Нѣтъ! предъ Богомъ, нѣтъ!
Скорѣй — я-бъ пожелалъ вамъ перенесть
Несчастье это гордо, равнодушно...

ОТЕЛЛО.

Обманутый супругъ — о, это звѣрь,
Чудовище!

ЯГО.

Такъ ихъ таки довольно
По городамъ — цивилизованныхъ
Чудовищъ этихъ и звѣрей.

ОТЕЛЛО.

И онъ, ты говоришь, признался въ этомъ?...

ЯГО.

Синьйоръ! синьйоръ мой! — Будьте человѣкомъ...
Подумайте, что всякъ, кого судьба
Родила съ бородой, — чуть голову
Свою нагнетъ въ супружнее ярмо —
Рога какъ разъ ростутъ на головѣ
Его... Ахъ, сколько есть счастливцевъ,
Увѣренныхъ, что чисто ложе ихъ, —
А тамъ чортъ знаетъ кто толчется... Вамъ
На долю лучше выпало! А то лобзать
На ложѣ, — въ чистотѣ, котораго
Такъ много мы убѣждены, — лобзать
Преступницу и думать, что она,
Какъ ангелъ неповинна — о, да это
Преоскорбительная шутка ада,
Архи-насмѣшка князя сатаны...
Нѣтъ, пусть я лучше знаю жребій свой, —
А зная, что-такое я — легко
Уже рѣшить и то, чѣмъ быть и ей.

ОТЕЛЛО

Ты мудръ, мой Яго, — это справедливо!

ЯГО.

Уйдите-ка отсюда на минутку,
Да потерпите, ужъ не горячась. —
Пока вы здѣсь томились въ борьбѣ
Съ глубокой горестью, — что̀ недостойно
Подобныхъ вамъ людей, — сюда зашелъ
Нашъ Кассіо. — Я отослалъ его
Подъ тѣмъ предлогомъ, будто вы въ припадкѣ,
Но попросилъ придти сюда опять
Потолковать со мной; — онъ обѣщалъ.
Вы спрячьтесь, и смотрите, какъ
Рисуется во всѣхъ чертахъ его
Насмѣшка, гордость и презрѣнье,
Когда онъ говоритъ объ этой связи; —
А я его заставлю повторить,
Гдѣ, какъ, когда и сколько было ужъ

У нихъ свиданій? долго-ли идутъ
Они? когда назначено опять?
Вы только молча замѣчайте всѣ
Тѣлодвиженія его; — но разъ
Еще, синьйоръ, — терпѣніе! — Не то,
Заставите меня повѣрить вы,
Что страсти въ вашемъ сердце слишкомъ-много,
Да маловато человѣка....

ОТЕЛЛО.

Замѣть-же, Яго, истощу я все
Терпѣніе свое; но послѣ, Яго, —
Замѣть и это, — истощу я всю
И злобу кровожадную.

ЯГО.

На это
Я ничего вамъ не скажу, но пусть
Васъ время приведетъ къ тому законно....
Благоволите-же, синьйоръ, уйти. *(Отелло отходитъ).*
Теперь я съ Кассіо заговорю
О Бьянкѣ, этой умницѣ, что такъ
Умно ведетъ коммерческій обмѣнъ
Восторговъ жаркихъ на насущный хлѣбъ,
Да на лоскутья бабьи.... бѣдная
Души не слышитъ въ Кассіо своемъ...
Да это вѣчно такъ уже у нихъ —
Щипаютъ сами пропасть мелкихъ пташекъ,
А ихъ уже одинъ щипаетъ коршунъ. —
И чуть при немъ заговоришь объ ней —
Онъ тотчасъ смѣхомъ разразится.... А!
Вотъ онъ. *(Кассіо входитъ).*

Ну, смѣйся-жъ, каждая твоя
Улыбка новымъ бѣшенствомъ взволнуетъ
Неистоваго Мавра; онъ съумѣетъ,
Въ угарѣ глупой ревности своей,
Веселый смѣхъ твой такъ чудесно
По своему растолковать.... Ну, что
Мой лейтенантъ?

КАССІО.

Не хорошо, мой Яго, —
Тѣмъ болѣе не хорошо, что ты,
Ужъ не въ насмѣшку-ль, полно, величаешь
Меня достоинствомъ, котораго
Потеря убиваетъ всѣ мои
Надежды.

ЯГО.

Вамъ еще-бы попросить
Какъ должно, Дездемону, — это
Одно спасти васъ можетъ. (*Тихо*).
Вотъ когда-бъ
Зависѣло отъ Бьянки наше дѣло —
Такъ резолюція-бы мигомъ, — а?

КАССІО

Да, бѣдная моя шалунья!

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А!
Уже смѣется!...

ЯГО.

Право, не видалъ
Я женщины, такъ беззавѣтно
И чисто преданной любви своей...

КАССІО.

Да, вѣтренница точно влюблена
Въ меня, — я въ этомъ убѣжденъ.

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Теперь
Какъ будто онъ не соглашается,
А самъ межъ-тѣмъ смѣется, — ну, оно
Понятно!

ЯГО.

Знате-ли Кассіо....

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А....

Вотъ онъ его заставитъ разсказать
Все дѣло.... Ну, впередъ! — Чудесно, Яго, —
Чудесно сказано....

ЯГО.

Она вездѣ
Трубитъ, что вамъ хотѣлось-бы на ней
Жениться, — правда-ль это?

КАССІО.

Ха, ха, ха!

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Тріумфъ тебѣ, о Римлянинъ! тріумфъ!...

КАССІО.

Мнѣ хотѣлось-бы на ней жениться? — Что́ ты! На этой дѣвѣ милосердія!... Да хоть немножко снисхожденія, Яго, къ бѣдному-то разсудку моему.... Не ужъ-то я совсѣмъ-таки помѣшался.... Ха, ха, ха! на ней жениться!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Такъ, такъ, такъ, славно!... Завоевалъ — рукоплещи теперь!

ЯГО.

По чести, слухи ходятъ, что вы хотите на ней жениться.

КАССІО.

Ты не шутишь, Яго?

ЯГО.

Да, что́ за шутки? — Пусть я буду и не знаю чѣмъ, если это есть у меня и въ помышленіи.

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А! ты уже рѣшилъ, сколько осталося жить мнѣ, Кассіо! Недурно!

КАССІО.

Ну, увѣряю тебя — это собственныя сочиненія этой мартышки.... Она-то, пожалуй, убѣждена въ томъ, что я женюсь на ней, — да убѣдилась-то она не изъ словъ моихъ, а изъ личнаго тщеславія только. *(Яго дѣлаетъ знаки Отелло).*

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Яго киваетъ мнѣ; — теперь онъ начнетъ свою исторію.

КАССІО.

Вотъ только-что она была здѣсь; — какъ видишь, она нигдѣ не даетъ мнѣ покоя.—Недавно какъ-то стояло насъ, нѣсколько земляковъ, на морскомъ берегу, — такъ, толковали о чемъ-то, — вдругъ, откуда ни возьмись — прибѣгаетъ она, и, какъ кошка, сразу цѣпляется мнѣ на шею....

ОТЕЛЛО (*тихо*).

И безъ сомнѣнія кричитъ: «о милый Кассіо!» — такъ, по-крайней-мѣрѣ, доказываютъ твои жесты.

КАССІО.

Вѣшается, говорю, на шею, прижимаетъ къ груди своей, обливаетъ меня слезами, тормошитъ, тащитъ меня.... Ха, ха, ха!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Теперь онъ разсказываетъ, какъ она затащила его въ свою спальню.... О, я уже вижу и всѣ ваши дальнѣйшія продѣлки; но я еще не вижу собаки, которой-бы тебя стóило бросить за нихъ.

КАССІО.

Ну, впередъ она меня не подцѣпитъ.

ЯГО.

Смотрите!... вѣдь она вотъ ужъ здѣсь. И на чужихъ не глядитъ! *(Входитъ Бьянка).*

КАССІО.

Да это чистая кошка!... только знаешь-ли, прилизаная, надушеная... (*Бьянкѣ*) Ну, чего тебѣ хочется? Чего ты бѣгаешь по слѣдамъ моимъ?

БЬЯНКА.

Пусть по тебѣ бѣгаетъ чортъ съ своею чертовкой!... Скажи лучше — чего тебѣ хотѣлось, когда ты отдавалъ мнѣ платокъ этотъ?... А я-то дура—и возьми его!... Видите-ли—вамъ нуженъ другой точно такой-же.... И то сказать—какъ умно придумано: «Я пашелъ его въ своей комнатѣ!.. я не знаю, кто его тамъ покинулъ!..» Ты не знаешь... А я такъ знаю, что это драгоцѣнные сувенирчики какой-нибудь потаскухи, — и я-же должна работать надъ нимъ.... На! отдай его своему сокровищу! Чей-бы онъ ни былъ—я не стану, и не стану таки сидѣть надъ нимъ.

КАССІО.

Да, что ты, милочка моя Бьянка, что съ тобой?

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Клянусь небомъ это, должно-быть, мой платокъ!

БЬЯНКА.

И если ты хочешь придти ко мнѣ — ужинать сегодня, — милости просимъ! — А! нѣтъ — приходи, когда позволятъ тебѣ дѣла твои. (*Уходитъ*).

ЯГО.

За нею, Кассіо, за нею!

КАССІО.

Да, надобно пойти; иначе, она забарабанитъ теперь по всѣмъ улицамъ.

ЯГО.

Вы у нея останетесь и ужинать?

КАССІО.

Кажется, что такъ.

ЯГО.

И прекрасно; — а могу-ли я васъ видѣть тамъ?... Мнѣ-бы очень-хотѣлось поговорить съ вами.

КАССІО.

О, сдѣлай милость, приходи!.. Будешь?..

ЯГО.

Ну, поспѣшайте ужъ за нею... полно толковать вамъ.

(*Кассіо уходитъ*).

ОТЕЛЛО.

Какъ-же мнѣ, Яго, мучить его?..

ЯГО.

Вы видѣли теперь, въ какомъ онъ восторгѣ отъ мерзостей своихъ...

ОТЕЛЛО.

О Яго!

ЯГО.

Вы также видѣли и платокъ, конечно?

ОТЕЛЛО.

А это мой платокъ?

ЯГО.

Какъ честный человѣкъ, — вашъ, синьйоръ... И вотъ какъ онъ цѣнитъ безумную эту женщину — жену вашу! Она даритъ ему платокъ, а онъ бросаетъ его первой твари.

ОТЕЛЛО.

Цѣлые годы я хотѣлъ-бы мучить — не замучить его!.. Совершенная женщина! прелестное, милое созданіе!

ЯГО.

Синьйоръ! вамъ нужно забыть это...

ОТЕЛЛО.

Да... судъ, и смерть, и гибель ей — все въ эту ночь... Да, не жить ей больше... Сердце мое теперь — камень. Какъ бьетъ оно мою грудь! какъ болѣзненно бьется оно подъ моей рукою... О, міръ не увидитъ уже созданія прекраснѣе ея!.. Она могла-бы раздѣлять судьбы владыкъ земныхъ, и своею волею вести судьбы эти.

ЯГО.

Да вы, генералъ, ведете не по той уже дорогѣ...

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, ей все-таки погибель! Я говорю только, что такое она — эта Дездемона!.. Такъ превосходно работаетъ иглою... такъ удивительно играетъ!.. Предъ ея нѣжностью сокрушилась-бы свирѣпость дикаго медвѣдя! Умъ такой свѣтлый, и такое плѣнительное воображеніе...

ЯГО.

И все это только сильнѣе обвиняетъ ее.

ОТЕЛЛО.

О, тысячу, тысячу разъ!.. И сердце такое нѣжное, такое благородное!

ЯГО.

Да, такое благородное...

ОТЕЛЛО.

О, это справедливо, — и какое участіе, Яго! какое благодушіе, снисхожденіе...

ЯГО.

И если вы такъ снисходительны къ ея маленькимъ шалостямъ — дайте-же ей открытый листъ грѣшить безданно и безпошлинно... Ужь если эти вещи не цѣпляютъ васъ, такъ для нихъ широкая дорога, — они никого не задѣнутъ.

ОТЕЛЛО.

Я изорву ее въ мелкіе куски! — Измѣнить мнѣ!...

ЯГО.

Какъ это низко, недостойно ея...

ОТЕЛЛО.

И съ моимъ офицеромъ еще...

ЯГО.

Это ужъ, просто, изъ рукъ вонъ!

ОТЕЛЛО.

Достань мнѣ яду, Яго! — и эту-же ночь!.. Мнѣ не нужно никакихъ объясненій. — Я все еще боюсь, что рѣшимость моя не устоитъ передъ этимъ дивомъ красоты. — Слышишь, Яго, эту-же ночь!

ЯГО.

За чѣмъ тутъ ядъ, синьйоръ, — лучше задушите ее, и на той-же самой постели, которую она такъ опозорила.

ОТЕЛЛО.

А, да!.. хорошо... хорошо! — Въ казни этой будетъ смыслъ и правда... прекрасно!

ЯГО.

Что-же касается собственно до Кассіо, — это, синьйоръ, я уже принимаю лично на себя; — въ полночь вы услышите больше.

ОТЕЛЛО.

Превосходно! — Что это за сигналы? (*Слышенъ звукъ трубы*).

ЯГО.

Навѣрно, изъ Венеціи что-нибудь.
А вотъ и Лодовико; — вѣрно, онъ
Отъ Дожа, — посмотрите, съ нимъ идетъ
И Десдемона.

(*Входятъ Лодовико, Десдемона и свита*).

ЛОДОВИКО.

Здраствуйте, достойный
Мой генералъ!

ОТЕЛЛО.

Ахъ, здравствуйте синьйоръ!

ЛОДОВИКО.

Дожъ и Сенатъ привѣтствуютъ Отелло! (*Подаетъ ему пакетъ*).

ОТЕЛЛО.

Цѣлую эти знаки — власти ихъ
И добраго вниманья. (*Открываетъ пакетъ и читаетъ*).

ДЕСДЕМОНА.

Что́-же ты
Привезъ намъ новаго, мой добрый братъ?

ЯГО.

Мнѣ такъ пріятно видѣть васъ, синьйоръ, —
Да будетъ-же на радость вашъ пріѣздъ.

ЛОДОВИКО.

Благодарю. — Что́, каково живетъ
Нашъ Кассіо?

ЯГО.

Живетъ синьойръ!

ДЕСДЕМОНА.

Теперь
Онъ въ непріятныхъ отношеніяхъ
Съ моимъ Отелло, но надѣюсь я,
Что ты ихъ помиришь, мой милый братъ.

ОТЕЛЛО.

Надѣетесь?

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?

ОТЕЛЛО (*читаетъ*).

«Обратите на это полное ваше вниманіе, какъ будто...»

ЛОДОВИКО.

Онъ никого не назвалъ... вѣрно, онъ
Письмо читалъ... Такъ, непріятности,
Ты говоришь, у нихъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ужасныя!
И мнѣ, не знаю какъ, хотѣлось-бы,
Чтобы сошлись опять они; — я такъ
Люблю бѣдняжку Кассьо...

ОТЕЛЛО.

Громъ и смерть!

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

Не помѣшалась-ли ты!..

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ
Опять разгнѣванъ...

ЛОДОВИКО.

Можетъ-быть, письмо
Причиной гнѣва этого. — Его,
Какъ кажется, зовутъ назадъ въ Венецью,
А мѣсто это поручаютъ Кассьо.

ДЕСДЕМОНА.

Серьёзно? — ахъ, какъ рада я...

ОТЕЛЛО.

Серьёзно?..

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?..

ОТЕЛЛО.

Ахъ, ка́къ я радъ, что вы съ ума
Сошли.

ДЕСДЕМОНА.

Ка́къ вы сказали, милый мой
Отелло?

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ!.. (*Бьетъ ее*).

ДЕСДЕМОНА.

Я не заслужила,
Отелло, этого...

ЛОДОВИКО.

Никто-бъ въ Венеціи
И не повѣрилъ этому, синьйоръ,
Хоть-бы поклялся я, что видѣлъ самъ...
О, это слишкомъ ужь!.. Скажите-жъ ей
Хоть ласковое слово; — посмотрите —
Бѣдняжка плачетъ!

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ! дьяволъ!..
Когда-бъ отъ женскихъ слезъ могла зачать
Земли утроба — каждая слеза
Твоя создала-бъ крокодила... [29]). Прочь!
Прочь отъ меня!..

ДЕСДЕМОНА.

Я оскорбляю васъ
Присутствіемъ своимъ... я ухожу!

(*Уходитъ*).

ЛОДОВИКО.

Вотъ снисхожденіе примѣрное,
Клянусь! — Да воротите-же ее,
Я умоляю васъ.

ОТЕЛЛО

Синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

Мой

Синьйоръ?..

ОТЕЛЛО.

На что́-же вамъ она?

ЛОДОВИКО.

Кому?

Мнѣ генералъ?

ОТЕЛЛО.

Да вы-жъ сейчасъ сказали,
Чтобъ воротить ее... Она вернулась...
Она вертѣться можетъ, какъ угодно,
Уйти, придти; — она и плакать можетъ —
И плакать — да!.. она — покорная
Супруга — о, покорная — какъ вы
Сказали; чудо, не супруга! — Ну,
Да разливайся-же въ слезахъ, — а вы,
Синьйоръ, игру прилично созерцаете...
Не правда-ль, чудо сыграно! — А тутъ
Еще меня отсюда отзываютъ; —
Уйди-жъ отсюда, — я тобой сейчасъ
Займуесь... Синьйоръ, я повинуюсь волѣ
Пославшихъ васъ, и возвращаюсь
Въ Венецію. — Да прочь-же ты отсюда!... (*Десдемона уходитъ.*)
На это мѣсто Кассіо поступитъ
И... Вечеромъ, синьйоръ, прошу ко мнѣ
Поужинать; вы кстати прибыли,
Синьйоръ, къ намъ въ Кипръ... Развратъ и подлость! (*Уходитъ.*)

ЛОДОВИКО.

Такъ это онъ, тотъ благородный Мавръ,
Котораго сенаторы одинъ
Передъ другимъ такъ громко величаютъ!...
Такъ вотъ она, та гордая душа,
Несокрушимая страстями! Вотъ
Она — та доблесть, равнодушная
Къ судьбѣ суровой..

ЯГО.

Ахъ, синьйоръ, онъ такъ
Перемѣнился...

ЛОДОВИКО.

Все-ли у него
Здорово тутъ? — ужъ не зашелъ-ли умъ
За разумъ?

ЯГО.

Онъ и былъ и есть — то́, что́
Онъ былъ и есть, — хоть я, синьйоръ, не смѣю
Судить его, — но онъ не то́ далеко,
Чѣмъ могъ-бы быть, — конечно, если-бъ то
И могъ еще... все-жъ горячо молю
Я небеса — чтобъ былъ онъ тѣмъ...

ЛОДОВИКО.

Ну, ка́къ!
Жену свою ударить!...

ЯГО.

Правда, это
Не такъ-то хорошо, но между-тѣмъ
Было́-бы хорошо еще, когда-бъ
И хуже не было чего-нибудь...

ЛОДОВИКО.

Да развѣ это у него вчастую?...
Или взбѣшенный письмами сената
До этой степени забылся онъ?...

ЯГО.

Увы!
Увы! — Безчестно было-бъ для меня
Болтать о всемъ, что́ видѣлъ я, что́ знаю...
Смотрите сами, — вы, изъ собственныхъ
Его поступковъ, разгадаете
Его и безъ рѣчей моихъ; глядите,
Да замѣчайте только, ка́къ идутъ
Дѣла...

ЛОДОВИКО.

Мнѣ жаль, что я ошибся въ немъ!

СЦЕНА II.

Комната въ за́мкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО и ЭМИЛІЯ.

ОТЕЛЛО.

Такъ ты, Эмилья, ровно ничего
Таки не видѣла?

ЭМИЛІЯ.

И никогда
Не слышала, — и даже подозрѣній
Здѣсь никакихъ не можетъ быть, синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ!... но — ты видѣла вѣдь вмѣстѣ ихъ —
Ее и Кассіо?

ЭМИЛІЯ.

Но я клянусь,
Не видѣла дурнаго ничего, —
Хоть ни одно дыханіе изъ устъ
Не ускользало отъ меня.

ОТЕЛЛО.

Ну вотъ —
Ужъ никогда-таки они
И не шептались..

ЭМИЛІЯ.

Никогда, синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

И никогда тебя не высылали?

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, никогда!

ОТЕЛЛО.

Ну, на-примѣръ, принесть
Перчатки, вѣеръ, маску, что-нибудь
Такое...

ЭМИЛІЯ.

Никогда!

ОТЕЛЛО.

Да, чудно право!

ЭМИЛІЯ.

Я смѣло васъ, синьйоръ, могу увѣрить
Въ чистѣйшей непорочности ея;
За это я своей душою вамъ
Ручаюся... и если вы въ другомъ
Убѣждены, — о, изгоните прочь
Изъ вашей мысли убѣжденье это,
Болѣзненно-гнетущее ее!...
И тотъ, кто кинулъ вамъ его на сердце...
Пусть Богъ его проклятьемъ поразитъ
Какъ змія-искусителя!... Когда
Она не непорочна, не чиста,
Не добродѣтельна, — такъ на землѣ
Нѣтъ счастливыхъ мужей!.. Ее, мой Боже!

Ее, чистѣйшую изъ женъ, волочатъ
Въ грязи нечистой клеветы...

ОТЕЛЛО.

Поди,
Да попроси ее сюда. Ступай! (*Эмиліи уходитъ.*)
Ты славно говоришь, — да кто-жъ тебѣ
Повѣритъ?... Какъ тебѣ не знать: что, гдѣ,
И какъ порасказать?... Вѣдь здѣсь твой хлѣбъ,
Вѣдь ты хитра, умна; ты создала
Уже и схоронила много тайнъ
Нечистыхъ; — ты такъ мастерски умѣешь
Пасть на колѣни кстати, и молить
Такою жаркою мольбой, — вѣдь мнѣ
И самому пришлося видѣть это.

(*Входятъ Десдемона и Эмилія.*)

ДЕСДЕМОНА.

Что вамъ угодно?

ОТЕЛЛО.

Подойди ко мнѣ,
Моя невинная голубка...

ДЕСДЕМОНА.

Чѣмъ
Могу, синьйоръ, я успокоить васъ...
Разсѣять?...

ОТЕЛЛО.

Дай налюбоваться мнѣ
Огнемъ очей твоихъ, — смотри-жъ въ лицо
Мнѣ прямо — долго... долго...

ДЕСДЕМОНА.

О, у васъ
Есть что-то страшное на мысли!...

ОТЕЛЛО (*Эмиліи.*)

Ну,

А ты, синьйора, хлопочи свое:
Друзей сердечныхъ глазъ-на-глазъ, конечно, —
Дверь на-запоръ, — да не зѣвать — чуть кто
Покажется, — ты, будто невзначай,
И кашляни многозначительное: «гмъ!»
Ну, къ мѣсту, къ дѣлу... маршъ на аванпосты!

(*Эмилія уходитъ.*)

ДЕСДЕМОНА.

Молю, — у ногъ твоихъ молю, Отелло!...

(*Становится на колѣни.*)

Скажи мнѣ тайный смыслъ рѣчей твоихъ...
Я вижу только гнѣвъ въ словахъ, но словъ
Не понимаю я...

ОТЕЛЛО.

Но что-жъ ты, Десдемона?...

ДЕСДЕМОНА.

Твоя жена, Отелло; вѣрная
И честная жена твоя...

ОТЕЛЛО.

Ну, такъ...
И честая жена твоя... Клянись,
Клянись еще, — пиши чертямъ завѣтъ
На душу; какъ-же имъ и взять тебя,
Когда ты, дивная, какъ небеса
Святыя хороша?!... Губи-же душу...
Клянись еще, что непорочна ты!

ДЕСДЕМОНА.

О, Боже! будь свидѣтелемъ моимъ.

ОТЕЛЛО.

О, да, — свидѣтель Онъ, что ты, какъ адъ,
Коварна...

ДЕСДЕМОНА.

Я, синьйоръ? — Противъ кого

Коварна я?... И какъ коварна я?...

ОТЕЛЛО.

О Десдемона!... прочь! прочь! прочь!... (*Плачетъ.*)

ДЕСДЕМОНА.

Увы!
Печальный, скорбный день!... Вы плачете,
Синьйоръ... о милый мой супругъ! о чемъ
Ты плачешь?... Ахъ, не я-ли слезъ твоихъ
Причиною?... Но если ты винишь
Въ томъ моего отца, что призываетъ
Тебя сенатъ назадъ — не проклинай
Меня!... Ужъ если больше нѣтъ для васъ
Его, синьйоръ, — такъ для меня, увы!
Онъ навсегда потерянъ, бѣдный мой отецъ....

ОТЕЛЛО.

О, пусть-бы небо горемъ посѣтило
Меня тяжолымъ; пусть упали-бы
На эту безучастную главу —
Вся скорбь, презрѣніе, уничиженье;
Пусть нищета одѣла-бы меня
Нечистымъ рубищемъ; — пусть вѣчными
Цѣпями оковали-бы меня,
И лучшія мои надежды... все,
Я все-бы перенесъ, — съумѣлъ-бы я
Еще найдти въ сокрытыхъ тайникахъ
Души хоть каплю самоотверженья!...
Но сдѣлать изъ меня предметъ презрѣнья
И утвердить надъ нимъ обидный перстъ
Лукаваго, тяжолаго участья....
О!... о!...
Нѣтъ! я-бы перенесъ еще
И это... да! и это-бъ перенесъ!
Но видѣть грязное, вонючее
Болото тамъ, гдѣ думалъ я лелѣять
Всѣ упованья сердца своего, —
Гдѣ я хотѣлъ и могъ-бы жить еще —

Хотя-бъ изъ жизни мнѣ свилася цѣпь
Однихъ страданій, — гдѣ и могъ я только
Взять силъ для трудныхъ дней ... и видѣть тамъ
Гнилую тину, — и глядѣть, какъ тамъ
Копошатся клубы нечистыхъ гадинъ...
О, отврати-жъ лицо свое, терпѣнье!
Твой свѣтлый ликъ, о чистый херувимъ!
Искривится какъ сатаны насмѣшка...

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю, что благородный мой
Супругъ считаетъ чистою меня...

ОТЕЛЛО.

Да, чистою — какъ лѣтнихъ мухъ, что́ сами
Плодятся въ бойняхъ изъ гнилой крови.
О ты, роскошно-сладостный цвѣтокъ —
Чудесное твое благоуханье
Такъ упоительно, что чувству больно
Пить ароматъ на вѣнчикѣ твоемъ...
О, благо было-бы, когда-бъ во вѣкъ
Ты не родилася...

ДЕСДЕМОНА.

Увы! но что́-жъ
Я сдѣлала преступнаго, синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

И эти чистые листы, и эта
Святая книга — для того-ли Богъ
Васъ создалъ, чтобы адъ здѣсь начерталъ
Позорныя слова разврата?.. Что́
Ты сдѣлала? что́ сдѣлала?.. О ты,
Безчестьемъ оглашенная!.. Да что́-бъ
Назвать ихъ только, гнусные
Твои поступки — нужно выжечь мнѣ
Весь стыдъ свой прежде... Что́ ты сдѣлала!?..
И небо хмурится, и чистая луна
Стыдливое чело свое скрываетъ

Подъ дымкой тучъ, и сладострастный вѣтеръ,
Лобзающій свободнымъ поцѣлуемъ
Весь міръ — уходитъ въ бездны, чтобъ ему
Не знать, не слышать, что ты сдѣлала,
Безстыдная въ женахъ!..

ДЕСДЕМОНА.

Клянуся небомъ,
Вы тяжко оскорбляете меня...

ОТЕЛЛО.

Да развѣ можно оскорбить еще
Тебя?.. да развѣ не безчестна ты?..

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, мой синьоръ!.. Христомъ клянуся, нѣтъ!
И если сохранить сосудъ сей чистъ,
Неосквернень, для своего супруга, [30])
Не значитъ быть преступною — такъ я
Невинна...

ОТЕЛЛО.

Какъ! ты не преступна?

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ!
Клянусь спасеніемъ души своей...

ОТЕЛЛО.

Ты шутишь...

ДЕСДЕМОНА.

Господи, помилуй насъ!

ОТЕЛЛО.

О, если такъ — простите мнѣ, синьйора!
Скажите, право — я вѣдь васъ принялъ
За ту коварную Венеціянку,
Что вышла за Отелло за-мужъ... (*Эмилія входитъ*).

А, вотъ
И ты, синьйора, захватившая
Ключи — не отъ небесъ, какъ Римъ, — на что!..
Отъ ада выгоднѣе!.. Ты! да, ты!
Еще разъ — ты!.. Ну, мы покончили...
На-жъ заработокъ твой!.. (*Даетъ ей золото*).
Теперь, конечно,
Ключъ можно повернуть — и никому,
Какъ водится, про это ни ползвука... (*Уходитъ*).

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, что́ за мысли ходятъ въ головѣ
Его!.. (*Дездемонѣ*) Что́ съ вами, о моя синьйора?
Что́ съ вами, милая моя синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Меня какъ-будто давитъ сонъ, Эмилья, —
Такой тяжолый сонъ...

ЭМИЛІЯ.

Да что́-жъ такое
Съ нимъ сдѣлалось, моя синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Съ кѣмъ?

ЭМИЛІЯ.

Да съ господиномъ.

ДЕСДЕМОНА.

Кто-жъ твой господинъ?

ЭМИЛІЯ.

Тотъ, кто и вашъ, моя синьйора...

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, —
Да, нѣтъ его ужъ у меня, Эмилья...

Не спрашивай, не говори... къ чему?
Я плакать не могу... но отвѣчать,
Я не могу иначе, какъ слезами...
Послушай — убери на эту ночь
Вѣнчальнымъ пологомъ постель мою...
Не позабудь-же; — а теперь сюда
Пусть придетъ мужъ твой Яго. —

ЭМИЛІЯ.

Ахъ! и вправду,
Какъ все у насъ перемѣнилось странно! (*Уходитъ*).

ДЕСДЕМОНА.

Охъ, я сама виною этой доли, —
Да, видно, я сама; — но что-же я
Такое сдѣлала, о Боже мой!
Чтобы онъ могъ подозрѣвать меня
Подобнымъ образомъ?.. (*Входятъ Эмилія и Яго*).

ЯГО.

Что нужно вамъ,
Синьйора? — Чѣмъ вы такъ встревожены?

ДЕСДЕМОНА.

Я не могу сказать — я не умѣю...
Не правда-ль — тѣ, что занимаются
Дѣтьми, — имъ замѣчаютъ кротко,
Съ упрекомъ ласковымъ, — и онъ-бы могъ
Такъ побранить меня, — вѣдь я сама,
Чуть-только крикнутъ на меня, — прямой
Ребенокъ...

ЯГО.

Что-же здѣсь случилось?

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, Яго! Мавръ такъ оскорбилъ ее!..
Онъ такъ неистово ее корилъ

Позорными и ѣдкими рѣчами, —
Что съ неповинною ея душою
Перенести все это выше силъ.

ДЕСДЕМОНА.

И заслужила-ль это имя я?..

ЯГО.

Какое имя, добрая синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

То́, вотъ о чемъ Эмилья говорила,
То́, чѣмъ супругъ назвалъ меня...

ЭМИЛІЯ.

Да, онъ
Назвалъ ее тѣмъ гнуснымъ словомъ,
Котораго не говоритъ своей
Поганой твари и бродяга пьяный...

ЯГО.

Да что́-же за причина этому?

ДЕСДЕМОНА.

Не знаю, Яго... Знаю только я,
Что я далеко не такая... (*Плачетъ*).

ЯГО.

О!
Не плачьте-же, не плачьте! — Вотъ денёкъ!..

ЭМИЛІЯ.

И для того-ль, бѣдняжка, отказала
Она блестящимъ женихамъ своимъ,
И для того-ль покинула отца,
Друзей и родину, — чтобъ здѣсь ее
Развратницею звали?.. Ка́къ-же тутъ
Не плакать, Яго?..

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, таковъ уже
Печальный жребій мой...

ЯГО.

Пусть небеса
Его за это покараютъ!.. Но
Откуда-жъ на него нашло безумье?..

ЭМИЛІЯ.

Хоть присягнуть готова я, что всю
Вотъ-эту клевету наговорилъ
Ему какой-нибудь отъявленный
Мерзавецъ, — опытный и хитрый плутъ,
Наушникъ, висѣльникъ, продажный лгунъ —
Чтобъ только подслужиться чѣмъ-нибудь; —
Хоть присягнуть готова!..

ЯГО.

Фи, жена!
Да этакихъ людей земля не носитъ...
Да это невозможно, — полно, что ты!

ДЕСДЕМОНА.

А если это правда, Яго — если есть
Такіе люди — пусть ихъ Богъ проститъ!

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, не прощенье извергу такому,
А перекладина съ веревкой — пусть
Грызутъ потомъ діаволы въ аду
Мозгъ изъ костей его... За что ее
Развратной назвалъ? Кто-же обольстилъ
Е? — гдѣ-жъ мѣсто? время? гдѣ-же случай?
Да гдѣ-жъ хоть тѣнь сомнѣнья въ чистотѣ
Ея?.. Да, обезумилъ, Мавръ, тебя
Площадный враль онъ, клеветникъ презрѣнный,
Бродяга, звѣрь безумный... Боже! Боже!
За-чѣмъ ты не клеймишь пятномъ проклятья

Подобныхъ изверговъ?.. За-чѣмъ, за-чѣмъ
Не дашь бича ты въ руку каждаго
Прямаго человѣка, — пусть идетъ
Отъ запада къ востоку онъ, — идетъ
Изъ края въ край, по міру — и бичуетъ
Злодѣевъ головы, плеча и кости...

ЯГО.

Не горячись, жена!

ЭМИЛІЯ.

О стыдъ, позоръ
На темное чело его! — Конечно,
Подобный враль перевернулъ и твой
Умишко, наболтавъ, что я
Была въ какихъ-то гадкихъ связяхъ съ Мавромъ.

ЯГО.

Да перестань ты, пустомеля!

ДЕСДЕМОНА.

О добрый Яго! какъ мнѣ возвратить
Любовь и дружбу моего Отелло?..
Иди, найди его, мой добрый другъ, —
Клянусь тебѣ еще разъ вѣчными
Небесъ огнями — не придумать мнѣ,
Чѣмъ прогнѣвила я его.... Гляди — (*Становится на колѣна*).
Я на колѣнахъ: если я когда
Нибудь хотѣла измѣнить любви
Его — поступкомъ, словомъ, помышленьемъ, —
Или когда-нибудь прельщалъ мой взоръ, мой слухъ,
Или другое чувство кто-нибудь,
Кромѣ его, — и если не люблю
Его я, не любила пламенно,
Или любить не буду — о мой Боже!
Осироти на вѣкъ мою ты душу,
Отчаяньемъ надежду замѣнивъ....
Ревнивая жестокость часто вдругъ
На многое рѣшится: — что-жъ? пускай!..
Онъ можетъ вырвать это сердце, — но

Не вырветъ онъ любви изъ сердца моего....
Я не могу сказать ... развратная!...
Вотъ звуки!... О, лишь только ихъ пашла
Въ своей груди.... мнѣ стало тяжело,
И странно такъ и больно.... но поступокъ,
За что́ клеймятъ насъ этимъ словомъ!.. Нѣтъ!
О, ни за что́!..

ЯГО.

Синьйора! успокойтесь,
Я заклинаю васъ; — быть-можетъ, онъ
Встревоженъ чѣмъ-нибудь, по службѣ только,
И встрѣтивъ васъ случайно, онъ на васъ
И выместилъ свою досаду...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,
Когда-бы такъ! ..

ЯГО.

Да такъ, повѣрьте мнѣ....
(*Слышенъ звукъ трубы*).
Труба!... Зовутъ къ столу. — Великіе
Послы Венеціи васъ ждутъ, синьйора; —
Не плачьте-жъ больше, — все пойдетъ чудесно....
(*Десдемона и Эмилія уходятъ, входитъ Родриго*).
Ну, что́ Родриго?

РОДРИГО.

Да то́, Яго, что мнѣ не кажется, чтобъ ты поступалъ слишкомъ-честно со мною.

ЯГО.

Ну, покажи-же мнѣ, въ чемъ тутъ нечисто.

РОДРИГО.

Да ужъ нечисто, говорю тебѣ.— Каждый день ты непремѣнно найдешь не то́, такъ другое, чтобъ поводить только меня, Яго; и — какъ оказывается теперь это — ты скорѣе хлопочешь о томъ, чтобъ уничтожить всякую надежду на успѣхъ, нежели

о томъ, чтобъ дать мнѣ малѣйшую надежду. — Но, вѣдь, не вѣчно-же терпѣть мнѣ это, и — тѣмъ болѣе, что я не рѣшилъ еще хорошенько, какъ повести дѣло и за то, что до-сихъ-поръ перенесъ уже я, какъ чистый оселъ.

ЯГО.

Хочешь-ли ты выслушать меня, Родриго?

РОДРИГО.

Худо, что я и то ужъ слишкомъ-долго все только слушалъ тебя, — вѣдь рѣчи твои въ чертовской разладицѣ съ твоими дѣлами.

ЯГО.

Ты жестоко оскорбляешь меня, Родриго.

РОДРИГО.

Да что тутъ за оскорбленія, — я говорю только то, что было. Я истощилъ уже всѣ свои запасы, — и право, за тѣ камни и золото, что ты перебралъ у меня для Десдемоны, можно уломать и не такую недотрогу, — а ты, вѣдь, увѣрялъ, что все это у нея сѣло; — правда, ты увѣрялъ меня и въ томъ еще, что вотъ-вотъ скоро придетъ благодать ко мнѣ, — ну, да не все-жъ вѣдь и сбывается, Яго....

ЯГО.

Прекрасно! продолжайте! дальше — дальше!

РОДРИГО.

«Прекрасно! продолжайте!» Да знаешь-ли ты, что уже не могу я продолжать этого? — Что до меня — я только знаю, что это вовсе не прекрасно; — я думаю, напротивъ, что тутъ таки довольно гадостей, и начинаю убѣждаться, что во всемъ этомъ дурачатъ одного меня.

ЯГО.

И прекрасно!

РОДРИГО.

Да, говорю тебѣ, Яго, что это вовсе не прекрасно. Я объ

все это самой Дездемонѣ; — и если она возвратитъ мнѣ добро мое — мнѣ останется только идти туда, откуда пришелъ я, да пожалѣть немножко о своей неудачѣ, — а нѣтъ — увѣрь себя, что намъ придется раздѣлаться съ тобой иначе.

ЯГО.

Ну, и здѣсь ты выразилъ все уже!...

РОДРИГО.

Да, все, — и ничего здѣсь нѣтъ такого, что́ не было-бы сдѣлано такъ, какъ было сказано.

ЯГО.

Вотъ это по нашему, Родриго; тутъ есть душа, есть сила. Съ этой-поры я перемѣняю свое мнѣніе о тебѣ. Дай руку! Ты имѣлъ совершенное основаніе думать обо мнѣ такимъ-образомъ, хоть я торжественно свидѣтельствую, что ни на одинъ мигъ не выпускалъ изъ виду выгодъ твоихъ.

РОДРИГО.

Это эще не совсѣмъ-очевидно.

ЯГО.

И я совершенно-согласенъ съ этимъ; подозрѣнія твои были не безъ основанія и не безъ смысла.... Но, Родриго, если въ тебѣ и въ-правду есть то́, что́ мнѣ хотѣлось-бы видѣть во всей силѣ именно теперь, — я говорю о твоей рѣшимости, храбрости, силѣ, если есть, такъ покажи это сегодня ночью; — если въ слѣдующую ночь не будешь ты въ объятіяхъ своей Дездемоны, тогда ты воленъ подкупить на меня кинжалы, согнать со свѣта, наконецъ убить меня.

РОДРИГО.

Ну въ чемъ-же дѣло? Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ, какая-нибудь возможность?

ЯГО.

Нужно сказать тебѣ, что изъ Венеціи пришелъ указъ смѣнить Отелло, и на него мѣсто поставить Кассіо.

РОДРИГО.

Возможно-ли это? что́ ты? Такъ это значитъ, что Отелло и Десдемона поѣдутъ назадъ въ Венецію, Яго....

ЯГО.

Вотъ то-то, что не значитъ, Родриго... Онъ сбирается подальше, въ самую Мавританію, и конечно, не покинетъ-же онъ намъ свою прекрасную Десдемону.... Да и ѣдетъ-то онъ скоро, развѣ что-нибудь особенное задержитъ его — а для этого особеннаго, самое лучшее средство — упрятать куда-нибудь подальше Кассіо.

РОДРИГО.

А ка́къ-бы это по твоему его упрятать?

ЯГО.

Да ужъ конечно такъ, чтобъ не поступать ему больше на мѣсто Отелло, — просто, раскроить ему черепъ.

РОДРИГО.

И тебѣ, конечно, угодно предоставить эту честь мнѣ....

ЯГО.

Тебѣ, тебѣ, Родриго, безъ сомнѣнія, — если только у тебя достанетъ духа на то́, чтобъ соблюсти и свои пользы, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть исполнителемъ правосудія. — Сегодня онъ ужинаетъ у одной пріятельницы, и я отправлюсь къ нему туда-же.— Онъ еще ничего не знаетъ о своемъ почетномъ назначеніи; — если только ты дождешься, пока онъ оттуда выдетъ, — а я такъ улажу дѣла, что это случится непремѣнно между полуночью и часомъ, — то можешь распоряжаться имъ, ка́къ тебѣ угодно. Я буду тутъ-же — неравно, знаешь, придется помочь тебѣ, — и онъ падетъ межъ нами. Пойдемъ! — не дѣлай этихъ гримасъ — чему тутъ удивляться! — Иди-жъ со мною. Я та́къ очевидно докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты самъ увидишь, ка́къ необходимо тебѣ принять въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. — Идемъ. — Пора ужина приближается; ночь спускается быстро; — за дѣло, Родриго!

РОДРИГО.

Но мнѣ-бы хотѣлось, Яго, доводовъ поубѣдительнѣе этихъ.

ЯГО.

О, за этимъ дѣло не станетъ.... *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЛОДОВИКО, ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛІЯ И СВИТА.

ЛОДОВИКО.

Не безпокойтеся, прошу васъ, мой
Синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

О, это ничего; — да мнѣ
И нужно-бы таки пройтись немного.

ЛОДОВИКО.

Прощайте! доброй ночи вамъ, синьйора!
Благодарю за ласковый пріемъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, мы, синьйоръ, всегда вамъ очень-рады.

ОТЕЛЛО.

Вы ужь уходите.... о Десдемона!

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ.....

ОТЕЛЛО.

Ступай себѣ, да и ложись сейчасъ въ постель; я скоро буду; — Эмилію отпусти между-тѣмъ, — ну, не забудь, смотри-же!

ДЕСДЕМОНА.

Я повинуюсь вамъ синьйоръ.

(Отелло, Лодовико и свита уходятъ).

ЭМИЛІЯ.

Ну что́, —
Вотъ видите-ль, теперь ужъ онъ не такъ
Сердито смотритъ.

ДЕСДЕМОНА.

Охъ, еще не знаю....
Онъ только и сказалъ, что́ скоро будетъ,
Да чтобы я ложилася въ постель, —
Ахъ, да — еще тебѣ онъ приказалъ
Меня одну оставить.

ЭМИЛІЯ.

Васъ одну.
Оставить?

ДЕСДЕМОНА.

Да, онъ именно сказалъ.
Подай-же мнѣ скорѣй ночное платье,
Да и прощай Эмилія.—Теперь
Ничѣмъ недолжно раздражать его.

ЭМИЛІЯ.

О, я-бъ хотѣла, чтобы никогда
Вамъ не встрѣчаться лучше....

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, Эмилія,
Я такъ люблю его!.. Повѣришь-ли,
Мнѣ милы, — отколи, мой другъ, вотъ здѣсь
Булавку, — да, мнѣ милы, говорю,
И вспыльчивость его, и этотъ гнѣвъ, —
А съ этимъ грознымъ выраженьемъ
Очей — онъ такъ очарователенъ...

ЭМИЛІЯ.

Какъ приказали вы, я убрала
Постелю брачнымъ пологомъ, синьйора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну хорошо.... О, бѣдный мой отецъ!...
Какъ странно создано у женщинъ сердце....
Послушай, добрая Эмилья, если-бъ
Пришлось мнѣ прежде умереть — пошей
Изъ свадебнаго полога мнѣ саванъ.

ЭМИЛІЯ.

За-чѣмъ, синьйора, къ ночи все такое
Вамъ говорить!

ДЕСДЕМОНА.

У матери моей
Жила одна бѣдняжечка сиротка,
Ее Барбарой звали; — и она
Такъ горячо, несчастная, любила,
А онъ ее покинулъ.... Все тоскуя,
Она всегда поетъ бывало пѣсню
Объ «Ивѣ» [31]) — пѣснь старинная, но въ ней
Такъ вѣрно выражалась грустная
Ея судьбина! — Передъ самой смертью
Она еще пропѣла пѣсню эту....
И вотъ весь вечеръ не идетъ она
Изъ мысли у меня, Эмилья, — все
Мнѣ хочется, склонивши голову
На грудь, запѣть — какъ пѣла бѣдная
Барбара.... Ты, Эмилія, забыла?

ЭМИЛІЯ.

Ночное платье приготовить вамъ?

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, отколоть булавки... Какъ хорошъ, —
Неправда-ли, нашъ Лодовико...

ЭМИЛІЯ.

Да,
Синьйора, замѣчательно-хорошъ!

ДЕСДЕМОНА.

И говоритъ такъ мило....

ЭМИЛІЯ.

Я знавала въ Венеціи одну синьйору, которая рѣшилась-бы босыми ножками сходить въ Палестину, — чтобъ только послѣ хотъ разикъ, поцѣловать его. —

ДЕСДЕМОНА *(поетъ)*.

1.

Склонивши головку, и сердце сдавивши рукой,
Сидѣла, бѣдняжка, вздыхая подъ ивой густой.
Зеленая ива! зеленая ива!
И грустно ей вторилъ гремучею струйкой ручей,
И камни смягчались слезами голубки моей.

Ахъ, поспѣши Эмилья!

Зеленая ива! зеленая ива!

Скорѣе-же — вѣдь онъ сейчасъ придетъ.

Изъ ивы совью я послѣдній свой бѣдный вѣнокъ....

2.

За-чѣмъ-же, о люди, укоръ вашъ, за-чѣмъ вашъ упрекъ
Любезному другу — вѣдь я не корила его...

Нѣтъ, здѣсь не такъ! — Послушай! кажется
Какъ-будто кто стучится....

ЭМИЛІЯ.

Это вѣтеръ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, нѣжно такъ друга я звала — и что-жъ онъ сказалъ?..
Зеленая ива! зеленая ива!

Ну, если и вправду, такъ часто ужъ я измѣнялъ —
За-чѣмъ-же дѣвица, ты любишь меня одного?...

Иди-жъ себѣ, Эмилья, добрый сонъ!
Такъ странно, что́-то у меня въ очахъ
Горитъ... не слезы-ль это предвѣщаетъ?

ЭМИЛІЯ.

Вотъ ужъ и слезы!... — Это ничего
Не предвѣщаетъ.

ДЕСДЕМОНА.

Я та́къ слышала,
Мой другъ... Охъ, люди! люди.... Ну, скажи,
Эмилья, ты таки повѣришь имъ,
Чтобъ женщина могла упасть такъ низко.

ЭМИЛІЯ.

Да.... я-бъ повѣрила, моя синьйора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, если-бы, положимъ, цѣлый міръ
Тебѣ давали, ты-бы согласилась?

ЭМИЛІЯ.

А вы-бъ не захотѣли... цѣлый міръ!

ДЕСДЕМОНА.

О нѣтъ, клянусь небесными огнями!

ЭМИЛІЯ.

А я не поклянусь огнемъ, моя
Синьйора, — потому-что я-бъ на то́
Рѣшилася въ потемкахъ.... не-иначе!

ДЕСДЕМОНА.

Такъ ты-бъ за эту цѣну согласилась?

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, да цѣна-жъ, синьйора, велика!

И вѣдь за что? за маленькую шалость....

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, я не вѣрю.

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, да повѣрьте, право!... Цѣлый міръ! Вѣдь тутъ за одинъ разъ я-бы откупилась уже на всегда отъ искушенія. — Конечно, какія-нибудь мантильи, браслеты, шляпки, блонды.... за все эти пустяки я-бы не рѣшилась; но цѣлый міръ!.. Вѣдь я-бы только немножко измѣнила мужу, — за то маленькіе рога его накрыла-бы послѣ такою большою короною.... Вѣдь за это пришлось-бы помолиться только лишній разъ въ чистилищѣ...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прокляни-жъ меня, если-бъ я согласилась даже и за цѣлый міръ...

ЭМИЛІЯ.

Да и то сказать еще: вѣдь преступленіе — вещь часто условная; міръ только согласился такъ понимать его; — нуте, а когда, за грѣшокъ свой, я-бы стала владычицею міра, разумѣется, я бы владѣла уже и мнѣніемъ его, — и сейчасъ-же-бы положила правиломъ, чтобъ вездѣ считали это добродѣтелью.

ДЕСДЕМОНА.

А я все-таки не хочу вѣрить, чтобъ существовали подобныя женщины.

ЭМИЛІЯ.

Охъ, есть, синьйора, — много есть, да столько —
Что ихъ не помѣстишь и въ этотъ міръ,
Который вамъ угодно предлагать
За эту малость ... только дѣло въ томъ,
Что женъ толкаютъ въ пропасть сами-же
Мужья. — И ежели они свой долгъ
Супружній могутъ часто забывать, —
И наше-жъ доброе другимъ кидаютъ, —
И отнимаютъ къ ревности слѣпой

Всѣ лучшія права у насъ, — и бьютъ
Жену свою, какъ бьютъ свою собаку, —
И нашу собственность, для прихотей
Своихъ, безумно расточаютъ — развѣ
Все это можно вынести спокойно?
И хоть терпѣть умѣемъ, правда, мы,
Да развѣ мстить уже мы не умѣемъ?
Имъ нужно знать и помнить, что у насъ
Есть также мысль и чувство человѣка;
Что, какъ они, и мы имѣемъ очи,
И здравый смыслъ, и знаемъ различить
Добро и зло... За-чѣмъ мѣняютъ насъ
Они? — Изъ жажды наслажденій? — Да!
Что̀ эту жажду, вѣчно-новую,
У нихъ волнуетъ? — Страсти? — Да! опять
Что́ развиваетъ эти страсти? — Слабость,
Несовершенство человѣческой
Природы?.. И еще разъ — да!.. А мы,
Не тѣ же люди?.. Такъ, за чѣмъ у насъ
Они не допускаютъ этой жажды,
И слабостей, и человѣческихъ
Страстей?.. Такъ пусть-же, сильные, они
Намъ и закономъ будутъ!.. Пусть
Добро и истину творятъ — тогда и намъ
Ужъ нѣгдѣ будетъ лжи и злу учиться...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, доброй ночи! доброй ночи!.. Нѣтъ,
Эмилія, я думаю не такъ.... скорѣй
Молиться буду, чтобъ святое небо
Наставило меня не злу изъ зла
Учиться, — а, взирая на него,
Еще сильнѣй и чище полюбить добро.

=

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

ЯГО.

Ну, спрячься-жъ за угломъ вотъ здѣсь, и жди —
Онъ скоро будетъ. — Лучше, обнажи
Свой мечъ заблаговременно, и въ грудь,
Безъ церемоніи — оно вѣрнѣе!
А главное — будь совершенно-твердъ
И хладнокровенъ... Ну, чего тебѣ
Бояться? — вѣдь и я-же буду тутъ.
И то́ еще подумай, что теперь
Отъ мастерства удара твоего
Зависитъ наше все: такъ ты еще
Сообрази и взвѣсь свою рѣшимость...
Да ужъ потомъ и съ Богомъ, милый мой!

РОДРИГО.

Ну, ладно, ладно, — только не ходи
И ты, смотри, далеко; — можетъ быть,
Ударъ мой будетъ не совсѣмъ-то ловокъ.

ЯГО.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Я буду здѣсь-же, — не робѣй!
Родриго!.. Ну, пора — долой свой мечъ!
(Отходитъ нѣсколько въ-сторону).

РОДРИГО.

Признаться-то меня неслишкомъ тянетъ
Къ убійству этому, — но онъ представилъ
Такіе доводы!.. Да впрочемъ, вѣдь
Одинъ!.. однимъ на свѣтѣ меньше... вздоръ!
Ну, вылѣзай-же мечъ... Судьба
Такая видно ужъ ему... *(Уходитъ на свое мѣсто).*

ЯГО.

Я наконецъ дощупался таки
До сердца у него,
Мальчишки вздорнаго — и вотъ онъ вспыхнулъ!
Теперь пусть онъ заколетъ Кассіо,
Иль Кассіо его, въ потемкахъ
Обои переколются — все-жъ я
Останусь въ чистыхъ барышахъ; — а то
Пришлось-бы плохо... Вѣдь останься живъ
Родриго — онъ какъ-разъ потребуетъ
Назадъ и золото свое и камни,
Что́ пе́ребралъ для Десдемоны я, —
А такъ не должно — да, не должно быть!
Съ другой-же стороны и Кассіо,
Оставшися живымъ, своей
Безукоризненной, прямой жизнью
День-за-день ярче будетъ оттѣнять
Мой нѣсколько свободный образъ мыслей...
Одно... Другое то́, что Мавръ, того
И жди, раскроетъ передъ нимъ мои
Навѣты, — ну, а тутъ ужъ вовсе плохо...
Нѣтъ... гибель и тебѣ!. Но чу! идутъ...
А, это онъ! *(Входитъ Кассіо).*

РОДРИГО.

Я узнаю его

Походку. Это онъ... (*Бросается на Кассіо и наноситъ ему ударъ*).
Злодѣй, умри!

КАССІО.

Да, этакой ударъ, пріятель, хоть
Кого-бъ на мѣстѣ положилъ, — но уменя
Вотъ видишь-ли, желѣзная сорочка...
А ну, попробуемъ твоей. (*Обнажаетъ мечъ и ранитъ Родриго*).

РОДРИГО.

О, я
Убитъ!

(*Падаетъ. Яго подбѣгаетъ сзади, ранитъ Кассіо подъ колѣно и исчезаетъ*).

КАССІО.

Я изувѣченъ! Помогите!
Разбой! убійство! (*Падаетъ*).

ОТЕЛЛО (*въ отдаленіи*).

Это голосъ Кассьо!
Ну, Яго честно держитъ слово...

РОДРИГО.

О
Безумецъ я!

ОТЕЛЛО.

А!.. это искренно,
По-крайней-мѣрѣ...

КАССІО.

Помогите, Боже!
Огня! хирурга!

ОТЕЛЛО.

Онъ!.. да, это онъ...
О, честный Яго мой, ты правосуденъ,
Съ такимъ участьемъ пылкимъ поспѣшивъ

На зовъ кровавый оскорбленной дружбы!
Ты освѣтилъ и мнѣ сознанье долга...
Да, нѣжный другъ твой палъ на прахъ уже,
Развратница!.. не встанетъ онъ!.. И вотъ
Идетъ уже незримо и твоя
Судьба!.. И я, — презрѣнная, — иду
И я... Твой взглядъ, улыбка, вся твоя
Краса ушла изъ сердца моего
Безслѣдно, — и теперь пусть кровь твоя
Нечистая бѣжитъ по твоему
Развратомъ опозоренному ложу...

(Уходитъ.—Вдали показываются Лодовико и Граціано).

КАССІО.

О Боже мой!.. ни стражи, ни прохожихъ...
Разбой! разбой!

ГРАЦІОНО.

Тутъ вѣрно что-нибудь
Недоброе случилось; это — вопль
Какого-то отчаянья.

КАССІО.

О Боже!
О, помогите!

ЛОДОВИКО.

Слышишь?

РОДРИГО.

О, злодѣй
Презрѣнный ты!

ЛОДОВИКО.

Да ихъ тутъ не одинъ...
Ночь такъ мрачна... Быть-можетъ, этотъ вопль
Насъ только манитъ на кинжалъ бандита.
Мнѣ кажется, что броситься туда
Безъ стражи не совсѣмъ благоразумно...

РОДРИГО.

И ни души!.. И суждено мнѣ здѣсь
Залиться кровью. (*Входитъ Яго съ факеломъ*).

ЛОДОВИКО.

Слышалъ?

ГРАЦІАНО.

Вотъ идетъ
Полуодѣтый кто-то, съ факеломъ,
Вооруженный.

ЯГО.

Кто здѣсь?.. Кто кричалъ
О помощи?

ЛОДОВИКО.

Не знаемъ.

ЯГО.

Развѣ вы
Не слышали здѣсь криковъ?

КАССІО.

О, сюда!
Сюда! во имя Бога, помогите!

ЯГО.

Что́ тутъ случилось?

ГРАЦІАНО.

Да это онъ,
Какъ кажется, — знаменоносецъ Мавра.

ЛОДОВИКО.

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ; — храбрый человѣкъ!

ЯГО.

Да кто-жъ здѣсь это такъ печально стонетъ?

КАССІО.

Ахъ, Яго! — я погибъ, зарѣзанъ низко...
О помогите мнѣ...

ЯГО.

Ахъ, это лейтенантъ!
Да гдѣ-жъ убійцы ваши?

КАССІО.

Вотъ одинъ
Лежитъ здѣсь недалеко; — кажется,
Что онъ бѣжать уже не можетъ...

ЯГО.

Ахъ,
Злодѣй презрѣнный! Кто тамъ? Господа
Да помогите-жъ, помогите! —

РОДРИГО.

О,
Спасите! Кто-нибудь сюда!

КАССІО.

Вотъ онъ!

ЯГО.

А, подлый низкій рабъ!.. *(Колетъ Родриго).*

РОДРИГО.

Проклятый Яго!
Безчеловѣчная собака ты...
О! О!

ЯГО.

А, рѣзать по ночамъ людей!
Гдѣ-жъ вы, злодѣи, жадные чужой
Крови? И какъ нарочно никого, —
Какъ-будто городъ вымеръ весь! — Разбой!
Разбой! *(Къ Лодовико и Граціано.)*

Да кто-же вы? Друзья или
Враги?

ЛОДОВИКО.

Какъ будемъ поступать мы, такъ
И заключай о насъ...

ЯГО.

Да это вы,
Синьйоръ Лодовико!...

ЛОДОВИКО.

Онъ самый, Яго!

ЯГО.

Ахъ! извините-же меня! — Здѣсь Кассіо
Лежитъ, измѣннически раненъ.

ГРАЦІАНО.

Кассьо?

ЯГО.

Ну, какъ вы, лейтенантъ, находите
Себя?

КАССІО.

Охъ, кажется, нога моя
Разбита на-двое!...

ЯГО.

Богъ милостивъ!...
Ну, поддержите-ка, синьйоры, факелъ, —
А я, межъ-тѣмъ, перевяжу ему
Колѣно хоть кускомъ своей сорочки. (*Входитъ Бьянка.*)

БЬЯНКА.

Что здѣсь такое? кто кричалъ?

ЯГО.

Кто здѣсь

Крпчалъ?

БЬЯНКА.

О милый Кассіо! о другъ
Моего сердца! Кассьо! Кассьо! Кассьо!

ЯГО.

Туда-же и она!... Вы никого,
Синьйоръ, не можете подозрѣвать
Въ злодѣйствѣ этомъ.

КАССІО.

Ровно никого.

ГРАЦІАНО.

Ахъ, какъ мнѣ непріятно встрѣтить васъ
Подобнымъ образомъ — я васъ вездѣ
Искалъ.

ЯГО.

Да нѣтъ-ли здѣсь чего-нибудь
У васъ, чтобы еще перевязать ему
Колѣно? (*Перевязываетъ*) Ну, вотъ этакъ! хорошо...
Теперь когда-бъ носилки — чтобъ его
Перенести тихонько.

БЬЯНКА.

Бѣдный другъ!
Безъ чувствъ! о Кассіо! о Кассьо! Кассьо!

ЯГО.

Да не участница-ль, синьйоры, и она
Въ убійствѣ этомъ? — Что-то я ее
Подозрѣваю крѣпко... Ну, скрѣпитесь,
Мой добрый Кассіо, — пойдемъ... а вы
Ужъ потрудитесь посвѣтить дорогу. (*Подходя къ Родриго.*)
А что, пріятель, не бывали мы
Съ тобой знакомы?... Боже мой!... Родриго!

Мой другъ! мой бѣдный, добрый мой землякъ!
О, нѣтъ!... Да! это ты, Родриго! Боже!...

ГРАЦІАНО.

Какой Родриго? изъ Венеціи?

ЯГО.

Да, синьйоръ...
Его вы знали?...

ГРАЦІАНО.

Какъ не знать! и очень...

ЯГО.

Синьйоръ Грацьано! Ахъ, простите мнѣ! —
Кровавый случай этотъ... я не могъ
Узнать васъ.... говорилъ такъ неприлично...

ГРАЦІАНО.

Ну, ну, — я радъ, напротивъ, что тебя
Увидѣлъ....

ЯГО.

Каково вамъ, Кассьо? — Эй!
Носилки! дайте-жъ кто-нибудь носилки!

ГРАЦІАНО.

Родриго! (*Приносятъ носилки.*)

ЯГО.

Опъ! да, это онъ! Ахъ, вотъ
Носилки... хорошо. — Ну, кто-нибудь
Возьмите, люди добрые, его
Да отнесите потихоньку.... Я,
Межъ тѣмъ, схожу къ хирургу генерала. (*Бѣжитъ.*)
А ты, голубушка, не хлопочи,
Не убивайся по-напрасну!... (*Кассіо*) Тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитый, Кассіо,

Былъ искренній мой другъ, — скажите, что́
У васъ за ссора?

КАССІО.

Боже! никакой
У насъ съ нимъ ссоры не было; его
Не знаю даже я.

ЯГО (*Бьянкѣ*).

А, ты блѣднѣешь! (*Носильщикамъ.*)
Но нечего стоять — ему не хорошо
Здѣсь... ночью сыро такъ... (*Кассіо и Родриго уносятъ.*)
А вы, синьйоры,
Останьтесь на минутку... Что́, моя
Красавица, — вы поблѣднѣли, кажется?...
Замѣтьте странность выраженья
Очей ея; о, если ужъ теперь
Шальной ты смотришь, — скоро́ отъ тебя
Узнаемъ больше мы; вглядитесь-ка
Въ лицо ей хорошенько... что́?
Вотъ видите-ль, синьйоры!... да, оно
Ужъ такъ устроено, что хоть языкъ
Отрѣжь, такъ совѣсть все-таки свое
Заговоритъ у насъ... (*Входитъ Эмилія.*)

ЭМИЛІЯ.

Что́ здѣсь за шумъ?
Что́, Яго, здѣсь случилось?

ЯГО.

Да вотъ,
На Кассіо напали въ темнотѣ
Родриго, да еще какіе-то
Пріятели его; — и бѣдный Кассіо
Почти при смерти, а Родриго мертвъ.

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, добрый лейтенантъ нашъ! добрый Кассьо!..

ЯГО.

Вотъ то-то-бы не шляться по ночамъ

Чортъ знаетъ, гдѣ!.. Послушай-ка, жена,
Какъ-бы узнала ты, гдѣ ужиналъ
Сегодня бѣдный Кассіо.... (*Бьянкѣ*). А что,
Васъ это, кажется, тревожитъ?

БЬЯНКА.

Онъ ужиналъ со мною, но меня
Ни мало не тревожитъ это...

ЯГО.

А!
Съ тобой!... Признался!... Ступай-же съ нами —
Повелѣваю именемъ закона!

ЭМИЛІЯ.

О пусть-же на тебя падетъ позоръ,
Презрѣнная!

БЬЯНКА.

Я не презрѣнная!
Ты не кори меня.... мы, можетъ-быть,
Еще и почестнѣй кого-нибудь....

ЭМИЛІЯ.

Ну, а кого-бы это, на-примѣръ?
Пошла, безстыдница!

ЯГО.

Угодно-ли
Взглянуть теперь на Кассіо, синьйоры?
Его на-вѣрно ужъ перевязали. (*Бьянкѣ*).
Пойдемъ, синьйора, — запоешь ты мнѣ
Другую пѣсенку; а ты, жена,
Проворнѣй сбѣгай въ крѣпость, разскажи
Отелло тамъ и Дездемонѣ все,
Что здѣсь случилось... Не угодно-ли
Идти и вамъ, синьйоры?... (*Въ-сторону*).
Эта ночь
Или создастъ меня, иль уничтожитъ.

СЦЕНА II.

Спальня.

ДЕСДЕМОНА *спитъ на постели; горитъ лампа.*

Входитъ ОТЕЛЛО.

ОТЕЛЛО.

.... [32]) И вотъ причина, о душа моя!
И вотъ она причина!... Я не смѣю,
О звѣзды чистыя! назвать ее
Предъ вашими очами... Вотъ причина!...
Но все-же я ни капли не пролью
Крови твоей, и тѣла нѣжнаго
Тебѣ не разорву я, Десдемона....
Бѣла, какъ снѣгъ, чиста, какъ мраморъ надъ могилой!..
(*Снимаетъ съ себя мечъ*).
А умереть должна!... должна!.. Живой
Останешься — еще кого-нибудь
Обманешь...
Потушу лампаду эту,
Потомъ твою лампаду потушу....
И я зажгу тебя, нашъ свѣтлый сторожъ,
Опять зажгу, когда мнѣ станетъ жаль
Тебя; — но, если потушу я твой
Огонь, — ты, дивная, вѣнчанная
Такою гордой, чистой красотою, —
Ты, торжество земнаго бытія,
Гдѣ-жъ тотъ огонь и гдѣ тотъ Прометей,
Чтобъ вновь могли зажечь его въ груди
Твоей?... Когда сорву я розу — я
Не дамъ ей жизни новой, — и она
Завянетъ, бѣдная.. . Ахъ, напои-жъ
Меня еще твоимъ дыханьемъ, роза —
Пока на стеблѣ ты, о мой цвѣтокъ! (*Цѣлуетъ ее*).
О, дивное очарованье красоты!
Передъ тобой и правда самаго

Закона переломитъ мечъ!... Еще....

(Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ).

Еще одинъ.... Будь ты и мертвая
Такою-жъ, какъ теперь — и я убью
Тебя — и мертвую я полюблю
Опять тебя!... Еще одинъ.... послѣдній!
Когда-жъ ты былъ такъ упоителенъ,
Ты, роковой!... Ахъ, нужно вырваться
Тебѣ, рыданье изъ души моей...,
Ты, горькое рыданье!... Да, мой гнѣвъ,
Какъ гнѣвъ небесъ караетъ то́, что́ любитъ....
А.... просыпается....

ДЕСДЕМОНА.

Кто здѣсь? Отелло?..

ОТЕЛЛО.

Я, Десдемона... я!

ДЕСДЕМОНА.

Вы ляжете,
Синьйоръ, въ постель?

ОТЕЛЛО.

Молилась-ли ты Богу
Сегодня, Десдемона?

ДЕСДЕМОНА.

Да, синьйоръ, —
Молилася.

ОТЕЛЛО.

Припомни; — можетъ-быть,
Еще есть грѣхъ на сердцѣ у тебя,
И Небу ты не исповѣдала
Его, — такъ, помолись о немъ теперь,
Еще разъ помолися, Десдемона...

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ, что́ вы сказали?....

ОТЕЛЛО.

Я сказалъ:
Молись!... не долго только ты молися..
Я тутъ-же похожу. Я не хочу
Убить безъ покаянья грѣшную
Тебя.... О Боже, сохрани! — души
Твоей я не хочу убить.

ДЕСДЕМОНА.

Убить,
Сказали вы? убить?..

ОТЕЛЛО.

Да, я сказалъ.

ДЕСДЕМОНА.

О Господи, помилуй мя!

ОТЕЛЛО.

Аминь!
Отъ всей души моей аминь!

ДЕСДЕМОНА.

О нѣтъ!
Ты слово мира, слово благости
Изрекъ.... ты не убьешь меня!

ОТЕЛЛО.

Гмъ!

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ, дрожу я.... я тебя
Боюсь, Отелло! — ты неумолимъ,
Ты страшенъ, ежели въ очахъ твоихъ
Сверкаетъ это пламя роковое!...
И я не вѣдаю, чего боюсь....
Душа моя чиста... но страшно мнѣ,
Такъ страшно...

ОТЕЛЛО.

Думай о грѣхахъ своихъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, всѣ грѣхи мои изъ пламенной
Любви къ тебѣ, Отелло!...

ОТЕЛЛО.

За любовь
Я, Десдемона, и убью тебя!

ДЕСДЕМОНА.

О нѣтъ, Отелло, здѣсь не будетъ правды....
Любовь не убиваетъ за любовь!
Отелло! губы у тебя въ крови —
За-чѣмъ ты ихъ кусаешь?... Ты дрожишь
Томимъ какой-то думою кровавой!...
О, это знаменья ужасныя!
Но, я надѣюсь, я молюся.... Боже! —
Да идетъ чаша эта мимо насъ....

ОТЕЛЛО.

Молчи! молчи! ..

ДЕСДЕМОНА.

Молчу, синьйоръ... Что́-жъ вы
Мнѣ скажете?

ОТЕЛЛО.

Любимый мой платокъ,
Мой первый даръ тебѣ, ты отдала
Вѣдь Кассіо?

ДЕСДЕМОНА.

О, нѣтъ! клянусь
Моей душою, жизнью... Призови
Его, спроси, изобличи меня.

ОТЕЛЛО.

О, не клянись, не проклинай
Души своей, о милая душа
Моя!... Вѣдь это смертная твоя
Постель... вѣдь ты умрешь...

ДЕСДЕМОНА.

Да, я
Умру... но не теперь-же я умру,
Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, теперь-же Дездемона!...
Очистп-жъ покаяньемъ грѣхъ души
Своей... Теперь меня не разувѣришь,
Хоть клятвою одѣнешь каждый звукъ
Рѣчей твоихъ .. теперь ты не задавишь
Тѣхъ убѣжденій на сердцѣ моемъ,
Что́ сердце давятъ мнѣ такой тоскою...
Да, ты умрешь!

ДЕСДЕМОНА.

О, Господи помилуй
Несчастную меня!

ОТЕЛЛО.

Аминь!

ДЕСДЕМОНА.

И вы,
Синьйоръ, помилуйте меня... Я васъ
Ничѣмъ и никогда не оскорбила;
Я Кассіо любила той любовью,
Которой заповѣдь Христосъ намъ далъ —
Я такъ любила цѣлый міръ... но чтобъ
Дарить!... о, нѣтъ, ничѣмъ и никогда
Его я не дарила.

ОТЕЛЛО.

Но клянусь —
Я видѣлъ свой платокъ въ рукахъ его.
Клятвопреступница! за-чѣмъ-же ты
Мнѣ это сердце превращаешь въ камень!
Я въ жертву принести хотѣлъ тебя,
Во искупленіе грѣховъ твоихъ, — а ты

Меня заставишь совершить убійство...
Платокъ я видѣлъ самъ.

ДЕСДЕМОНА.

Быть-можетъ, онъ
Нашелъ, — но я ему не отдавала.
Пошли за нимъ, пусть самъ онъ уличитъ
Меня.

ОТЕЛЛО.

Да онъ уже признался.

ДЕСДЕМОНА.

Въ чемъ,
Синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

Что обладалъ тобою...

ДЕСДЕМОНА.

Онъ?
Какъ! вы сказали...

ОТЕЛЛО.

Да!

ДЕСДЕМОНА.

О, этого
Не скажетъ онъ, синьйоръ...

ОТЕЛЛО.

Теперь не скажетъ...
Но только потому, что ничего
Ужъ болѣе не скажетъ онъ... Уста
Его на-вѣки запечаталъ Яго.

ДЕСДЕМОНА.

О, вы сбылись, предчувствія мои...
Онъ мертвъ, сказали вы!

ОТЕЛЛО.

Да если-бъ онъ
Имѣлъ хоть столько жизней, сколько было
Волосъ на головѣ его — такъ всѣ
Они не напоили-бы моей
Кровавой жажды мести.

ДЕСДЕМОНА.

Горе мнѣ!
Его сгубила клевета — и я теперь
Погибла...

ОТЕЛЛО.

Десдемона! и въ лицо
Ты мнѣ кидаешь вопль презрѣнный свой!...

ДЕСДЕМОНА.

О, изгони-же, лучше изгони
Меня, — но, мой супругъ! не убивай
Меня, Отелло!

ОТЕЛЛО.

На колѣни,
Развратная!

ДЕСДЕМОНА.

Убей-же по-утру...
Оставь мнѣ эту ночь, хоть эту ночь
Одну...

ОТЕЛЛО.

На что́ она тебѣ? — вѣдь нѣтъ
Раскаянья...

ДЕСДЕМОНА.

Хоть полчаса!...

ОТЕЛЛО.

Свершилось!

Мгновенья сочтены...

ДЕСДЕМОНА.

Молитву мнѣ...
Одну молитву только...

ОТЕЛЛО.

Поздно! поздно!... (*Душитъ ее.*)

ЭМИЛІЯ (*за дверью*).

Синьйоръ! синьйоръ! что́ тамъ! Синьйоръ!
Синьйоръ!

ОТЕЛЛО.

Чей это голосъ? — что́ за шумъ?
Жива? — Еще жива?... Хоть я жестокъ,
Но не палачъ я... Не хочу я длить
Твоей истомы смертной... нѣтъ! о нѣтъ! 33)
(*Душитъ опять ее.*)

ЭМИЛІЯ (*за дверью*).

Синьйоръ! синьйоръ!

ОТЕЛЛО.

Кто тамъ?

ЭМИЛІЯ.

О мой синьйоръ,
Одно-бы только слово вамъ сказать!

ОТЕЛЛО.

А, да! — Эмилія! — Сейчасъ! — Она
Мертва уже... а ты, конечно, скажешь,
Что мертвъ и Кассіо... Я думаю...
Не даромъ шумъ былъ. — Что́, уже недвижна?
Спокойна... какъ могила! — Отворить-ли
Ей? Да хорошо-ли будетъ это?
Мнѣ все-еще сдается, что она
Какъ-будто шевелится... Нѣтъ!... Что́-жъ лучше?

Вѣдь чуть взойдетъ она — навѣрно ужъ
Заговоритъ съ женой. — Моя жена!
Жена моя!... Какая-же жена?...
Гдѣ-жъ у меня жена?... Невыносимо!...
О горестный и трудный часъ!... Теперь,
Мнѣ кажется, потухнетъ солнце и
Луна потухнетъ... и земля, дрожа,
Разступится...

ЭМИЛІЯ (*за дверью*).

О, умоляю васъ,
Синьйоръ!... Мнѣ нужно съ вами говорить...

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ!... войди, войди, Эмилья, —
Постой, — сейчасъ — задерну занавѣсъ, —
Гдѣ ты? Чего ты хочешь отъ меня?

(*Отворяетъ дверь. Эмилія входитъ.*)

ЭМИЛІЯ.

О, мой синьйоръ! тамъ въ городѣ сейчасъ
Совершено ужасное убійство...

ОТЕЛЛО.

Теперь? сейчасъ?

ЭМИЛІЯ.

Вотъ только-что, синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

Вліяніе луны!... Она, должно
Быть, слишкомъ-низко ужъ спустилася
Къ землѣ — и вотъ тревогой темною
Смущаетъ бѣдный помыслъ человѣка...

ЭМИЛІЯ.

Нашъ Кассіо сейчасъ, синьйоръ, убилъ
Родриго, юнаго Венеціянца.

ОТЕЛЛО.

Убитъ Родриго!... Ну, и Кассіо
Убитъ?

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ, Кассьо не убитъ, синьйоръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ Кассьо не убитъ?... Что́-жъ, вѣрно, онъ
Ошибся?... Да?... О сладость мщенія!
Опять расходишься на сердцѣ ты
Такою горечью...

ДЕСДЕМОНА.

Убитая
Несправедливо... о, несправедливо...

ЭМИЛІЯ.

О Боже мой! что́ значатъ эти стоны?

ОТЕЛЛО.

Что́ значатъ?... эти стоны?

ЭМИЛІЯ.

Боже мой!
Да это голосъ госпожи моей!...
На помощь! помогите!... помогите!
О говорите-же еще, синьйора!
О Десдемона! о моя синьйора!
Да говори-же... говори!...

ДЕСДЕМОНА.

О, я
Невинно умираю...

ЭМИЛІЯ.

Кто-же твой
Убійца, милая моя синьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Никто... сама... прощай Эмилія!
Скажи супругу милому, что я
Невинна... о прощай!.. (*Умираетъ*).

ОТЕЛЛО.

Но кто и какъ-же могъ убить ее?

ЭМИЛІЯ.

Увы! кто знаетъ..

ОТЕЛЛО.

Ты вѣдь слышала —
Она сама сказала, что не я.

ЭМИЛІЯ.

Сказала... да!.. и я должна ей вѣрить...

ОТЕЛЛО.

Не вѣрь! — Она, обманщица, солгала ..
И на дорогѣ въ адъ еще-таки
Солгала!.. Я убилъ ее!

ЭМИЛІЯ.

О, такъ
Она свѣтлѣе ангеловъ, а ты —
Ужасный демонъ!

ОТЕЛЛО.

Ангеловъ свѣтлѣй!..
Она, такъ низко павшая!.. Она,
Развратная!...

ЭМИЛІЯ.

Ты демонъ — какъ тебѣ
Не клеветать ее!

ОТЕЛЛО.

Она была

Измѣнчива, коварна, какъ волна. .

ЭМИЛІЯ.

А ты, какъ пламя бѣшенъ, называя
Развратною ее. . О, ангельски
Чиста она была...

ОТЕЛЛО.

Она была
Въ преступныхъ связяхъ съ Кассіо... Спроси
У мужа!
О, я заслужилъ-бы все
Проклятье ада, если-бы убилъ
Ее безъ очевидныхъ доказательствъ...
Твой мужъ все это зналъ.

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?

ОТЕЛЛО.

Твой мужъ.

ЭМИЛІЯ.

Что преступила долгъ она супруги?

ОТЕЛЛО.

Да, съ Кассіо! — О, если-бы она
Вѣрна была — пусть Богъ-бы создалъ мнѣ
Другой подобный міръ изъ цѣлаго
И чистаго брилльянта — я-бъ ее
Не отдалъ и за этотъ міръ!

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?..

ОТЕЛЛО.

Да, онъ сказалъ объ этомъ первый мнѣ.
Онъ честенъ — и ему такъ тяжело

Глядѣть на этотъ гной нечистыхъ язвъ
Людскихъ...

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ!..

ОТЕЛЛО.

За чѣмъ нужны они,
Всѣ эти восклицанія твои?...
Я разъ сказалъ — твой мужъ!

ЭМИЛІЯ.

О Дездемона!
Коварство посмѣялось надъ твоей
Любовью чистою... Такъ это мужъ
Сказалъ вамъ, что она невѣрна.

ОТЕЛЛО.

Да!
Твой мужъ!.. вѣдь я сказалъ. — Ты, женщина,
Не понимаешь?.. Ну, мой другъ, твой мужъ,
Прямой и честный Яго.

ЭМИЛІЯ.

Если онъ
Сказалъ — такъ пусть погибшая душа
Его въ томленьи медленномъ сгніетъ,
Истомится въ небытіе... Солгалъ
Онъ передъ совѣстью своей! Она,
Напротивъ, слишкомъ дорожила ужъ
Своей безчастной, недостойной долей!..

ОТЕЛЛО.

А!..

ЭМИЛІЯ.

Иди теперь, иди все вдаль своей
Дорогой... твой поступокъ столько-же
Достоинъ неба, какъ и ты ее
Достоинъ былъ.

ОТЕЛЛО.

Молчи! о замолчи!..

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ силы у тебя на столько зла,
Чтобъ я не вынесла теперь его
Спокойно... О безумецъ ты, безумецъ!
Какъ грязь безсмысленный!.. ты совершилъ...
(*Отелло угрожаетъ ей*).
Я не боюсь угрозъ твоихъ, твой мечъ
Не страшенъ мнѣ... И всѣмъ я разскажу,
Хоть-бы мнѣ двадцать жизней потерять!..
На помощь! помогите! помогите!
Здѣсь Мавръ жену зарѣзалъ!.. О убійство!
Убійство! (*Входятъ Монтано, Граціано и Яго*).

МОНТАНО.

Что́ у васъ случилось тутъ,
Мой генералъ?

ЭМИЛІЯ.

А, вотъ и ты здѣсь, Яго!
Ну, видно хороши твои дѣла,
Когда убійство вотъ хотятъ взвалить
Тебѣ на шею.

ГРАЦІАНО.

Въ чемъ-же дѣло?

ЭМИЛІЯ.

Ну,
Изобличи-жъ злодѣя этого,
Когда ты человѣкъ! — Онъ говоритъ,
Что ты его увѣрилъ — будто-бы
Жена ему невѣрна; но, я знаю —
Ты этого не скажешь... ты не можешь
Сказать подобнаго... О, говори-жъ,
Душа моя полна ..

ЯГО.

Я говорилъ
Ему, что̀ думалъ самъ, — и говорилъ
Лишь то̀, что́ онъ и самъ считалъ
Весьма возможнымъ и вѣроподобнымъ...

ЭМИЛІЯ.

Ты, стало-быть, не отпираешься?..
Ты, значитъ, говорилъ, что невѣрна
Она?..

ЯГО.

Ну, говорилъ.

ЭМИЛІЯ.

Ты ложь сказалъ
Ужаспую, — проклятую ты ложь
Сказалъ!.. Клянусь моей душою — ложь!
Такую отвратительную ложь!..
И съ Кассіо! — Вѣдь ты сказалъ, что съ Кассьо...

ЯГО.

Да, съ Кассіо, — жена; — а впрочемъ-бы
Поудержать тебѣ свою трещотку...

ЭМИЛІЯ.

О нѣтъ! мнѣ нужно говорить теперь...
Вѣдь здѣсь, на этомъ ложѣ — мертвая
Лежитъ она... голубка милая!..

ВСѢ.

О, да спасетъ насъ небо!..

ЭМИЛІЯ.

Не твои-ль
Навѣты создали убійство это?..

ОТЕЛЛО.

Къ чему, синьйоры, ужасъ, изумленье!..

Что́-жъ, это правда...

ГРАЦІОНО.

Страшная-жъ ты правда!

МОНТАНО.

Чудовищный поступокъ!

ЭМИЛІЯ.

О злодѣйство!
Обманъ! коварство!.. Я припоминаю...
Я думаю... подозрѣваю... да!
О низкое злодѣйство!.. Думаю,
Что такъ... О, я съ отчаянья убью
Себя... Коварство, гнусное коварство!

ЯГО.

Не одурѣла-ль ты!.. Сайчасъ-же мнѣ
Домой... ты слышишь!

ЭМИЛІЯ.

Добрые синьйоры
Позвольте говорить мнѣ, — я теперь
Повиноваться не могу ему. — Да, Яго,
Быть можетъ, не пойду ужъ никогда
Домой я больше...

ОТЕЛЛО (*склоняясь надъ тѣломъ Десдемоны*).

О! о! о!

ЭМИЛІЯ.

Да, Мавръ!
Склонись на этотъ трупъ — тоскуй, рыдай...
Ты задушилъ чистнѣйшую изъ женъ,
Какую только видѣлъ міръ...

ОТЕЛЛО (*поднимаясь*).

О нѣтъ!
Она преступница была... (*Къ Граціано*) Я васъ

И не узналъ, мой дядюшка! — Вотъ здѣсь —
Старикъ, лежитъ племянница твоя...
И эти руки задушили жизнь
У ней... Я знаю — что поступокъ мой
Покажется ужаснымъ вамъ, ужаснымъ...

ГРАЦІАНО.

О бѣдное дитя мое!... Я радъ,
Что твой отецъ лежитъ уже въ могилѣ....
Судьба твоя его убила! — Все,
Тоскуя тайно по тебѣ, старикъ
И умеръ.... да, во благо умеръ онъ!
А если-бъ былъ онъ живъ.... и здѣсь тебя
Увидѣлъ?... О, тогда — отчаянье
Его-бы обезумило; — тогда-бъ
Отрекся онъ отъ помощи небесной....
Тогда бы душу погубилъ свою,
Несчастный онъ....

ОТЕЛЛО.

Да, горькой жалостью
Проникнется здѣсь сердце человѣка....
Но Яго зналъ, что тысячу ужъ разъ
Она преступно принимала Кассіо....
Быть-можетъ, даже здѣсь.... Самъ Кассіо
Признался въ этомъ, — и, въ залогъ любви,
Она ему дала подарокъ первый
Моей любви, — въ его рукахъ я самъ
Его однажды видѣлъ; — это былъ
Платокъ, старинный даръ отца моей
Матери покойной.

ЭМИЛІЯ.

О Небеса!
О силы Неба!

ЯГО.

Ты опять!... Молчи!

ЭМИЛІЯ.

О, это будетъ ясно! — это все

Откроется.... И мнѣ молчать, синьйоръ!
О нѣтъ!... Я буду смѣло говорить —
Какъ вѣтеръ ходитъ смѣло!... Пусть гремятъ
Противъ меня и небеса, и люди,
Пусть воютъ силы ада — и тогда —
Я буду говорить.

ЯГО.

Ну, будь умна....
Иди, жена, домой!

ЭМИЛІЯ.

Нѣтъ не идти
Домой мнѣ, Яго...

(*Яго хочетъ броситься на нее съ мечомъ*).

ГРАЦІАНО.

Фи! на женщину
Напасть съ мечемъ!

ЭМИЛІЯ.

Безумный Мавръ! платокъ
Твой я нашла случайно, — слышишь? — я!..
Его и отдала я мужу своему.
Охъ, я тогда не знала, для чего,
Съ такой настойчивостью странной онъ
Просилъ меня достать бездѣлку эту...

ЯГО.

А, тварь поганая!

ЭМИЛІЯ.

Она его
Дарила Кассіо!.... Нѣтъ, — я нашла
Платокъ и мужу своему вручила....
Я — бѣдная — не знала, что́....

ЯГО.

Ты лжешь,
Несчастная!

ЭМИЛІЯ.

Кляпуся Небомъ — нѣтъ!
Нѣтъ, я не лгу, спиньйоры. — (*Къ Отелло*). Да и какъ
Безумцу кровожадному, какъ ты,
Было иначе кончить съ доброю,
Такою доброю женой!..

(*Яго ранетъ Эмилію и убѣгаетъ*).

ОТЕЛЛО.

Громовъ
И камней!... Что-жъ, вы только по небу
Гремите, — божьи кары!... О злодѣй
Проклятый!

ГРАЦІАНО.

Бѣдная — она
Упала, — вѣрно, онъ убилъ ее.

ЭМИЛІЯ.

Убилъ! убилъ!.. О, положите-же
Меня туда, подлѣ нея...

ГРАЦІАНО.

И вотъ
Онъ убѣжалъ, — а бѣдная жена
Его убита.

МОНТАНО.

Замѣчательный
Мерзавецъ! — Подержите этотъ мечъ,
Отнятый мной у Мавра, — да глядите
Не выпускать его за дверь, — скорѣй
Убейте — если станетъ рваться онъ.
А я пущусь за этимъ сатаною, —
Онъ стоитъ этого, проклятый рабъ.

(*Монтано и Граціано уходятъ*).

ОТЕЛЛО.

Меня покинула моя отвага....

И мечъ мой дѣти отняли.... За-чѣмъ
Мнѣ знаки чести, если чести нѣтъ? —
Пусть все идетъ....

ЭМИЛІЯ.

И вотъ
Она, твоя пророческая пѣснь,
О милая синьйора!... Слушай-же....
Ты можешь-ли еще меня услышать?...
Какъ лебедь, грустно я прощуся съ жизнью
Унылой пѣснью: «Ива! ива! ива!»
О Мавръ! она была чиста... она
Тебя любила, такъ любила, Мавръ! ...
Пусть вѣрно будетъ такъ души моей
Спасенье, какъ слова мои.... И мысль
Послѣднюю свою отдавъ тебѣ,
Я умираю... умираю.... (*Умираетъ*).

ОТЕЛЛО.

Здѣсь
Есть у меня другой, испанскій мечъ,
Холодною волною закаленный. — [34])
О, здѣсь, со мною ты! — Мнѣ нужно выйдти...
Пустите, дядюшка!

ГРАЦІАНО (*извнѣ*).

Не покушайся!
Иначе, дорого заплатишь ты. — Съ тобой
Вѣдь нѣтъ оружья; — посиди-же тамъ,
Хоть и не хочется.

ОТЕЛЛО.

Да хоть смотри
Ты на меня... хоть говори со мной, —
Не то, и безоружный, бѣшено
Я кинусь на тебя. (*Граціано входитъ.*)

ГРАЦІАНО.

Ну, что тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Гляди — вѣдь это мечъ! — и мечъ,
Какого никогда еще рука
Солдата не сжимала... Вижу васъ,
Былые дни, какъ съ этой слабою
Рукою, и съ тобой, мой добрый мечъ,
Раздольно шелъ я черезъ всѣ преграды —
Сильнѣе въ двадцать разъ, старикъ, твоихъ
Преградъ... Но для чего тщеславіе
Пустое! Кто посмѣетъ стать противъ
Опредѣленья роковыхъ судебъ?...
Теперь не такъ... не то́ уже... Не бойся,
Хоть и со мною мечъ: я совершилъ
Мой трудный путь, — пришелъ уже къ своей
Послѣдней цѣли, — скоро уберу
Послѣдній парусъ свой... А ты еще
Меня боишься! О! твой страхъ напрасенъ!...
Не предъ мечомъ, передъ тростинкой — самъ
Отелло побѣжитъ теперь — но Боже!
Куда-жъ ты побѣжишь теперь, Отелло?...
Какъ странно смотришь ты, дитя мое...
Какія горькія судьбы тебѣ
На долю выпали!... Блѣдна... блѣдна,
Какъ полотно твоей сорочки!
И если мы придемъ съ тобою къ Богу,
И также ты посмотришь на меня....
О, взоръ твой кинетъ душу бѣдную
Мою съ небесъ — и на лету ее
Ухватятъ демоны... Холодная,
Дитя мое! — Тиха, какъ чистота
Твоя! невозмутима... безъ борьбы...
Безъ роковыхъ тревогъ... о рабъ проклятый!
Теперь святая ты!... Гоните-же
Бичомъ отсюда, демоны, меня!
Отдайте бурямъ! сѣрою сожгите!
Топите въ пропастяхъ текучаго
Огня!.. О Дездемона! Дездемона!
Мертва! мертва!... о! о! о!

(*Входятъ Лодовико, Монтано; Кассіо приносятъ на носилкахъ; пойманный Яго среди стражи.*)

ЛОДОВИКО.

Гдѣ этотъ мститель бѣшеный? — Гдѣ онъ
Несчастный?

ОТЕЛЛО.

Тотъ, кто былъ Отелло? — Здѣсь...

ЛОДОВИКО.

А эта гадина? — ведите-ка
Его.

ОТЕЛЛО.

Я все смотрю ему на ноги... [35])
Что-жъ - это басня?.. Но коли ты чортъ —
Такъ какъ-же мнѣ убить тебя, нечистый! *(Ранитъ его.)*

ЛОДОВИКО.

Возьмите мечъ у Мавра.

ЯГО.

Э, синьйоръ,
Онъ только кровь пустилъ, а не убилъ
Меня.

ОТЕЛЛО.

И не жалѣю я объ этомъ;
Напротивъ, я желалъ-бы долгихъ дней
Тебѣ... да, понимаю я теперь
Блаженство смерти!

ЛОДОВИКО.

О несчастный Мавръ!
Давно-ль такъ благодушный — и теперь
Такъ слѣпо павшій въ сѣть проклятаго
Раба... что мнѣ сказать тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Скажи,

Скажи, Лодовико, хоть что́-нибудь...
Зови меня убійцей, — не зови
Меня безчестнымъ только; — ничего
Вѣдь не творилъ по ненависти я,
И все изъ чести, и для чести.

ЛОДОВИКО.

Онъ,
Бездѣльникъ этотъ, кое-въ-чемъ уже
Признался намъ: вы согласлися
Было съ нимъ вмѣстѣ Кассіо убить?

ОТЕЛЛО.

Да.

КАССІО.

Милый генералъ, я никогда,
Ничѣмъ не подалъ повода къ тому.

ОТЕЛЛО.

Теперь я вѣрю, Кассіо — прости
Меня! — Спросите-жъ у него, за что́
Онъ, этотъ демонъ въ образѣ людскомъ,
За что́ онъ такъ коварно осѣти́лъ
И душу мнѣ и тѣло?...

ЯГО.

Лишнія
Заботы! — То́, что́ знаете уже —
И знайте... Болѣе ни слова я
Не говорю.

ЛОДОВИКО.

А помолиться, Яго!...

ГРАЦІАНО.

А вотъ, разщепимъ зубы пыткою
Тебѣ.

ОТЕЛЛО.

О, ты заговоришь тогда...

ЛОДОВИКО.

Я разскажу вамъ кое-что, синьйоръ,
Изъ дѣла этого, чего, конечно, вы
Не знаете еще. — Вотъ два письма:
Мы ихъ нашли въ карманѣ у Родриго, —
Въ одномъ такъ прямо сказано, что онъ,
Родриго, принимаетъ на себя
Убійство Кассіо.

ОТЕЛЛО.

Злодѣй!

КАССІО.

Враги
Христовы! дикари!

ЛОДОВИКО.

А вотъ другое:
Здѣсь упрекаетъ Яго въ чемъ-то онъ, —
Какъ кажется, онъ думалъ отослать
Его, — но вѣрно этотъ висѣльникъ
Проклятый въ душу влѣзъ опять къ нему
И уничтожилъ всякое сомнѣнье.

ОТЕЛЛО.

О чадо зла и гибели! Но какъ, —
Скажи мнѣ, Кассіо — зашелъ къ тебѣ
Платокъ жены моей?

КАССІО.

Я у себя
Нашелъ его, — и Яго намъ сейчасъ
Признался, что платокъ подкинутъ имъ,
Чтобъ дѣло къ цѣли повести вѣрнѣе.

ОТЕЛЛО.

Безумецъ! о безумецъ я! безумецъ!

КАССІО.

А дальше, въ этомъ-же второмъ письмѣ,
Родриго упрекаетъ Яго въ томъ,
Что онъ его заставилъ оскорбить
Меня въ ту роковую ночь — и вотъ
По-этому уже оправданъ я;
Родриго наконецъ пришелъ въ себя,
И самъ онъ прямо говоритъ теперь
Что Яго и на грѣхъ его навелъ,
Что Яго-же и прикололъ его
Сегодня.

ЛОДОВИКО.

Вы должны покинуть островъ,
И ѣхать съ нами. Ваша власть снимается,
И это мѣсто Кассіо теперь займетъ.
А что́ до этого раба — удѣлъ
Его: все то́, что́ только можетъ быть
Томительно-кроваваго подъ пыткой.
Вамъ я не смѣю воли дать, Отелло,
Пока не донесемъ Сенату мы
Объ этомъ дѣлѣ... Отвести его!

ОТЕЛЛО.

Постойте! — Слово, два — небольше...
Я кой-что сдѣлалъ для Республики
Таки, — вещь всѣмъ извѣстная; — но, что́
Объ этомъ говорить! — Теперь прошу
Я васъ, — вѣдь вамъ-же говорить о мнѣ
Придется, — разскажите дѣло та́къ,
Ка́къ было дѣло;—сло́ва за меня
Не нужно лишняго, — противъ меня....
За что́-жъ противъ меня?... Скажите имъ,
Что не умѣлъ благоразумно я
Любить, — за то́ любилъ я горячо... Что ревновать
Я не умѣлъ, — но разъ, коснувшися

До этой чаши, выпилъ всю ее;
Что я закинулъ счастіе свое,
Какъ древле Жидъ, проклятою рукой,
Закинулъ навсегда свой дивный перлъ, — [36])
Перлъ драгоцѣннѣй племени его...
Что изъ очей моихъ, незнавшихъ слезъ,
Лилося столько горькихъ, трудныхъ слезъ —
Какъ льется мурры въ аравійскомъ лѣсѣ....
Такъ все скажите, — да прибавьте ужъ,
Что разъ въ Алеппо чалмоносецъ Турокъ
Венеціянца одного при мнѣ
Ударилъ и Республику бранилъ, —
А я схватилъ собаку-обрѣзанца
За горло, и пронзилъ его, вотъ такъ! *(Закалывается).*

ЛОДОВИКО.

Кровавый день!

ГРАЦІАНО.

Къ-чему-жъ ты это все
И говорилъ....

ОТЕЛЛО (*падая на трупъ Дездемоны*).

Готовый задушить
Тебя — еще я цѣловалъ тебя
Такъ горячо; — и умирая самъ,
Съ твоимъ я поцѣлуемъ умираю.... *(Умираетъ).*

КАССІО.

Я-бъ этого боялся, если-бъ зналъ,
Что онъ имѣлъ оружіе, — онъ былъ
Великій сердцемъ...

ЛОДОВИКО.

Ты спартанская
Собака! [37]). Ты ужаснѣй скорби, — язвы,
Ужаснѣй бездны адской, темною
Враждой своей!... Взглянь на кровавые

Останки жертъ своихъ... вотъ подвигъ твой!
Онъ отравляетъ взоръ.... закройте ихъ!
Вы, Граціано, какъ прямой наслѣдникъ,
Примите во владѣніе и домъ
И все имѣнье Мавра. — (*Къ Кассіо*).
Вы синьйоръ
Намѣстникъ, сами выберите казнь
Злодѣю этому, — опредѣлите время,
Назначьте мѣсто, пытку.... не щадить
Его!... Я ѣду съ грустною душой
Объ этомъ горестномъ событіи
Сенату донести.

Съ англійскаго *В. Лазаревскій.*

=

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сюжетъ этой драмы заимствованъ Шекспиромъ, по мнѣнію Попе, изъ Чинтіевыхъ новеллъ. — Полагаютъ, что она писана въ 1611 году. — Мустафа, полководецъ Солима, осадилъ Кипръ въ маѣ 1571, и взялъ его въ слѣдующемъ году. Флотъ его шелъ сначала прямо на Кипръ, но, неожиданно перемѣнивъ путь свой на Родосъ, соединился тамъ съ другимъ отдѣленіемъ своимъ, и тогда уже обратился къ осадѣ Кипра. «Гордое и свободное прямодушіе Отелло,—говоритъ Джонсонъ,—благороднаго, открытаго и легковѣрнаго, безграничнаго въ довѣренности, пылкаго въ страсти, непоколебимаго въ рѣшимости, неукротимаго въ мщеніи; — милое простодушіе Десдемоны, такъ глубоко вѣрующей въ добродѣтель, такъ глубоко сознательной въ чистотѣ своей, — ея открытая настойчивость въ преслѣдованіи своего плана, ея неумѣнье понять то, что и ее могутъ подозрѣвать; — холодная злоба Яго, скрытаго до малѣйшаго проявленія истиннаго чувства, ловкаго и хитраго въ своихъ планахъ, и въ тоже время такъ заботливаго о всемъ, что̀ касается его выгоды или мщенія — все это новыя доказательства того, какъ глубоко постигъ Шекспиръ природу человѣка, чего мы напрасно будемъ искать у другихъ новѣйшихъ писате-

лей; — даже остальные, низшіе характеры были-бы замѣчательны во всякой другой піесѣ, не только по истинѣ, но и по силѣ своей».

1. Въ подлинникѣ: Even now, wery now, and old black ram
Is tupping your white ewe.
2. — — You'll have your daughter covered with a Barbary horse.
3. Словомъ nephews здѣсь намѣкается вообще на грандовъ Венеціи.
4. Въ подлин.: You'll have coursers for cousins, and gennets *) for germans.
5. — — Your daughter and the Moor are now making the beast with two backs.
6. Полагаютъ, что это названіе гостинницы въ Венеціи.
7. Здѣсь Яго говоритъ о Брабанціо.
8. Титло венеціянскихъ сенаторовъ.
9. Шекспиръ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ это изъ разсказовъ Мандевиля (Описаніе Гвинеи, 1596) и сэръ Вальтера-Ралейфа (Raleigh).
10. Въ подлин. Fuinea-hen, слово, означавшее тогда публичную женщину.
11. To change the cod's head for the salmon's tail. *Пословица.*
12. Эти пѣсни находятся въ «Percy's Relics of Ancient Poetry».
13. Во многихъ графствахъ сѣверной Англіи музыканты, приходя съ поздравленіемъ по утрамъ, обыкновенно, послѣ одной или двухъ проигранныхъ ими піесъ, кричатъ: «Да здравствуетъ такой-то или такая-то». — Кажется, обычай этотъ былъ и въ Стратфордѣ на Авонѣ. — При этомъ употребляли гобои, — и объ этихъ-то духовыхъ инструментахъ говорится здѣсь.
14. Венерическая болѣзнь, по Джонсону, впервые появилась въ Неаполѣ.
15. Въ подлинникѣ *Clown.* Oh, thereby hangs a taile.
I mus. Wheresy hangs a tale, sir?
Clown. Merry, sir, by many a wind instrument, that I know.
Здѣсь каламбуръ въ словахъ taile и tale.
16. Въ подлинникѣ: Excellent wretch (enfant, garçon).
17. Мандрагора (mandragora, mandrake) одно изъ самыхъ усыпительныхъ растеній.
18. Въ подлинникѣ J had been happy, if the general camp
Pioneers and all...
Піонеры были вообще самые безнравственные солдаты.
19. Въ подлинникѣ: The spirit-stirring drum, the ear-pircing fife Во времена Шекспира флейты были въ употребленіи у Англичанъ на войнѣ.
20. Въ подлин. There are a kind of men soloose of soul.

---

*) Порода лошадей въ Испаніи.

21. — — — — Then laid his leg
Over my thigh, aed sigh'd, and kiss'd.

22. Здѣсь отвѣты шута запутаны двойственнымъ значеніемъ глагола to lie: 1) обитать, жить гдѣ-нибудь, лежать; 2) лгать.

23. Португальская монета, цѣною около рубля серебромъ. Названіе свое получила она, — по Джонсону, — отъ изображеннаго на ней креста.

24. Іаковъ I, король англійскій, учредилъ новое достоинство баронета, которое покупалось за деньги. — Шекспиръ хочетъ сказать здѣсь, что баронеты эти имѣли руки, т. е. деньги для покупки, — а не сердце, не доблесть.

25. Бальзамическая жидкость, добытая изъ мумій, встарину считалась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ эпилепсіи.

26. Извѣстно повѣрье, что воронъ, садясь на кровлѣ дома, предвѣщаетъ кому-нибудь изъ жильцовъ его смерть. — Объясняютъ это тѣмъ, что тонкое чутье его за-долго до кончины чуетъ уже трупный запахъ.

27. Въ подлинникѣ *Iago*: With her, on her; what you will.
Ot. Lie with her! on her! — We say, lie on her, when they belie her: Lie with her!

28. Въ подлинникѣ: To confess and be hanged for his labour. — *Послов.*

29. Сближеніе слезъ женщины съ слезами крокодила, который, по мнѣнію древнихъ, печальными стенаніями привлекалъ жертву и душилъ потомъ ее.

30. Если сохранить сосудъ сей... и *пр.* Изъ Посл. къ Солунянамъ I, гл. IV, ст. 4. — Malone.

31. Въ Англіи ива посвящена любви.

32. Здѣсь Отелло, входя, какъ-бы договариваетъ тайную думу свою въ этомъ прекрасномъ монологѣ.

33. Одинъ изъ комментаторовъ говоритъ, что въ старинныхъ копіяхъ, послѣ этихъ словъ было еще слѣдующее восклицаніе убійцы: «Боже! Боже! Боже!» — но что въ-послѣдствіи велѣно было исключить его, такъ-какъ сближеніе подобнаго восклицанія съ самымъ поступкомъ профанировало святую чистоту Божества; — но торжественныя слова эти, — прибавляетъ онъ, — произносимыя въ мгновенія предсмертныхъ судорогъ Дездемоны, производили ощущеніе высокаго ужаса.

34. Сталь, закаленная въ холодныхъ волнахъ Ксалона, считалась самою лучшею.

35. Отелло принимаетъ Яго за чорта, и смотритъ — нѣтъ-ли копытъ на ногахъ у него.

36. Нѣкоторые комментаторы думали, что это намекъ на кровавую сцену убійства Маріамъ супругомъ ея Иродомъ. — Другіе полагаютъ, что здѣсь говорится объ одномъ Жидѣ, забросившемъ драгоцѣнный перлъ,

не желая уступить его за низкую цѣну. — Можетъ-быть, говоритъ Бенжаменъ Ларошъ, — авторъ намекаетъ здѣсь на Спасителя, преданнаго и распятаго своими соотчичами. — Мнѣніе это, какъ совершенно-согласное съ религіознымъ направленіемъ эпохи, кажется ему болѣ вѣроятнымъ.

37. Спартанскія собаки отличались своею лютостію.

Въ подлинникѣ Яго, въ разговорахъ съ Родриго, часто мѣшаетъ ты и вы. — Я не вездѣ держался въ этомъ случаѣ подлинника уже и потому, что по духу англійскаго языка мѣстоименіе you — вы, употребляется гораздо-чаще нежели у насъ. — Вездѣ, гдѣ только удача дѣлаетъ Яго дерзкимъ, ему естественно переходить въ этотъ насмѣшливо-фамиліярный тонъ, отличающій его; — напротивъ онъ можетъ спускаться до льстивой вѣжливости каждый разъ, когда старается убѣдить и преклонить пробуждающійся здравый смыслъ и упрямство Родриго.

ѢЗДОКЪ.

Кто-то, съ чудной быстротою,
Весь въ оружьи, въ серебрѣ,
Промелькнулъ передъ толпою,
На конѣ, копямъ царѣ.
Все въ немъ ловкость означало,
Съ нею — удаль юныхъ лѣтъ...
«Молодецъ!» толпа кричала
Ѣздоку лихому вслѣдъ.

* * *

Прокричала и забыла,
Что̀ кричала и кому....
До-сихъ-поръ такъ въ-людяхъ было.
Почему? — Ни почему:
Такъ велѣлъ уставъ природный.
Въ мірѣ мнѣнье, слава, крикъ —
Вѣтеръ теплый иль холодный....
Вдругъ повѣялъ! — Вдругъ затихъ!

* * *

Съ одинакой быстротою
Конь безъ устали летѣлъ;
Съ одинакой красотою
На конѣ ѣздокъ сидѣлъ.
И проѣхалъ съ населенной
Стороны въ пустую степь....
Справа — моря видъ безцѣнной;
Слѣва — горъ высокихъ цѣпь;

Впереди туманъ дымился....
Что-то худо ѣздоку...
Онъ качается.... скатился
Вдругъ съ коня, на всемъ скаку,
И среди песковъ остался
Блѣденъ, нѣмъ и недвижимъ....
Не за смертью-ли онъ гнался?
Или — смерть гналась за нимъ?...

* * *

Что, за чѣмъ въ пески пустыни
Быстро всадника влекло —
Не узналъ никто до-нынѣ:
Все его съ нимъ въ гробъ легло.
Можетъ, рвался къ злому дѣлу,
Но Господь не попустилъ:
Вынувъ душу вонъ изъ тѣла,
Спасъ ее и сохранилъ....

ПЛАТОНЪ Ч.

ПѢСНЯ ДУХА НАДЪ ХРИЗАЛИДОЙ.

1.

Ты вѣришь-ли въ силу страданья,
Ты вѣришь-ли въ право святаго возстанья,
Ты вѣришь-ли въ счастье и въ небо, дитя?
О, если ты вѣришь — со мною, за мною!
Я дамъ тебѣ муки и счастья, — хотя
Отъ тебя я не скрою,
Что не дамъ я покою,
Что тебя я страданьемъ измучу, дитя.

2.

Ты ждешь-ли отъ сна пробужденья,
Ты ждешь-ли разсвѣта, души откровенья,
Ты чуешь-ли душу живую, дитя?

О, если ты чуешь — со мною, за мною!
Сведу тебѣ съ неба я душу, — хотя
Отъ тебя я не скрою,
Что безумной тоскою
По отчизнѣ я душу наполню, дитя.

3.

Меня-ль одного ты любила,
Моя-ль въ тебѣ воля, моя-ль въ тебѣ сила,
Мое-ли дыханье пила ты, дитя?
О, если мое, — то со мною, за мною!
Во мнѣ ты исчезнешь любовью, — хотя
Отъ тебя я не скрою,
Что тобой не одною
Возвращусь я къ покою и свѣту, дитя.

1845. Іюль.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

РУССКАГО ТЕАТРА.

ѲЕДОРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ИВАНОВЪ.

(*Воспоминанія изъ моихъ записокъ.*)

.... Близъ Никитскихъ воротъ, въ приходѣ св. Ѳеодора Студійскаго, былъ домъ Марьи Егоровны Поговской; къ нему отъ Тверскаго-бульвара прямо шли мы съ княземъ Петромъ Ивановичемъ Шаликовымъ. На бульварѣ гуляющихъ было немного и по моему, скучно: исходъ іюля, самая глухая пора для Москвы; но товарищъ мой, по его словамъ, не находилъ этого: онъ любилъ Тверской-бульваръ вполнѣ, любилъ его и лѣтомъ и зимою, и осенью и весною!...

Переходя погостъ церкви св. Ѳеодора, по обычаю моему, я остановился надъ могилами родителей великаго Суворова. Я невольно задумался о прошедшемъ.... Мысли мои, со всею быстротою молодыхъ мыслей, переносились отъ одного предмета къ другому: передо мною явились Альпы, Италія, *Де-Сальвертъ*, *Лутовиновъ*, мои старые друзья-товарищи, мостившіе *Чортовъ-мостъ на шарфахъ* и — далѣе, далѣе, — вотъ и самъ богатырь Суворовъ, со всею его поэтическою жизнію....

Воображеніе было молодое, — не знало устали....

Меня вывелъ изъ задумчивости мой спутникъ.

— Пойдемте-же, говорилъ онъ мнѣ: что́ вы тутъ стоите!

Я машинально пошелъ за нимъ. Скоро подошли мы къ самому подъѣзду дома Поговской, и я, приподнявъ шляпу, сказалъ:

— Прощайте, князь!

— Вотъ ужь чего быть не можетъ! возразилъ онъ, и крѣпко схвативъ меня за руку, почти силою втащилъ во флигель дома Поговской.

— Видите-ли, тутъ кто-то есть! продолжалъ онъ, поправляя свои волосы.

Въ-самомъ-дѣлѣ, у подъѣзда ко флигелю стояли дрожки, коляска и карета.

— Прекрасно! наконецъ сказалъ я, нѣсколько опомнившись отъ случившейся со мною неожиданности: но я ни съ Поговскою, ни съ живущими въ ея домѣ, ни съ кѣмъ незнакомъ, — дайте еще подумать!...

— Идите, идите! повторялъ неумолимый князь, таща меня за руку, и я былъ уже въ пріемной, въ обществѣ людей, до-того-времени мнѣ вовсе непзвѣстныхъ.

— А! ваше сіятельство, князь Петръ Ивановичъ! крикнулъ почти въ тоже время, толстенькой, приземистый хозяинъ (такъ я объ немъ подумалъ болѣе потому, что онъ сидѣлъ совершенно по домашнему, въ халатѣ, безъ шейнаго платка; за то́ гость его былъ въ мундирѣ).

— Рекомендую вамъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, пріятеля моего Макарова, говорилъ, возвышая свой рѣзкій голосъ, мой князь: это тоже литераторъ, или, перевожу à la Шишковъ — *словесникъ*!

— Садитесь, садитесь, съ привѣтливою улыбкою обратился ко мнѣ хозяинъ: и мы тоже *словесники*, продолжалъ онъ: вотъ видите, мы читаемъ. Передъ вами теперь мой добрый другъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ; онъ заставилъ меня слушать свою *Марѳу Посадницу*, — послушайте и вы ее, — каяться не будете!

Князь Петръ Ивановичъ, ждавшій здѣсь конечно уже *не трагической классики*, поморщился; а я былъ совершенно доволенъ, что такъ счастливо и такъ неожиданно узналъ автора *Марѳы Посадницы*, извѣстнаго уже мнѣ давно по *Семейству Старичковыхъ*, *Козачьему Офицеру* и многимъ его стихотвореніямъ, въ то время весьма замѣчательнымъ.

Сказать короче, самъ хозяинъ нашъ былъ *Мерзляковъ* и, какъ князь мнѣ не нашептывалъ: «Пора, пора, идемъ, mon cher!» онъ былъ самъ виноватъ: я не хотѣлъ уже идти отсюда, я совершенно приковалъ себя къ стулу, на который сѣлъ, я обратился *весь* въ слухъ....

«Мароа Посадница» никогда не была принята нашею публикою, какъ должно; она была на сценѣ, и многіе, смотря на нее, и слушая ее — зѣвали! Мерзляковъ, однако-жъ, этого не предвидѣлъ, и при многихъ стихахъ Иванова, и въ-самомъ-дѣлѣ хорошихъ, залеталъ на седьмое небо!

Князь Шашковъ кричалъ и охалъ! Чтеніе кончилось; но я болѣе ознакомился съ «Мароою Посадницею» Иванова, на сценѣ, гдѣ отличалась всегда Воробьева, еще свѣжая юностью, особенно, какимъ-то страннымъ, будто-бы, или и можетъ-быть, древнимъ, новогородскимъ нарядомъ привлекательная.

О содержаніи «Мароы Посадницы», одраматизованной Ивановымъ, едва-ли нужно говорить: это извѣстная повѣсть Карамзина, не совсѣмъ полная, кое-гдѣ перепначенная. Впрочемъ, нѣкоторые стихи Иванова въ его передѣлкѣ довольно-сильны. Здѣсь самъ Іоаннъ, побѣдитель свободы новогородской, какъ царь, говоритъ и врагамъ своимъ:

«Всѣ милости даю!»

Но Мароѣ нужна только милость небесная: отъ людей она ее не приметъ; у ней міръ — свобода, свобода и свобода! Іоаннъ давно понялъ эту жажду ея къ свободѣ; но, какъ властитель, выразился и объ ней по-своему. Вотъ слова его:

«Свободой подданны живутъ въ странѣ моей,
«Ихъ счастіе моего дороже мнѣ...»

— Полно, такъ-ли? чуть-чуть не спросила его Мароа; но этотъ вопросъ былъ предупрежденъ Іоанномъ. Съ чувствомъ отца говоритъ онъ:

«Несчастныхъ радостью обыкъ я наслаждаться,
«И я отецъ!...»

Вездѣ борьба безразсуднаго буйства свободы съ самодержавіемъ, и вездѣ истина, а слѣдовательно, и Богъ на сторонѣ послѣд-

няго. Задумываемся только о томъ, вѣрны-ли здѣсь характеры Князя и нашей славной республиканки. Впрочемъ вѣрны-ли они даже у Карамзина?...

Вторая трагедія Ѳ. Ѳ. Иванова — переводъ съ сокращеннаго Французами перевода Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» — переводъ, для своего времени, очень-хорошій; эта трагедія на московской сценѣ производила, какъ нынче говорится, *фуроръ*, и была играна очень-часто; по-ней образовался нашъ Мочаловъ-отецъ; въ ней бывала, иногда, превосходною Воробьева, — по-крайней-мѣрѣ, такъ думали; нѣкоторые монологи Роберта, какъ на-примѣръ: одинъ въ первомъ явленіи третьяго акта, другой въ пятомъ актѣ, третьяго явленія, и проч., и проч. заучивались многими нашими трагикоманами наизустъ, даже съ точными подражаніями дѣйствію и голосу старика Мочалова. — Но Н. И. Сандуновъ уже давно познакомилъ насъ своимъ переводомъ «Разбойниковъ» съ настоящимъ Шиллеромъ. Переводъ его былъ напечатанъ въ 1793-мъ году и ходилъ по рукамъ читающей публики. Трагедіей Шиллера восхищались; но самой Екатеринѣ (какъ говорили) неугодно было, чтобъ Шиллеръ съ своими «Разбойниками» былъ на русской сценѣ. «Намъ довольно на этотъ разъ и Браве, съ его «Безбожникомъ», говаривала Екатерина Романовна Дашкова: «а Шиллеръ и не увидишь куда инаго направитъ; мы еще младенцы, а что́ годится взрослымъ, то́ не всегда прилично дѣтямъ» (*). Не-смотря на это однако-жъ и переводъ Сандунова, въ-послѣдствіи былъ въ Москвѣ игранъ, и потому-то, какъ-разъ проявились противники Иванову, которые не были имъ довольны и рѣзко вооружались противъ его «Разбойниковъ». Разстояніе времени между переводами Иванова и Сандунова составляло около тридцати лѣтъ, и вотъ образчики того и другаго, по которымъ можно судить, какъ далеко ушелъ нашъ новый языкъ отъ стараго, разумѣется, въ отношеніи къ языку сценическому.

Вотъ *Робертъ* Иванова:

«Итакъ, вотъ мѣста моего рожденія! Вотъ замокъ, изъ коего надлежало разливаться благодѣяніямъ моимъ на народъ, который-бы меня обожалъ!

(*) Все это было слышано собственно мною отъ самой княгини въ московскомъ домѣ ея, на Никитской. Привычка моя записывать все сколько-нибудь интересовавшее меня, сохранила мнѣ многое. *Сост.*

Вотъ бесѣдка, въ которой Софія приняла первыя клятвы мои! Вотъ тотъ дернъ, на которомъ такъ часто сидя, мы соединяли души наши изліяніемъ взаимной горячности! О возлюбленный отеческій кровъ! Ты видѣлъ юнаго Роберта. Юный Робертъ былъ тогда счастливое дитя; ты нынѣ видишь его уже человѣкомъ — и онъ въ отчаяніи! Онъ возвращается въ тебя чуждымъ, изгнаннымъ, отягченнымъ проклятіемъ.... О! дни дѣтства моего! куда дѣвались вы? О Софія! итакъ я тебя увижу. — Я трепещу.... колѣна мои подгибаются; священный ужасъ разливается по чувствамъ моимъ.... О страданіе! о раскаяніе! не отравите сей единственной минуты радостей, и я предаю терзаніямъ вашимъ весь остатокъ гнусной жизни моей. Злополучный! не бойся быть узнанъ! Ахъ! голосъ мой столько перемѣнился, какъ и лицо. (*Слушаетъ.*) Что слышу я! (*Дрожитъ.*) Идутъ.... это она, конечно, она. (*Ободряется.*) Робертъ! Робертъ! ты не боишься смерти, а боишься встрѣтить взоръ женщины», и проч.

У Шиллера таже сцена въ другомъ видѣ и на другомъ языкѣ. Послѣ свиданія съ Амаліей, вотъ какъ говоритъ Карлъ Моор:

«Она меня любитъ! она меня любитъ! Слезы, противъ ея желанія, стремились изъ глазъ ея! Она меня любитъ! Васъ-ли я вижу, счастливыя мѣста, гдѣ утопалъ я нѣкогда въ удовольствіяхъ любви? Ты-ли это, домъ родителя моего? Такъ, вы! Здѣсь былъ я нѣкогда почитаемъ, благословляемъ, любилъ, любилъ страстно... не могу-ли возвратить дней прошедшаго блаженства? Она меня любитъ! — Нѣтъ, Моор! возвратись въ свою бѣдность.... Прости, дражайшее жилище родителя моего! — Нѣкогда видѣло ты Карла въ юношествѣ — и Карлъ тогда былъ благополученъ; теперь видѣло ты его возмужавшимъ — и онъ былъ въ отчаяніи... (*Спѣшитъ съ великою поспѣшностію; но вдругъ остановясь, съ горестію*) Какъ? не видѣть ея болѣе? Не проститься? Не взглянуть? Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ должно еще упиться симъ ядовитымъ удовольствіемъ, и потомъ удалюсь — куда повлечетъ меня отчаяніе и месть. (*Уходитъ.*)»

Между тѣмъ и другимъ переводомъ, повторю я, разстоянія тридцать лѣтъ; но я не знаю, которому изъ нихъ отдать преимущество. Если по переводу Сандунова слезы *не льются, не текутъ* изъ глазъ Моора, а *стремятся*, если у него-же Карлъ *спѣшитъ съ великою поспѣшностію*, то и въ позднѣйшемъ сокращенномъ переводѣ Иванова языкъ Шиллера ни мало не приноровленъ къ языку разговорному, не опрощенъ, какъ-бы должно, натурою, и у него есть *замокъ съ разлитіемъ благодѣяній* и т. п.

Драма Ѳ. Ѳ. Иванова: «Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ», въ одномъ актѣ, взята была изъ анекдота, случившагося въ счастливое цар-

ствованіе Александра I-го, и имѣла, въ свое время, огромный успѣхъ. «Семейство Старичковыхъ» съ публичной сцены очень-скоро перешло на домашніе театры. Анекдотъ о Старичковыхъ былъ нашимъ роднымъ, народнымъ, и потому въ Москвѣ и въ Петербургѣ театры всегда были полны, когда давали эту піесу. Народъ особенно полюбилъ ее: онъ тутъ и плакалъ и смѣялся; въ послѣднемъ отношеніи одинъ Грабилинъ, отставной подъячій, исполняемый первоначально (въ Москвѣ) славнымъ С. Н. Сандуновымъ, возбуждалъ безчисленныя рукоплесканія. И смѣха и слезъ было вдоволь. «Вотъ онъ, вотъ онъ!» кричала иногда добрая бородка, жилица рая подстропильнаго: «вотъ онъ, нашъ *Козма Ѳедоровичъ Упздовъ!* попался глаголь съ закорючкой, прятался съ нею за уголокъ, да выплылъ на свѣжую воду, ни дать, ни взять нашъ секретарь!» И смѣхъ раскатывался громомъ. Если-бы кто вздумалъ при этомъ случаѣ остановить нѣсколько восторгъ веселыхъ, то не успѣлъ-бы, потому-что черезъ нѣсколько минутъ уже другая сцена возбуждала слезы: самопожертвованіе юнаго Алексѣя, скульптора, разскрытіе великаго подвига безстрашнаго спасителя русскаго знамени — трогала и каменныхъ! Въ самомъ партерѣ, въ креслахъ, въ ложахъ видны были платки передъ глазами. Грабилинъ смѣшонъ, но Грабилинъ злодѣй — народное поученье: не быть Грабилинымъ — вотъ чувство, рождающееся въ душѣ каждаго. И какъ хорошъ языкъ этого злодѣя, созданный для него Ѳ. Ѳ. Ивановымъ! Грабилинъ, какъ ростовщикъ, пришелъ разорить совершенно славное семейство Старичковыхъ; что ему до ихъ славы? Они должны ему, и все тутъ! Онъ прямо говоритъ, не задумываясь объ отечествѣ: «У меня одна пѣсенка: готовы-ли денежки? — Ну, ежели не готовы? неожиданно его спрашиваетъ Безстрашный, а онъ отвѣчаетъ: «Тогда, любезный, не прогнѣвайся — тюрьма!» Безстрашный предлагаетъ ему проценты; но варваръ предупреждаетъ, что онъ уже и по двадцати копеекъ на рубль не возьметъ въ мѣсяцъ; онъ гремитъ настоятельно: «Тюрьма, тюрьма, или давай капиталъ...» Гибель семейства... Люди тронуты... Ростовщики прячутся за людей.

Однажды привели къ Ростопчину уличеннаго ростовщика. — «Бѣда вся отъ-того» замѣтилъ графъ: «что давно не давали *Семейства Старичковыхъ!*»

Сцены, когда Алексѣй, скульпторъ, продается въ солдаты, сцены губернатора и Безстрашнаго прекрасны, эффектны вполнѣ

для народнаго театра; и въ наше время, драма «За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ» — для театра кладъ нравственный!

Оригинальная драма «Награжденная добродѣтель, или женщина, какихъ мало», и комедія «Козачій офицеръ», взятая изъ анекдота, случившагося въ царствованіе Петра Великаго, при взятіи Полтавы, также сочинены Ивановымъ, съ глубокою нравственною цѣлью; это часть тѣхъ дѣйствій, которыя готовили насъ къ великой эпохѣ 1812 года. Въ этомъ отношеніи, по драмѣ, имя Иванова неразлучно съ именами Ильина, С. Н. Глинки и Ростопчина!...

Другія піесы Иванова: «Не все то̀ золото, что̀ блеститъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; «Женихи или вѣкъ живи и вѣкъ учись», комедія въ одномъ дѣйствіи, и «Мужъ Пустынникъ, или Урокъ женамъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, всѣ были играны на публичныхъ театрахъ, особенно «Женихи», долго не сходили съ репертуара; но «Урокъ женамъ», писанный для домашнихъ благородныхъ театровъ, на которыхъ не разъ и разыгрывался, съ публичною сценою какъ-то не ладилъ: имъ скучали. «Не все то̀ золото», опять піеса, чисто тогдашнихъ правовъ, впрочемъ, еще несовершенно чуждыхъ и намъ, нѣкоторымъ Русакамъ теперешнимъ. Не знаю, ка́къ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ иногда ихъ встрѣтите даже на Тверской, на Никитской, на Поварской, на Арбатѣ, а, что̀ всего мудренѣе, подлѣ самаго Кузнецкаго-моста! Такъ напр., Орзамасовъ, который еще отъ чистой души вѣритъ, что въ двадцать лѣтъ никакой вдовѣ жить невесело, что богатый знатный молодой человѣкъ, хотя-бы и вральманъ, пустомеля, но если воспитанъ западомъ, — женихъ презавидный, что человѣкъ, у котораго въ двадцать-три года шляпа съ плюмажемъ, пятьдесятъ тысячь дохода, который со всѣми знатными въ связи и говоритъ по-французски, имѣетъ достоинство видимое и неоспоримое, и проч. и проч.: подобныя вещи и теперь еще повторяются, только безъ возраженій, а во времена Иванова, на Орзамасова и на подобныхъ ему, даже и подлѣ Кузнецкаго-моста, напускались! Тотъ-же Ивановъ, и, повторю опять, Ильины, Растопчины, *Силы Андреевичи Богатыревы, Князья Любославскіе* *) и проч. и проч., которые не закрывая рта говаривали:

---

*) *Любославскій* — дѣйствующее лицо изъ «Жениховъ».

«Полу-французскій запахъ, какъ дымъ глаза ѣстъ», что «за ошибку отца платятъ дѣти счастіемъ», что «шляпа съ плюмажемъ скорѣе всего изъ Русскаго дѣлаетъ Французомъ» и проч., учили нашъ народъ *несодевильно!* Любославскими и Богатыревыми мы славно готовились на маршъ къ западу!...

«Мужъ Пустынникъ, или Урокъ женамъ», одно-актная комедійка, какъ сказано, была написана для домашнихъ театровъ; въ ней три дѣйствующія лица, и въ томъ числѣ одно — семилѣтнее дитя; черезъ это самое піеса многимъ подавала случай утѣшать и утѣшаться ею собственно въ своемъ кругу и для себя.—

Кромѣ драматическихъ сочиненій, Ѳ. Ѳ. Ивановъ писалъ и въ другихъ родахъ, стихами и прозою; они всѣ собраны въ полномъ изданіи его трудовъ, о напечатаніи которыхъ, въ 1818 году, озаботилось *Общество любителей россійской словесности*, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ; редакторами этого изданія были назначены другъ нашего драматика, А. Ѳ. Мерзляковъ, А. Ѳ. Чаплинъ и я, нижеподписавшійся. Съ помощію покойнаго А. С. Ширяева, въ 1824 году, мы исполнили данное намъ порученіе и «Сочиненія Ѳ. Ѳ. Иванова» явились въ свѣтъ въ четырехъ небольшихъ книгахъ, порядочно-напечатанныя Московскою Университетскою типографіею, съ портретомъ автора, но не совсѣмъ похожимъ и нехорошо-награвированнымъ.

Къ началу изданія нашего приложено воспоминаніе о незабвенномъ для насъ товарищѣ-литераторѣ; оно написано А. Ѳ. Мерзляковымъ и было читано имъ въ 21-мъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, бывшемъ 1816 года, октября 28 дня, то-есть, вскорѣ послѣ кончины Иванова, (въ томъ-же году въ августѣ на 31 число). Изъ воспоминаній Мерзлякова видно, что Ивановъ родился въ іюнѣ 1777 года, воспитывался подъ надзоромъ извѣстнаго профессора Московскаго Университета В. К. Аршеневскаго, и въ то-же время, — что̀ дозволялось дворянамъ при Великой Екатеринѣ — числился уже сержантомъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку; въ 1794 году оттуда его выпустили капитаномъ во Второй Морской полкъ, командиромъ котораго былъ родной дядя Иванова, полковникъ Демидовъ; съ нимъ онъ сдѣлалъ компанію противъ Шведовъ, и тогда-то насладился картинами Балтики, Финляндіи, красотами вполнѣ поэтическими! «Самыя эти красоты», говоритъ Мерзляковъ, «и время Великой Екатерины, заботившейся о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, и

умѣвшей постигать и развивать дарованіе каждаго изъ нихъ — счастливо успѣли образовать и пріучить къ хорошему и друга моего Иванова». Да, Ивановъ былъ созданъ духомъ времени Царицы несравнимой!

«Ивановъ», продолжаетъ біографъ, «сдѣлался особенно-извѣстнымъ публикѣ піесами своими: *Не все то золото, что блестит*, *Женихи*, а наипаче *Семействомъ Старичковыхъ*, какъ такою піесою, посредствомъ которой хотѣли отомстить за себя злонамѣреннымъ иностранцамъ и истинная любовь къ отечеству, и музы искусствъ отечественныхъ, столь недостойно-пренебрегаемыя нѣкоторыми ослѣпленными приверженцами ко всему иноземному. — Сія піеса имѣла блистательнѣйшіе успѣхи, и, вѣроятно, удержится еще долго на театрѣ, подобно тѣмъ немногимъ твореніямъ, въ которыхъ удачно изображенъ порокъ, или погрѣшность, къ-несчастію, господствующая въ народѣ. Сіи погрѣшности рѣдко и тяжело истребляются, а потому и весьма-долго счастливый талантъ можетъ на нихъ дѣйствовать, — пускай даже тщетно; но за то въ глазахъ публики онъ живетъ столь-же продолжительно, какъ онѣ сами, и наконецъ переживаетъ ихъ, какъ побѣдитель, или благонамѣренный содѣйствователь ко благу общему, какъ укоризненный органъ чистѣйшей нравственности! Такъ остаются на театрѣ до сего времени піесы, которыя, кажется, не принадлежатъ уже къ нашему времени. — Когда, на-примѣръ, забудемъ мы *Недоросля*, *Мельника*, *Хвастуна*, и *Чудаковъ* и проч. *). Подлѣ сихъ комедій, по всей справедливости, будетъ стоять Иванова *Семейство Старичковыхъ*. Знатоки театра иногда укоряли нашего комика въ нѣкоторомъ излишествѣ при изображеніи лицъ и въ слишкомъ-смѣлыхъ выраженіяхъ; — это излишество принадлежитъ не одному Иванову: оно общее многимъ нашимъ комикамъ. Покойный самъ часто изъяснялся, что онъ не хотѣлъ теребить, но желалъ поражать пороки рѣшительнымъ оружіемъ. — Этотъ оттѣнокъ оказывается и въ слогѣ самаго Фонъ-Визина. Онъ дѣйствительно происходитъ не столько отъ недостатка вкуса, сколько отъ свойства генія, отъ обстоятельствъ его жизни, несчастливыхъ, ожесточительныхъ, или отъ привычекъ, своеправныхъ, непобѣдимыхъ, какъ сама природа. Сверхъ того, всякой воленъ избирать для достиженія цѣли

*) Такъ думали; но теперь уже позабыли! *Сост.*

своей тотъ или другой ходъ, тѣ или другія средства. И кто имѣетъ право ихъ назначить, или ограничить? — Каждый живописецъ-геній, отличаясь бо́льшею или меньшею яркостію своихъ красокъ, каждый, имѣя свой штиль въ рисовкѣ,—всѣ, между-тѣмъ, оставили намъ драгоцѣнныя картины. — Точно тоже можно сказать о стихотворцахъ: Шекспиръ, Корнель, Шиллеръ, Вольтеръ, Гёте, Расинъ шли по разнымъ дорогамъ, обработывая одинъ и тотъ-же родъ: всѣ нравились и нравятся. Если нашъ Ивановъ успѣлъ въ этомъ, то и онъ сдѣлалъ свое дѣло»! — Далѣе Мерзляковъ извѣщаетъ, что другъ его перевелъ «Меропу», — и сочинилъ помянутую нами трагедію «Мароу Посадницу»; первая, предупрежденная переводомъ «Марина», не попала на сцену; но отрывокъ ея напечатанъ въ собраніи полныхъ сочиненій Иванова; вторая трагедія, то-есть «Мароа Посадница», напечатана вся, но по словамъ Мерзлякова — не была играна; послѣднее несправедливо, мы сами ее видали на сценѣ, можетъ-быть, одинъ разъ, или два, не болѣе — и помнимъ, очень помнимъ, что роль Мароы доставалась на долю Воробьевой и — она скучала этою ролью, какъ неохотною службою! —

Изъ не-драматическихъ сочиненій Ѳ. Ѳ. Иванова, въ полномъ собраніи ихъ помѣщены прозаическія статьи: 1) *Къ несчастнымъ*, 2) *Чувства при открытіи дома московскаго благороднаго собранія*, 3) *О воспитаніи дѣвицъ* и 4) *Письмо къ издателю Аѳіона* (къ Мерзлякову); всѣ они проникнуты глубокимъ чувствомъ нравственнаго патріотизма; вездѣ видны Богъ, отчизна, Александръ и великіе подвиги Русскихъ. Мы не будемъ разбирать этихъ статей, а скажемъ только, что онѣ достойны занять мѣсто въ библіотекѣ каждаго, читающаго по-русски.

Въ легкой поэзіи Ивановъ тоже ораторъ нравственный, умный, занимательный, но стихи его, болѣе важные, почти всѣ *памятники* о славной *войнѣ отечественной*. Вотъ ихъ заглавія: *Великому вождю героевъ* (Кутузову), *Къ Россійскому дворянству*, *На разрушеніе Москвы* и проч. Исторія не исключитъ ихъ!..

Ивановъ былъ самъ актеръ, и мы не однократно его видали на сценѣ благороднаго театра, существовавшаго въ домѣ покойнаго *С. С. Апраксина*, гдѣ отличался и незабвенный Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Были сцены въ *Мизантропѣ*, въ *Хвастунѣ*, въ *Чудакахъ*, въ которыхъ, по своимъ ролямъ, какъ говаривалъ *Кокошкинъ*, Ивановъ былъ не замѣнимъ, но къ трагедіи онъ былъ

менѣе склоненъ. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и другіе *благородные* актеры труппы Апраксинской были примѣрными проводниками вкуса и всего, по натурѣ игры, лучшаго для нашихъ *многихъ* публичныхъ актеровъ, и публичный московскій театръ процвѣталъ тогда во всемъ блескѣ.

Извѣстная Русская пѣсенка: *Вечоръ былъ я у Никитскихъ у воротъ*, нѣкогда занимавшая собою многихъ московскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, написана также Иваповымъ....

М. МАКАРОВЪ.

СЕРЕНАДА.

Густо запахомъ лимона
Воздухъ сонный напоенъ.
Звѣзды блещутъ. У балкона
Раздается тихій звонъ.

Донья милая не дремлетъ,
Покидаетъ ложе сна...
Улыбаясь, чутко внемлетъ
Пѣснѣ сладостной она.

Къ груди тихо наклонилась
Чернокудрой головой,
Загрустила, позабылась
Подъ гитары звукъ живой.

Густо запахомъ лимона
Воздухъ сонный напоенъ.
Городъ дремлетъ. У балкона
Раздается тихій звонъ....

ЯСТРЕБОВЪ.

МОЁ ЗНАКОМСТВО

СЪ ВИТАЛИНЫМЪ.

Продолженіе разсказа безъ начала, безъ конца и безъ морали *).

=

I.

ЧЕЛОВѢКЪ ЭПОХИ.

Разъ какъ-то, въ началѣ или въ концѣ мая прошлаго года, не помню право, но знаю только съ достовѣрностію, что это было въ маѣ, въ одинъ изъ рѣдкихъ въ Петербургѣ свѣтлыхъ майскихъ дней и притомъ утромъ, — я сидѣлъ у окна въ кандитерской Вольфа и занимался изысканіемъ средствъ, какъ-бы можно было вовсе не заниматься ничѣмъ на свѣтѣ: къ величайшему сожалѣнію, все, что было у меня передъ глазами, слишкомъ-живо напоминало мнѣ объ отдаленности блаженнаго состоянія человѣчества — и движущіяся волны чиновнаго люда на Невскомъ, и длинныя физіономіи людей, сидѣвшихъ подлѣ меня, и какъ я-же, неимѣвшихъ положительнаго занятія и соотвѣтствующаго ранга, но видимо же-

(*) См. «Репертуаръ и Пантеонъ» Кн. 6-я. 1845.

лавшихъ пополнить этотъ недостатокъ самовольнымъ углубленіемъ въ европейскія сплетни. Скифъ и Вандалъ, вовсе чуждый политикѣ, я покушался часто принудить себя прочесть хотя листъ *Times* или *Presse*, но, увы! — оставался всегда при одномъ покушеніи; со мной сжилась какъ-то ненависть къ цивилизаціи, и въ этомъ отношеніи, ученіе Фурье пало мнѣ глубоко на душу, очень-понятно по этому, что я начиналъ скучать невыносимо; и убѣдившись окончательно въ невозможности ничего-недѣланія, я сталъ придумывать, какъ-бы заняться чѣмъ-нибудь; но день, неумолимо-длинный день представалъ мнѣ во всемъ своемъ ужасающемъ однообразіи... Идти куда-нибудь было-бы совершенно-безполезно: людей въ Петербургѣ до 4-хъ часовъ можно отыскать только въ канцеляріяхъ, а я давно уже не заглядывалъ ни въ одну изъ «таковыхъ», и въ этомъ отношеніи могъ сказать о себѣ:

Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.

Я вспомнилъ о Москвѣ, о томъ, что тамъ, на-примѣръ, я не сидѣлъ-бы такъ безплодно, а занялся-бы разрѣшеніемъ глубокаго вопроса о вѣчномъ Ничто — и проведши часъ или два въ такомъ общеполезномъ занятіи, съ спокойною совѣстію отправился-бы къ К** или къ Г*, сообщать свои открытія по этой части, вполнѣ увѣренный, что застану ихъ разрѣшающими, или уже разрѣшившими вопросъ объ абсолютномъ Всемъ, — и что такимъ-образомъ, себѣ и имъ доставлю удовольствіе столкновенія крайностей....

Не зная, что́ дѣлать и даже что́ думать, я велѣлъ подать себѣ третью порцію мороженаго, и продолжалъ глядѣть въ окно на Невскій, глядѣть безъ мысли, глядѣть почти не видя, глядѣть не желая ничего видѣть, потому-что Невскій надоѣлъ мнѣ страшно. Долго-ли сидѣлъ я въ этомъ состояніи безмыслія, не знаю — но изъ него я былъ выведенъ довольно-сильнымъ ударомъ по плечу и словомъ: «Здравствуйте!» словомъ, котораго звукъ обдалъ меня какимъ-то знакомымъ ощущеніемъ.

Я обернулся, — передо мною стоялъ одинъ изъ моихъ московскихъ пріятелей — Александръ Ивановичъ Брага.

Я не могъ опомниться отъ удивленія, и смотрѣлъ на него съ минуту, не говоря ни слова. Такъ! Это былъ онъ, онъ самъ, въ томъ-же вѣчномъ зеленомъ пальто, обшитомъ шнурами и застегнутомъ до верху, съ пятнами чахотки на лицѣ, съ чорною бо-

родою, выглядывавшею изъ-подъ галстука... Здравствуйте, повторялъ онъ, радушно схватывая мою руку: я увидѣлъ васъ, идя по Невскому.

— Благодарю, что не забыли, отвѣчалъ я, дружески пожимая его руку. Ну, что́, ка́къ вы?.. Знаете-ли, я думалъ, что вы уже умерли.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ, съ тѣмъ-же сардоническимъ смѣхомъ, который обыкновенно кончался у него удушливымъ кашлемъ, садясь на стулъ и вынимая изъ кармана сигары.

— Или что вы уже въ Болгаріи, продолжалъ я, смотря на него пристально и удивляясь, ка́къ человѣкъ-то вообще живущъ.

— Въ Болгаріи!.. онъ опять захохоталъ удушливымъ смѣхомъ и махнулъ рукою. Помолчавши немного и закуривъ сигару, онъ спросилъ меня, что́ я здѣсь дѣлаю?

На это я отвѣчалъ ему, что еще менѣе его знаю, что́ я дѣлаю.

Онъ улыбнулся — и началъ разсказывать съ величайшею подробностію и съ обыкновенной злостью разныя московскія сплетни.

Я былъ страшно радъ появленію этого человѣка въ Петербургѣ, не потому, чтобы ждалъ отъ этого пользы или удовольствія для себя, но потому, что видъ его приводилъ мнѣ на память много прошедшаго, дурнаго или хорошаго, смѣшнаго или страшнаго, но для меня во-всякомъ-случаѣ дорогаго.

Я познакомился съ Александромъ Иванычемъ еще въ Москвѣ, въ 1843 году, и познакомился довольно-оригинально. И онъ и я ходили очень-часто въ одну библіотеку заниматься, я — всѣмъ и ничемъ, онъ, кажется, военными науками. Южное очертаніе лица, что́-то рѣзкое во-всѣхъ движеніяхъ, что́-то дребезжащее въ чрезвычайно-звучномъ голосѣ, дребезжащее, какъ тоны разбитаго инструмента — заставили меня съ перваго разу обратить на него особенное вниманіе: въ немъ было такъ много особеннаго отъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ много гордой свободы въ сознаніи этой особенности, — а я всегда любилъ уродовъ, тѣмъ болѣе, когда эти уроды знаютъ свое мѣсто среди другихъ живыхъ существъ и умѣютъ удерживать его съ достоинствомъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Печать этой исключительности, лежавшая на немъ, хранилась имъ свято — и вездѣ, гдѣ-бы ни было, заставляла быть его, какъ у себя, до́ма. Мнѣ нравилось, что, посѣщая эту библіотеку, онъ успѣлъ сдѣлаться въ ней почти хозяиномъ; мнѣ нравился его вѣчно-одинакій костюмъ, намѣ-

кавшій на плохое состояніе кармана, но въ которомъ онъ умѣлъ быть самъ собою и съ которымъ у него одного только могли мириться привычки порядочнаго человѣка. Мнѣ было очень интересно узнать его, и въ одно прекрасное утро я прямо сказалъ ему объ этомъ. Мою цинническую откровенность онъ встрѣтилъ безъ всякаго удивленія, потому, можетъ-быть, что порядочные люди имѣютъ привычку вѣрить въ физіономіи и,—слабость думать, что состояніе головы человѣка можно узнать не только по слову, но по первому звуку голоса. Кстати объ этомъ: мнѣ казалось всегда, что порядочные люди, то-есть, люди жившіе и думавшіе или, просто, люди, составляютъ какую-то общину, имѣющую свои условные знаки и преданія. Дѣло въ томъ только, что мы сошлись съ нимъ съ перваго разговора, — сошлись, то-есть, были въ состояніи понимать одинъ другаго, подъ-часъ можетъ-быть и смѣясь другъ-надъ другомъ,—по-крайней-мѣрѣ, мнѣ казалась всегда смѣшною его вѣра въ то, что можно что-нибудь дѣлать. Онъ служилъ долго въ военной службѣ, волонтеромъ, бывалъ на Кавказѣ и въ Турціи, знавалъ хорошо покойнаго Пушкина, и вообще, по образованію своему, принадлежалъ къ эпохѣ двадцатыхъ годовъ. Но какъ-бы то ни было, а я полюбилъ этого человѣка, хотя съ невольнымъ невѣріемъ выслушивалъ его планы о просвѣщеніи Болгаръ, съ невѣріемъ не къ нему впрочемъ, а къ возможности заботиться о чемъ-нибудь, кромѣ самого-себя. Онъ былъ весь съѣденъ желчью, онъ не могъ ни о чемъ говорить безъ сардоническаго и удушливаго смѣха,—но я приписывалъ это просто обстоятельствомъ личной жизни, и въ его любви къ Болгарамъ видѣлъ общій всѣмъ намъ грѣшнымъ эгоизмъ, который, чтобы оправдать свое собственное раздраженіе, ухватился за что-то другое. Я допускалъ впрочемъ отъ-души, что онъ самъ обманулъ себя, и потому никогда не оскорблялъ его невѣріемъ, а напротивъ очень-терпѣливо выслушивалъ его филиппики; — друіе не хотѣли считать его даже фанатикомъ личнаго эгоизма, а просто съ натяжкою искали въ немъ ловкаго плута, хотя слишкомъ-много подлости и злости надобно было имѣть въ себѣ, чтобы это подумать.... Я отличался всегда непмовѣрнымъ терпѣніемъ ко всѣмъ фанатикамъ, и потому Брага ходилъ ко мнѣ часто, и часто до утомленія преслѣдовалъ меня по погамъ и одушевленными разсказами о югѣ, о Малороссіи, его родинѣ, и непстовыми выходками на подлость людей, и мечтательными планами... У него была одна ужасная привычка или, лучше сказать, маневръ убійственный: когда у меня слипались уже глаза, и я просто гово-

рилъ ему, что пора убираться, — онъ бралъ шляпу и, стоя съ нею на лѣстницѣ, куда я провожалъ его по обыкновенію со свѣчою, еще битый часъ продолжалъ ораторствовать.

Встрѣтивши его здѣсь, я не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны: онъ точно также жаловался на нестерпимую грудную боль, поспалъ на рукахъ и на спинѣ фонтанели, и точно также безпрестанно курилъ сигары. Въ Петербургъ, по его разсказамъ, пріѣхалъ онъ потому, что здѣсь удобнѣе — не жить, а пробиться кое-какъ, что въ Москвѣ почти совершенно-невозможно. Въ Москвѣ надо жить или картами, или доходами съ деревень; послѣднихъ онъ вовсе не имѣлъ въ наличности; въ карты-же хотя игралъ довольно-искусно, но всегда по маленькой, потому-что уже много спустилъ «въ коротенькую», употребляя его собственное выраженіе. Унего было много знакомыхъ гвардейскихъ офицеровъ, бывшихъ товарищей по службѣ, о которыхъ онъ съ перваго-же разу успѣлъ пересказать мнѣ очень-много замѣчательныхъ исторій.

— Кстати, спросилъ онъ меня выходя изъ кондитерской, и только-что кончивши разсказъ о томъ, какъ поручикъ Таксеновъ нашелъ средство завести у себя гамбсовскую мебель, — кстати, продолжалъ онъ, не знавали вы здѣсь одного, тоже московскаго, Виталина?

— Офицера? спросилъ я, ожидая новой исторіи.

— Нѣтъ.

— Чиновника?

— То-же нѣтъ.

— Литтератора?

— Да, пожалуй литтератора, отвѣчалъ мой пріятель, сморщивши физіономію вдвое болѣе противъ обыкновеннаго....

— Не знаю, хотѣлъ было отвѣчать я, но мнѣ пришло на память, что въ январѣ видѣлъ я драму, авторъ которой носилъ это имя, что я и сказалъ Брагѣ.

— Онъ и есть, сказалъ тотъ. Да, не въ томъ дѣло: лично вы его не знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — а что?

— Тоже, вотъ батюшка судьба-то, говорилъ онъ, ускоряя шаги. Человѣкъ умный, страшно умный, — какъ говорили, по-крайней-мѣрѣ. Я о немъ вспомнилъ по поводу Таксенова. Онъ былъ въ Москвѣ учителемъ — и въ то время даже еще, какъ я хаживалъ къ вамъ, да и чуть-ли я тогда вамъ о немъ не разсказывалъ,

тѣмъ больше, что я любилъ тогда этого человѣка, очень любилъ.... Вышелъ то-же дрянь-дрянью.

— То-есть какъ-же это? спросилъ я съ любопытствомъ, потому-что привыкъ не слишкомъ вѣрить рѣшительнымъ приговорамъ моего пріятеля.

— Тряпка, отвѣчалъ Брага съ видимою грустью: просто тряпка. Когда мы провожали его сюда, мы всѣ думали, что изъ что́-нибудь будетъ: безхарактерность, вѣтренность, просто, его погубили.

Питая особенную привязанность къ личностямъ, отъ которыхъ всѣ ждали многаго и изъ которыхъ ничего не вышло, я просилъ Брагу объясниться подробнѣе....

Да вотъ вамъ, хоть-бы и это на-примѣръ, по поводу чего я и вспомнилъ о немъ, отвѣчалъ Александръ Иванычъ. Я поручилъ ему здѣсь отыскать Таксенова и передать ему дневникъ его, который тотъ пересылалъ мнѣ аккуратно.... Онъ и послалъ его, да черезъ годъ, и притомъ изорванный. Помилуйте, что́ ужь за человѣкъ, который въ состояніи читать чужія письма?

— Да читалъ-ли онъ, спросилъ я, впрочемъ самъ не слишкомъ-увѣренный въ возможности противустоять искушенію прочесть чужой дневникъ, тѣмъ болѣе дневникъ офицерскій.

— Навѣрное, сказалъ Брага, махнувши рукою. И замѣтьте себѣ, кто рѣшается читать чужія письма, тотъ также легко не отдаетъ чужихъ денегъ, а о долгахъ ужъ и говорить нечего...

— А вы въ долги вѣруете? спросилъ я его съ улыбкою.

Онъ поглядѣлъ на меня съ замѣтнымъ изумленіемъ. Я вамъ сказалъ, что онъ былъ человѣкъ другой эпохи и вѣрилъ въ рыцарство чести.

— Вотъ видите-ли, продолжалъ я: есть маленькое различіе между неплатежемъ долговъ отъ корыстолюбія, т. е. отъ любви къ деньгамъ, и неплатежемъ ихъ отъ полнаго къ нимъ презрѣнія.

— Софизмъ! вскричалъ мой пріятель: точно тоже говоритъ и Виталинъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?... Послушайте, сказалъ я: познакомьте меня съ нимъ.

— Я съ нимъ не увижусь, отвѣчалъ Брага твердо и грустно: вы — дѣло другое, вы можете съ нимъ знакомиться, когда хотите: я вамъ дамъ его адресъ, и кромѣ того, прибавилъ онъ съ

злобною улыбкою, я вамъ поручу для передачи ему его записки.

— Его записки! почти вскричалъ я. Вообразите себѣ, что мнѣ упало нежданное спасеніе отъ страшной скуки.

Брага взглянулъ на меня иронически.

Я засмѣялся.

Мы другъ-друга поняли.

Черезъ два часа, въ рукахъ моихъ было нѣсколько незапечатанныхъ тетрадей, порученныхъ Брагѣ одною женщиной, для передачи Виталину.

Эти записки сблизили меня съ Виталинымъ. По связи событій, прежде всего передаю ихъ, на что въ-послѣдствіи я былъ уполномоченъ Виталинымъ.

II.

ЗАПИСКИ ВИТАЛИНА.

Апрѣля 15.

Когда я пришелъ нынче къ нимъ, у нихъ сидѣлъ уже гусаръ, котораго они зовутъ кузиномъ: онъ очень-добрый малый, но мнѣ — несносенъ. Неужели потому-что богатъ и независимъ?... Едва-ли по этому, — впрочемъ, потому-что я не боюсь ни въ чемъ признаваться себѣ. Антонія была въ розовомъ платьѣ; розовый цвѣтъ къ ней очень идетъ, по-крайней-мѣрѣ, это замѣтилъ я нынче.

Я былъ скученъ и, къ величайшему несчастію, самъ это чувствовалъ, до того чувствовалъ, что былъ въ состояніи сдѣлаться несноснымъ. Чего не приходило мнѣ въ голову? Да и въ самомъ-дѣлѣ, что за нелѣпое отношеніе между мною и ими: отъ-чего Никита Степанычъ не можетъ обойдтись безъ меня даже и въ филистерски-заказномъ наслажденіи природою, — отъ-чего я сдѣлался другомъ дома не только у него, но даже у нихъ — что это? позоръ-ли покровительства, иное-ли что, или, просто, смотрятъ на меня, какъ на что-то вовсе неимѣющее никакого значенія?... Однимъ-словомъ, мнѣ было несносно, несносно потому еще, что я долженъ былъ ѣхать за городъ на чужой счетъ: ка-

рета папята была гусаромъ для нихъ, — я-же очутился тутъ по приглашенію Никиты Степаныча, вовсе и не подозрѣвая, что онъ звалъ меня наслаждаться на чужіе гроши.

Наконецъ явился онъ съ женою; аэрьена стояла уже у крыльца, и всѣ стали собираться.

Я вышелъ послѣ всѣхъ, но внутренно желалъ, чтобы мнѣ досталось мѣсто подлѣ Антоніи. Хотѣла-ли этого судьба, или было это слѣдствіемъ моего разсчета войдти въ аэрьену послѣднимъ, но — я сѣлъ подлѣ нея. Разговоръ нашъ былъ незначителенъ, но я радъ былъ, что могъ хоть что-нибудь говорить: близость этой дѣвушки вѣяла на меня благоуханіемъ, — мнѣ было сладко тонуть взглядомъ въ ея дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазахъ. Она дитя еще, но бываютъ впрочемъ минуты, когда она становится женщиной. Какъ чудно хороша, какъ свѣтла и прозрачна вошла она третьяго-дня въ маленькую залу Старскихъ: какимъ-то сіяніемъ облило меня ея появленіе, и я невольно долженъ былъ потупить глаза отъ этого сіянія. Видѣла-ли она это? Думаю, что видѣла, потому-что тогда она была женщиной..

Когда мы пріѣхали въ Покровское, я помогъ выйдти ей и ея матери. Мы пошли гулять, я шелъ рядомъ съ нею, но не предложилъ ей руки, такъ-что гусаръ долженъ былъ напомнить мнѣ объ этомъ. Это было неловкостью съ моей стороны, но неловкостью очень разсчетливой: можно быть неловкимъ и тѣмъ неменѣе порядочнымъ, зная свою неловкость и ни мало не скрывая ее...

Когда рука ея легла на мою руку, — электрическая искра пробѣжала по моему тѣлу.

Мы шли позади. Она начала говорить о моей вѣчной принужденности.

— Вотъ видите-ли, сказалъ я ей: мнѣ очень-много вредитъ одно мѣсто «Мертвыхъ душъ», которое я слишкомъ-твердо запомнилъ: «или заговоритъ, что Россія государство пространное...»

Она засмѣялась.

— Вы къ себѣ несправедливы, замѣтила она.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ я: но оставимте это: что вамъ до моей принужденности или непринужденности? съ вами я менѣе принужденъ, чѣмъ съ другими.

Въ Покровскомъ мы пили чай, нескончаемо-продолжительный; я игралъ самую печальную роль; она съ сестрою ушла гулять. Въ Покровскомъ для нея было много воспоминаній дѣтства.

Когда она возвратилась, всѣ мы отправились гулять по длинной аллеѣ. Я шелъ опять рука-объ-руку съ нею; мнѣ было хорошо, какъ очень-рѣдко бываетъ... Молодой мѣсяцъ прорѣзывался рогами на ясномъ небѣ.

Она первая замѣтила, что онъ глядитъ на насъ съ лѣвой стороны и что это очень-дурно.

Мнѣ стало грустно отъ этихъ словъ, хотя эта грусть была смѣшна мнѣ самому. Впрочемъ и то сказать, невѣріе такъ близко граничитъ съ суевѣріемъ! Но это ребяческое повѣрье, высказанное ею такъ случайно, окружило ее для меня какой-то ореолою дѣтскихъ преданій, чѣмъ-то страннымъ, какъ сказка, и очаровательнымъ, какъ сказка.

Садясь съ нею въ аэрьену, я чувствовалъ, что съ каждою новою минутою яснѣе и яснѣе впжу я въ ея глазахъ создающуюся душу. И вѣрилось мнѣ, что на мою долю выпало вызвать эту живую душу женщины изъ небытія въ жизнь....

Я сказалъ ей, что она сама еще не знаетъ себя, — что для меня она — какая-то дѣтская сказка, которую я помню смутно, но которая напоминаетъ мнѣ такіе блаженные, такіе несбыточные сны...

Мѣсяцъ все также съ лѣвой стороны смотрѣлъ въ окна кареты. Кругомъ меня все было въ томъ розовомъ сіяніи, какимъ облекаютъ міръ только сны...

О! я готовъ иногда вѣрить паденію природы, готовъ, потому, что рѣдки для природы самой минуты торжественнаго примиренія, минуты, когда она становится божественною симфоніею. Или мы — смѣсь свѣта и праха, виною ея разстройства, мы — ея цари, ставшіе ея рабами?.... Или въ душѣ моей есть силы сообщить самой природѣ миръ и гармонію, силы оправданія и возсозданія?... Нѣтъ, нѣтъ — я не могу вѣрить этому: гдѣ мнѣ сообщать силу, либо жизнь и гармонію, когда я самъ только мира, только забвенія и мира готовъ просить у самой природы? Часто приходило мнѣ въ голову уйдти куда-нибудь въ дѣвственные, человѣкомъ нетронутые лѣса, чтобы упасть на грудь вѣчной матери и сосать новые соки жизни, истощившейся въ безплодныхъ стремленіяхъ, пожравшей самую-себя...

Я помню себя ребенкомъ, страннымъ ребенкомъ, раздражительнымъ до женской истерики, понимавшимъ рано слишкомъ многое.... Когда терзали меня разныя нравственныя сентенціи, которыя я ненавидѣлъ до ожесточенія, — я уходилъ въ аллею на-

шего стараго сада. Старые тополи, озаряемые полнымъ мѣсяцемъ, такъ величаво качали махровыми головами, такъ были полны гордаго сознанія законности своего бытія, такъ были выше людей, изобрѣтшихъ для себя безчисленныя препоны свободной дѣятельности... Я вслушивался въ ихъ таинственно-образный шопотъ и успокоительно засыпалъ подъ ихъ качаніе...

Вѣчная мать, божественная природа, — или снова хочешь ты раскрыть для меня долго нѣмыя уста? или снова хочешь ты говорить со мною вѣяньемъ вечерняго вѣтра, шопотомъ листьевъ, голосами безчисленныхъ насѣкомыхъ, — лучами мѣсяца?

Апрѣля 17.

Когда я шелъ нынче къ Старскимъ, сердце мое сильно билось. Или это въ-самомъ-дѣлѣ снова любовь, со всѣми ея безумными явленіями? О, если-бы... Я искалъ и ищу всегда одного: безумія, или, лучше сказать, забвенія: можетъ-быть, въ этомъ высказывается стремленіе къ средоточію разсѣянныхъ силъ моей души.

Она стояла у окна съ матерью, когда я подошелъ къ воротамъ дома Старскихъ.

У нихъ не было никого, противъ обыкновенія, и потому Никита Степановичъ предложилъ отправиться въ садъ дома, который занимаетъ его тёща.

Мы пришли прямо въ садъ... Сначала я ходилъ съ Старскимъ и говорилъ съ нимъ о какомъ-то ученомъ вздорѣ, говорилъ, впрочемъ, безъ особеннаго принужденія, потому-ли, что надѣялся этимъ выиграть больше свободы на остальную часть вечера, потому-ли, что въ эту минуту въ моей душѣ пробудилась къ нему прежняя привязанность. Можетъ-быть и это, ибо это была минута, когда душа способна все любить и все понимать... О чемъ мы говорили, право не знаю, но только мы говорили, и при томъ очень-усердно. — Наконецъ, я былъ снова съ нею, опять рука ея лежала на моей рукѣ, опять тепло и жизнь разливались по мнѣ отъ ея прикосновенія.

Сначала мы говорили съ ней о вздорѣ, о томъ, между-прочимъ, отъ-чего я такъ страненъ...

Прошедши съ нею весь садъ, я хотѣлъ было подойдти опять къ Старскому, но она сама взяла мою руку и повлекла за собою. Такъ много чистоты, такъ много довѣрія было въ ея движеніи!..

Мы шли тихо. Лучи мѣсяца, прорѣзываясь сквозь густую сѣнь листьевъ, рисовали на стѣнѣ сада наши тѣни.

— Моя тѣнь выше вашей, замѣтилъ я ей.

Мнѣ казалось, да, мнѣ казалось въ эту минуту, что мы идемъ съ нею рука-объ-руку по дорогѣ жизни, спокойные, беззаботные, равные столько, сколько нужно быть равными мужчинѣ и женщинѣ. Я чувствовалъ, что люблю ее глубоко въ эту минуту, что не мечта — вѣчная любовь, что душа человѣка только разъ въ жизни встрѣчаетъ свою половину, что горе тому, кто встрѣтилъ эту половину и долженъ былъ идти одинъ....

Іюня 3.

Мнѣ было ясно и весело на душѣ, когда я ѣхалъ сегодня утромъ на дачу Старскихъ: мнѣ казалась возможною та жизнь безъ заботъ, безъ цѣли, безъ завтра, почти безъ сознанія, о которой мечталъ я такъ долго.... Да и къ чему жить завтрашнимъ или вчерашнимъ днемъ? Завтра, вѣчное завтра, вѣчная мысль о завтра, мысль о мечѣ, висящемъ на волоскѣ надъ головою!.. Нѣтъ, воля небесной птицы, беззаботность небесной птицы — вотъ жизнь! Я платился часто мѣсяцами невыносимыхъ страданій за одинъ день безъ завтра и точно также готовъ платиться теперь!... Сожалѣніе, раскаяніе — для меня слова безъ смысла. Сожалѣть, — но о чемъ-же? не о томъ-ли, что я вырвалъ у судьбы хоть минуту безумнаго блаженства, похитилъ съ неба хоть искру Прометеева огня? Раскаяваться? — но развѣ я чѣмъ обязанъ кому-либо, я, которому по натурѣ смѣшны всякія обязанности, который не пожертвуетъ даже наслажденіемъ сна, хотя-бы завтра ждала меня смерть. — Правило: не дѣлай того-то, чтобы получить то-то, этотъ основный камень всякой морали — было мнѣ отвратительно и смѣшно съ самаго дѣтства. Что за торгъ съ судьбою? Что за корыстный разсчетъ въ счастіи?

Старскій встрѣтилъ меня на дорогѣ. «Я уже поджидалъ васъ», сказалъ онъ мнѣ. Что за странность? неужели этотъ человѣкъ, въ-самомъ-дѣлѣ, чувствуетъ ко мнѣ привязанность?.. Можетъ-быть, тѣмъ болѣе, что онъ во мнѣ жестоко обманывается, что все кажущееся ему во мнѣ эксцентрическимъ, онъ считаетъ преходящимъ. Я самъ постоянно помогалъ и помогаю ему обманываться, я говорю съ нимъ такъ серьёзно о наукѣ, о книгахъ, которыя я знаю только по предисловіямъ, я извѣстенъ въ кружкѣ его знакомыхъ за человѣка трудолюбиваго и ученаго. Я — и

трудолюбіе! Виноватъ-ли я, впрочемъ, въ томъ, что обманываю добрыхъ людей, когда они сами хотятъ обманываться? если-бы я разсказалъ имъ мой день, каковъ онъ есть, съ его постояннымъ бездѣйствіемъ — они-бы, безъ всякаго сомнѣнія, сочли мой разсказъ бравадой, хвастовствомъ, пожалуй, человѣка, который хочетъ все приписывать способностямъ, а не труду...

Но внутри самого-себя, надобно признаться, я слишкомъ-недоволенъ моимъ положеніемъ среди всѣхъ этихъ господъ; быть res sperata вообще крайне-непріятно. Позоръ покровительства выношу я только потому, что на немъ основана моя связь съ семействомъ Старскаго. И теперь, въ-особенности, когда я люблю эту дѣвушку, мнѣ становится несносна моя незначительная роль. Что́ она обо мнѣ думаетъ? Смѣлость и рѣзкость моего взгляда на вещи — въ такомъ страшномъ противорѣчіи съ моею жизнію !...

Отношеніе мое къ ней тоже загадочно. Оно неслишкомъ-свободно и слишкомъ-принужденно... Я могу говорить съ нею какъ угодно, но никогда не скажу того, что́-бы хотѣлъ сказать. Да и къ чему? Ее-то менѣе всего хотѣлъ-бы я обманывать собою. Мужемъ я быть не способенъ. Съ нею я, нарочно утрируя, можетъ-быть, смѣюсь надъ всѣми отношеніями. Она слушаетъ меня безъ пошлыхъ ужасовъ, но такъ внимательно, что я начинаю видѣть въ ней даже больше ума, чѣмъ надѣялся увидѣть...

И между-тѣмъ, это отношеніе бѣситъ меня своей роковой неизбѣжностью... Или должно бросить все это, или остаться вѣчно на одной точкѣ.... чтобы потомъ, наконецъ, однимъ разомъ разрубить эту путаницу.

Замѣчательно, что когда я даже и не подозрѣвалъ въ себѣ возможности въ нее влюбляться, когда я безъ всякихъ претензій ходилъ къ нимъ почти каждый вечеръ выливать всю желчь и досаду, — она старалась угадать меня, она и ея сестра. Недавно она сказала мнѣ, что я жилъ больше мыслью, чѣмъ жизнію.

Дѣло въ томъ только, что, возвратясь сегодня домой, я просто сходилъ съ-ума, и хотѣлъ писать къ ней.

За-чѣмъ такъ жадно слѣдила она глазами какую-то лодку?

Іюля 3.

Я пошелъ къ нимъ съ полною увѣренностію, что онѣ дома, а не на дачѣ Старскихъ, и засталъ впрочемъ только Антонію съ сестрой....

Она страшно-грустна. Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, въ Леліи нашла она сама себя, или, лучше, нашла формы для своихъ впечатлѣній?

Развитіе женщины — раскрытіе цвѣтка.... У женщины нѣтъ души до первой страсти.

Пальцы ея примѣтно длиннѣютъ и худѣютъ: движенія ея стали порывисты.

Мнѣ самому страшно-грустно.

Сентября 13.

Я пріѣхалъ къ Старскимъ часовъ въ 11, прямо изъ театра — и засталъ уже народъ; между-прочимъ Л. и К. Оба говорили о какихъ-то новыхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи. Мнѣ ни до нихъ, ни до изданій вовсе нѣтъ никакого дѣла, но чтобы не прямо начать говорить съ нею, я сѣлъ подлѣ нея и вмѣшался въ этотъ крайне-скучный и пошлый разговоръ.... Всякой другой, кромѣ этихъ господъ, добросовѣстно вѣрующихъ въ свои занятія, легко-бы могъ видѣть въ словахъ моихъ иронію.

Она замѣтила это, но отъ чего она какъ-будто не вѣритъ мнѣ?

Я началъ говорить съ ней о *Робертѣ*, потому-что былъ подъ вліяніемъ этой страшной поэмы. «Если-бъ я былъ женщиной,» сказалъ я ей, — «я не могъ-бы противиться Бертраму.... Сила, страшная сила....»

— Этого еще мало, перервала она меня.

Мы начали ходить съ ней и съ какой-то институткою по залѣ. Институтка была очень-невинна. Невинность мнѣ просто несносна. Я началъ безжалостно смѣяться надъ нею.

— Вы страшно-злы,—замѣтила мнѣ Антонія, садясь за рояль по моей просьбѣ.

Никита Степанычъ безпрестанно выбѣгалъ въ переднюю. Онъ ждалъ его превосходительства.

Мнѣ стало скучно. Я уѣхалъ.

Сентября 28.

Не смотря на все мое желаніе опаздывать, явился часомъ раньше—и засталъ одного Никиту Степаныча еще на-верху. — По-неволѣ долженъ я былъ начать безконечно-длинный разговоръ, безпрестанно теряя терпѣніе и между-тѣмъ поддерживая его.

Послышались звуки ройяля—и тема изъ «Страньеры», моя любимая тема.

Я былъ почти въ лихорадкѣ, но между-тѣмъ не понуждалъ Старскаго сойти внизъ, а ждалъ его зова. Еще минутэ, — я потерялъ-бы всякое терпѣніе!

Наконецъ мы отправились внизъ. Поклонившись въ гостиной дамамъ, я ушелъ въ залу....

Зала была еще не освѣщена. Она сидѣла за ройялемъ; звуки «Страньеры» смѣнились звуками мазурки Шопена, отъ которой мнѣ становится всегда невыносимо-грустно.

Я стоялъ, противъ нея, опершись на доску. Разговоръ нашъ былъ вялъ и страненъ.... Къ чему-то, сказалъ я ей, что Богъ создалъ ее такъ скупо и такъ полно вмѣстѣ, и вспомнилъ «One schade the more, one ray the less» Байрона....

Во все существо ея проникло съ недавнихъ поръ первическое страданіе. Она больна, — она становится капризна: ея глаза горятъ болѣзненно.

Она жаловалась на людей, на жизнь. Я молчалъ.

Она сказала, что желала-бы умереть скорѣе.

Я молчалъ.

Она продолжала, — что при смерти, по-крайней-мѣрѣ, можно быть откровенною.

Со мною начинался лихорадочный трепетъ.

Послушайте, сказалъ я ей: страшно, когда человѣкъ обязанъ говорить не то, что думаетъ.

И чтобы скрыть судорожный трепетъ, я подошелъ къ лампѣ зажечь сигару.

Октября 4.

День рожденія Старскаго; у него было народу болѣе обыкновеннаго.... между-прочимъ, какой-то офицеръ съ женою, ихъ родственникъ и два какихъ-то новыхъ женскихъ лица: одна, кажется, старая дѣва, отъ нечего дѣлать ударившаяся въ ученость; другая ея сестра, довольно-молодая и, какъ говорятъ, невѣста. Я былъ какъ-то въ духѣ, и потому говорилъ много съ обѣими.... одна, молодая, разсыпалась въ прекрасныхъ чувствованіяхъ. Я не замедлилъ воспользоваться этимъ и сказать объ этомъ Антоніи подъ конецъ вечера....

— Я какъ-то не могу никакъ разчувствоваться, говорила она, смѣясь первически....

Я не отвѣчалъ на это, но черезъ нѣсколько минутъ пропѣлъ стихи поэта:

Ея душа была одна изъ тѣхъ,
Которымъ въ жизни равно все понятно, и т. д.

Читая это — я смотрѣлъ ей въ глаза, такъ прямо и спокойно, какъ будто-бы въ цѣломъ мірѣ не было никого, кромѣ ея и меня....

Октября 10.

Да, чѣмъ больше я думаю о себѣ-самомъ и о своихъ отношеніяхъ вообще, тѣмъ яснѣе и понятнѣе для меня мысль, что такъ не живутъ на свѣтѣ.... Три вещи могли-бы оправдать мои нелѣпыя требованія отъ жизни, и это — или богатство, или геній или смерть....

Богатство?... Зачѣмъ до-сихъ-поръ я не могу выжить изъ себя дѣтской мысли о падающихъ съ неба милліонахъ!...

Геній?... Я самолюбивъ, можетъ-быть, — но все еще чего-то жду отъ самого себя..

Смерть!... Я умеръ-бы спокойно, если-бъ она пришла; но — или жизнь слишкомъ мало дала мнѣ — или въ моихъ требованіяхъ лежитъ предчувствіе, — я жду еще отъ жизни, и буду ждать, кажется, вѣчно чего-то.

Почему? этого я самъ не знаю, потому-что, кромѣ безумныхъ требованій не имѣю я никакихъ правъ на исключительное счастіе.

Декабря 31.

«Руки твои горячи — а сердце холодно», говорила мнѣ сегодня одна женщина, и я ей вѣрю. Въ самомъ-дѣлѣ, рано начавшаяся жизнь мысли состарила мое сердце. Давно просвѣщенный воображеніемъ, я внесъ въ дѣйствительность одно утомленіе и скуку... Съ восторгомъ привѣтствую я все, что можетъ сколько-нибудь раздражать притупившіяся чувства. Таковы всѣ мы — всѣ мы потеряли вкусъ въ простомъ и обыкновенномъ; намъ давай болѣзненнаго!

Я пошелъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ на вечеръ къ нимъ — и это чувство оправдалось. Антонія встрѣтила меня

вопросомъ: отъ-чего со мною нѣтъ Валдайскаго? Я принужденъ былъ солгать, потому-что нельзя-же было сказать настоящей причины того, что я не звалъ его съ собою... А настоящая-то причина гадка, да, гадка, потому-что это — ревность!..

Да, я готовъ ревновать ее къ каждому, кто на нее взглянетъ. По какому праву?.. Не знаю, но я глубоко ненавижу каждаго, о комъ она вспомнитъ случайно, но я-бы хотѣлъ, чтобы она любила меня съ забвеніемъ всѣхъ и каждаго... О! я хотѣлъ-бы быть богатъ, славенъ, хотѣлъ-бы быть выше всѣхъ — только для этого. Глупо, безразсудно, но что́-же дѣлать? Такъ я созданъ... Она должна была играть что́-то, что́ она очень-долго приготовляла. Мнѣ было досадно на нее, на ея мать, на всѣхъ, досадно, потому-что это было что́-то парадное, что это не шло къ ней. Когда она сѣла за рояль, — я сталъ противъ нея. Сестра ея подошла ко мнѣ и попросила меня отойти въ сторону.

Антонія сбилась на четвертомъ тактѣ и ушла чуть не въ слезахъ.

Я торжествовалъ — но ея волненіе оскорбило меня, казалось мнѣ мелочностью.

— Вы слишкомъ-свыше этихъ торжествъ, сказалъ я ей потомъ...

Пришедши домой, я рыдалъ, какъ женщина, какъ ребенокъ.

Января 4.

Опять у нихъ вечеръ; *Валдайскій* явился по приглашенію... Неужели и этого человѣка начинаю я наконецъ ненавидѣть?.. Недавно еще познакомясь съ семействомъ, онъ держитъ себя свободнѣе меня. Онъ говоритъ съ нею безпрестанно; она его слушаетъ.

И между-тѣмъ нынче-же, когда, почти не въ-силахъ пересилить самаго-себя, не въ силахъ ни съ кѣмъ говорить, сѣлъ я одинъ въ углу залы, — она взглянула на меня и потомъ попросила офицера, который, въ прибавокъ ко всѣмъ своимъ достоинствамъ, поетъ еще романсы, пѣть: «Ты помнишь-ли?» Варламова... Слова необычайно-глупы, но въ нихъ видѣлъ я какую-то связь съ прошедшимъ...

Но если я обманутъ, о мой Боже!... Если вовсе никогда она меня не любила. Если все это — только призраки моего воображенія?... Если я смѣшонъ?..

Офицеръ запѣлъ:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной...

Она грустно склонила голову.

Я стоялъ за нею, пожирая глазами ея открытыя плечи, боясь перевести дыханіе.

Она казалась такъ грустна, такъ больна!

Я готовъ былъ плакать.

Января 7.

Да, чѣмъ больше я вглядываюсь въ эту природу, тѣмъ она становится мнѣ непонятнѣе... тѣмъ я больше люблю ее. Зачѣмъ такъ полны значенія наши разговоры о совершенно-общихъ предметахъ, наши разговоры, которые ведутся при матери, при другихъ. Мы говорили нынче о ревности. Я защищалъ это чувство... Она сказала, что ревность оскорбительна.

Сестра ея пѣла въ гостинной старый романсъ: «Oublions nous», который, Богъ знаетъ, почему-то попалъ къ ней въ милость.

— Бросьте эту пошлость» сказалъ я, подходя къ ней вмѣстѣ съ Антоніей.

— Пошлость? почему-же? спросила Антонія.

Я сказалъ, что *люди* — разстаются не такъ.

— Полноте, все такъ кончается, замѣтила она съ недовѣрчивою улыбкою.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — кончается часто и серьёзнѣе...

О, моя бѣдная жизнь, долго-ли будешь ты въ противурѣчіи съ моими словами?!

Пришелъ какой-то господинъ, который не помѣшалъ мнѣ впрочемъ говорить съ матерью о томъ, о чемъ изо всѣхъ женщинъ можно говорить только съ ней — о настоящемъ состояніи общества. Я былъ золъ и рѣзокъ.

Антонія слушала меня слишкомъ серьёзно...

Я началъ говорить о моихъ вѣрованіяхъ, — о той молитвѣ, которою я могу молиться, которою наполняетъ мою душу Вѣчное цѣлое!

— Вы съ нимъ согласны? спросилъ господинъ Антонію, которая, наклонясь къ столу, задумчиво чертила по немъ пальцемъ.

— Вполнѣ, отвѣчала она быстро и живо.

Января 9.

Валдайскій заѣхалъ ко мнѣ нынче и просидѣлъ цѣлый вечеръ... Онъ прямо сказалъ мнѣ, что видитъ меня насквозь. Я не отпирался — да и къ чему?.. Развѣ моя любовь бросаетъ на нее тѣнь?.. Онъ говорилъ мнѣ потомъ, что я ревнивъ и что ревновать смѣшно и странно. Я согласился, что это такъ — да и самъ я знаю, что это такъ.

Февраля 1.

Она больна — и говоритъ, что боится смерти...

Я сталъ было говорить что-то о безсмертіи, но скоро замѣтилъ, что мнѣ это вовсе не пристало.

Я началъ о смерти...

Мы сидѣли вдали отъ всѣхъ, у маленькаго стола въ гостиной; она на диванѣ, я противъ нея на креслахъ, неподвижно прильнувши взглядомъ къ ея голубымъ глазамъ, сверкавшимъ блескомъ лихорадки.

О, зачѣмъ я не могъ быть у ногъ ея, зачѣмъ не могъ я цѣловать пальцы ея блѣдной прозрачной руки!

Пора все это кончить...

Февраля 10.

Да — это должно было кончиться такъ, а не иначе. Всякое ложное положеніе рано или поздно разсѣкается разомъ, какъ Гордіевъ узелъ.

Я ѣду — и никто этого не знаетъ.

Вечеромъ.

Въ послѣдній разъ пошелъ къ нимъ. У нихъ сидѣлъ Валдайскій. Я былъ невольно золъ и боленъ; онъ сыпалъ остроуміе.

— До свиданія, — сказалъ я, взявшись за шляпу.

— Прощайте — обратился я къ ней.

И я вышелъ...

Навсегда!..

Этимъ кончаются записки Виталина, — потому-что на другой день послѣ послѣдняго свиданія, онъ уѣхалъ изъ Москвы. Я нарочно оставилъ эти записки во всей ихъ отрывочности, хотя послѣ Виталинъ разказывалъ мнѣ подробно всю исторію. Дѣло въ томъ, что эта исторія — слишкомъ старая исторія. Пускай въ партиціи уцѣлѣютъ одни эффектныя мѣста; зачѣмъ намъ речитативы? Какъ Итальянцы оперу, — слушаемъ мы всегда чужую исповѣдь, и принимаемъ въ ней къ сердцу только сродныя намъ впечатлѣнія.

III.

ПОЭТЪ ВЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ.

Познакомиться съ Виталинымъ было для меня дѣло очень-нетрудное. Въ одно прекрасное утро — и слово «прекрасное» употребляю я здѣсь вовсе не для украшенія — я взялъ извощика и велѣлъ ѣхать ему къ Крестовскому-перевозу, въ одну изъ Колтовскихъ, гдѣ жилъ въ это время Виталинъ. Онъ занималъ очень-большую квартиру, которая хотя и не отличалась комфортомъ, но обличала привычки порядочнаго человѣка...

Виталинъ принялъ меня въ халатѣ, спросилъ, что́ мнѣ угодно и когда я, отдавая ему рукопись, объявилъ въ чемъ дѣло, онъ просилъ меня садиться.

— Вѣрно, Брага на меня сердится, спросилъ онъ, перевертывая тетради... Чудакъ, ей-Богу, продолжалъ онъ.... Вы давно его знаете?

— Я познакомился съ нимъ въ Москвѣ, отвѣчалъ я.

— А вы давно изъ Москвы?

Я сказалъ ему.

Между нами завязался разговоръ о Москвѣ. Оказалось, что у насъ есть очень-много общихъ знакомыхъ, и что мы чуть-ли даже не встрѣчались у кого-нибудь изъ нихъ.

Отъ Москвы разговоръ перешелъ на Петербургъ, отъ Петербурга мало-по-малу на такіе пункты, на которыхъ люди, нѣсколько жившіе, скоро сходятся однимъ съ другимъ.

Мы сошлись съ Виталинымъ съ перваго раза, хотя никогда не сдѣлались друзьями, потому-что обоимъ намъ равно, кажется, надоѣли разныя дружбы. Дружба обязываетъ къ разнаго рода услугамъ и даже пожертвованіямъ, а всякая обязанность слишкомъ-тягостна и скучна; и притомъ-же, бываютъ годы, когда люди перестаютъ искать въ другихъ любви или уваженія, а, просто ищутъ развлеченія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій. Виталинъ былъ радъ, что нашелъ во мнѣ человѣка, способнаго угадывать мысль его по полуслову, я также былъ очень-доволенъ тѣмъ, что мнѣ было съ кѣмъ говорить. Найдти человѣка, съ которымъ можно говорить, не разсуждать, но просто говорить, болѣе еще, съ которымъ можно подъ-часъ и молчать безъ всякой неловкости, не думая ни обидѣть его, ни внушать о себѣ невыгодной мысли, — о! это дѣло очень-трудное. Я зналъ людей, которые во внутри души оскорблялись тѣмъ, что я часто съ ними молчалъ, хотя это-то и показывало мое полное къ нимъ уваженіе. Говорить — но о чемъ-же говорить, о мой Боже? Говорить значитъ лгать, ибо слова существуютъ вовсе не для того, чтобы высказывать мысли, а развѣ для того, чтобы ихъ скрывать. Въ Москвѣ я позволялъ себѣ говорить объ интересахъ человѣчества, потому-что тамъ господствуетъ общая манія прикрывать ими интересы праздности, но въ Петербургѣ заботиться о прикрытіи его драгоцѣннѣйшихъ интересовъ — интересовъ кармана, было-бы непозволительно-смѣшно... Съ Виталинымъ мы касались часто самыхъ глубокихъ современныхъ вопросовъ, но тотчасъ-же и оставляли этотъ разговоръ, потому-что съ перваго-же раза нашли, что намъ нечѣмъ удивлять одинъ другаго. Да и чѣмъ-же, въ-самомъ-дѣлѣ? Не ненавистію-ли къ старымъ преданіямъ? Но мы предпочитали смѣяться надъ ними на самомъ дѣлѣ, и дѣломъ доказывать полное къ нимъ презрѣніе...

Я сталъ ходить къ Виталину каждый день, и цѣлые дни, лежа на двухъ противуположныхъ диванахъ, мы не могли наговориться другъ съ другомъ. Мы говорили о вздорѣ, если хотите, но не скучали. Потомъ мы даже полюбили другъ-друга, но эта любовь не влекла за собою никогда тягостныхъ обязанностей, уничтоженія одной личности въ пользу другой. Когда у кого-либо изъ насъ случались деньги — мы занимали другъ у друга, и, разумѣется, безъ отдачи, но никто изъ насъ и не подумалъ-бы даже просить другаго хлопотать о деньгахъ, — я потому, что зналъ слишкомъ-хорошо собственную лѣнь и вѣрилъ въ лѣнь

другихъ, — онъ, потому, что слишкомъ-хорошо зналъ людей и ихъ привязанность къ благороднымъ металламъ...

Для Виталина я сталъ необходимъ и потому еще, что, хотя онъ и былъ человѣкъ порядочный, но все-же за нимъ водилась общая слабость писателей, а именно охота поговорить о своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, я слушалъ съ удовольствіемъ и сочиненія его и планы сочиненій — хотя болѣе любилъ его одушевленные и злые разсказы о своей жизни, о Москвѣ, о прошедшемъ — и его циническія выходки, изъ которыхъ въ особенности правилась мнѣ одна. Онъ говаривалъ часто, что жалѣетъ о тѣхъ временахъ, когда можно было жениться по заказу и не видать въ глаза жены. Я хохоталъ этому, но, внутри себя, считалъ невозможностью рѣшимость на такой бракъ, не для самыхъ денегъ, разумѣется, но для многаго, что достигается посредствомъ денегъ.

Виталинъ жилъ порядочнѣе прежняго, но старая страсть попадать въ неоплатные долги еще его не оставила. Часто бывалъ я свидѣтелемъ забавныхъ сценъ его съ кредиторами.

Разъ какъ-то я пришелъ къ нему очень-рано. Онъ лежалъ еще въ постели, а передъ нимъ, по серединѣ комнаты, стоялъ юноша въ чиновническомъ фракѣ, съ физіономіею птицы, которой носъ осѣданъ былъ золотыми очками. Онъ жарко оратерствовалъ и размахивалъ руками.

— Почтеннѣйшій мой, говорилъ, потягиваясь, Виталинъ: вѣдь мнѣ васъ жаль, право, вы на извозчикахъ проѣздите гораздобольше того, что я вамъ долженъ.

— Вы-же еще мнѣ это говорите? возразилъ птицеподобный человѣкъ, съ трагическимъ укоромъ: я вамъ давалъ, какъ московскому пріятелю, безъ росписки.

— Эхъ! отвѣчалъ зѣвнувши и съ маленькою досадою Арсеній: кто-же вамъ велѣлъ? Думаете-ли вы, что пріятны очень подобныя посѣщенія?

— Такъ вы меня гоните? спрашивалъ тотъ съ чувствомъ глубоко-оскорбленнаго достоинства.

— Вы меня не хотите понять, спокойно сказалъ Арсеній.... Дѣло въ томъ только, что вещи такъ не дѣлаются. Люди порядочные подадутъ ко взысканію, но будутъ говорить пристойно и весело.

— Да, а по-московски не такъ, кричалъ птичій носъ: по-московски — выскажешь, что на душѣ есть, а потомъ зла не помнишь.

— Деликатно, — неправда-ли, какъ ты думаешь? обратился ко мнѣ Виталинъ.

— Вы-же еще смѣетесь, говорилъ птичій носъ.

— Да, что же дѣлать-то? Нѣтъ денегъ ни копѣйки нынче, отвѣчалъ мой пріятель. Хотите, я вамъ дамъ роспиcку?

Побѣжденный такимъ великодушіемъ, птичій носъ затянулся Жуковымъ и ушолъ.

Мы оба хохотали до-упаду.

Я бывалъ свидѣтелемъ не одной такой сцены и въ каждой изумлялся всегда непобѣдимому хладнокровію Виталина.

Ежедневно вечеромъ являлась къ намъ Склонская, которая жила также на дачѣ. Эта женщина была въ состоянiи изумить даже меня, потому-что я какъ-то не вѣрю въ женскую характерность.

Когда она приходила, ни онъ, ни я не измѣняли предмета разговора, каковъ-бы этотъ разговоръ ни былъ, ибо мы считали ее себѣ равною.

Она уходила обыкновенно въ 10 часовъ.

Тогда для Виталина начиналось единственное состояніе души, котораго онъ не хотѣлъ раздѣлять даже съ нею, состояніе невыносимой тоски, особенно въ свѣтлыя петербургскія ночи. Мы уходили съ нимъ къ Невѣ, — но онъ шелъ со мною, вовсе не надѣясь и не ища исцѣленія. Свѣтлая ночь, кажется, раздражала его еще болѣе. Рѣчи его становились полны сухой, безнадежной иронiи; на все, что окружало его — для него налегало страданіе.

— Это одно, чего я не могу пересилить, говаривалъ онъ мнѣ часто.

Мысль-ли объ Антонiи, иное-ли что отравило его существованіе, этого узнать мнѣ не удалось. Изъ темныхъ намѣковъ, могъ я догадываться, что, кромѣ встрѣчи съ Антонiею, была для него еще роковая встрѣча. Антонiя отравила ему любовь, — но для него была также отравлена истина.

Впрочемъ истина полная едва-ли-бы его и успокоила. Онъ какъ-то былъ всегда наклоненъ къ мистицизму.

Такъ текла наша жизнь, однообразная, свободная, почти безъ заботъ и безъ будущаго,—до встрѣчи съ однимъ.... существомъ, потому-что этого существа я не рѣшаюсь назвать человѣкомъ. Встрѣча эта неизмѣнила ничего во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но на сердцѣ каждаго изъ насъ начертила она неизгладимое, но-

вое слово разъубѣжденія, — но въ душѣ Виталина потрясла она основу его вѣрованій, ту мысль, что то, чего ждетъ живая душа, непремѣнно рано или поздно сбывается.

Это была встрѣча — съ Антошею.

О немъ — когда-нибудь послѣ.

До свиданія!

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МЕЛОДІИ.

1.

Слышишь на деревьяхъ
Шепчутся листочки?...
Слышишь нѣжный говоръ
Рѣчки шаловливой?
Съ рѣчью ихъ простою
Рѣчь свою смѣшаемъ:
Сердце и природа
Двѣ сестры родныя.

2.

Сѣдыя по морю идутъ сердито волны
И мой корабль плыветъ къ далекимъ берегамъ;
Стихія бурная и я — мы оба по́лны
И жизни, и страстей....
И возмущаютъ насъ нежданныя напасти;
Мы оба то враги, то нѣжные друзья:
То я по временамъ у моря въ сильной власти,
То море бурное во власти у меня.

К. САЗОНОВЪ.

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ 12.

ПЕТЕРБУРГЪ И ВОДА.

Купаются-ли въ Петербургѣ?—Прежняя и нынѣшняя метода леченія. — Гидропатія и гидроманія. — Гидрофобы. — Любители воды. — Жители Галерной-гавани. — Петербургскіе поэты. — Господинъ Бенедиктовъ и его морскія стихотворенія. — Четверной союзъ въ русской поэзіи. — Лермонтовъ. — Мужики и канавы. — Катанья въ яликахъ и ялботахъ. — Водяная привязанность барышень. — Рыболовство въ Петербургѣ. — Тони и заколы. — Ловля щепокъ. — Купанья. — Ванны въ Петербургѣ. — Школа плаванія Гиршеля. — Дамскія ванны. — Комическая сторона купающагося человѣчества. — Сцена въ одной изъ лучшихъ петербургскихъ ваннъ.

Недавно въ Парижѣ вышла книга *Paris dans l'eau*, въ которой очень-остроумно описываются разнаго рода заведенія, учрежденныя для удовлетворенія страсти Парижанъ къ плаванію, и нравы парижскихъ *купальщиковъ*, — если такъ можно перевести слово les baigneurs. Въ такомъ-же родѣ появилась статья въ извѣстномъ изданіи *Le diable à Paris*, подъ названіемъ *Une journée à l'école de natation*. — Прочитавъ и книгу и статью, одинъ изъ нашихъ пріятелей сдѣлалъ намъ слѣдующій вопросъ: «А что́ въ Петербургѣ то-же когда-нибудь купаются?» Вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ смѣшонъ, какъ кажется, и въ отвѣтъ на него мы молчаливо, съ полнымъ уваже-

нѣмъ склонялись передъ человѣкомъ, который даже и не зналъ, что въ Петербургѣ существуютъ люди, которые купаются иногда даже три мѣсяца въ году, во-время такъ-называемаго «лѣта».—

Въ-самомъ-дѣлѣ, глядя на бо́льшую часть петербургскаго народонаселенія, нечувствующаго необходимости погружаться въ воду, въ тѣ дни, когда она допускаетъ это, и видя въ тоже время, что люди это точно также здоровы или больны, какъ и купающіеся, — невольно приходитъ на мысль сомнѣніе во всемогуществѣ гидропатіи и грефенбергскаго леченія. Было время, когда стаканъ холодной воды, выпитой больнымъ, долженъ былъ, по словамъ медиковъ, непремѣнно свести его въ могилу. Теперь въ больнаго льютъ воду, какъ въ бездонную бочку. А больные мрутъ и теперь, какъ умирали прежде. Вся разница только въ томъ, что, слѣдуя старинной методѣ, смерть происходила, по словамъ тѣхъ-же медиковъ, отъ-того, что больной выпилъ нѣсколько глотковъ воды, а по нынѣшней системѣ, человѣкъ умираетъ отъ того, что выпилъ очень-мало воды, менѣе, чѣмъ было предписано докторами. Неизвѣстно также, отъ излишества или отъ недостатка легче было умирать покойникамъ. Офиціально объ этомъ никто изъ нихъ не разсказывалъ.

Но не смотря на всеобщую водоманію, угрожающую совершеннымъ истребленіемъ другой, то-же очень-любопытной медицинской системы, нѣкогда сводившей съ ума весь Петербуръ и лечащей неосязаемыми снадобьями, разведенными въ невидимой жидкости и приносящими незамѣтную пользу, — не-смотря на всеобщее распространеніе гидріатическихъ заведеній, искусственныхъ минеральныхъ водъ и купальныхъ шкафовъ, — въ Петербургѣ все еще очень-мало гидропатовъ, особенно между настоящими, кореннымъ Петербуржцами, незараженными вреднымъ духомъ новизны и моды. Эти господа смотрятъ настоящими гидрофобами, боятся воды, какъ огня, и хотя на своихъ *теплыхъ* мѣстечкахъ живутъ ка́къ рыбка въ водѣ, и часто даже удятъ въ ней рыбу, особенно въ мутной, — но ужасно ка́къ не любятъ выводовъ на чистую воду. Впрочемъ ихъ и водой не замутишь, такъ искусно у нихъ спрятаны въ нее всѣ концы...

Между-тѣмъ, Петербургъ преимущественно городъ водяной, и въ немъ было-бы гдѣ покупаться и поплавать, если-бы не мѣшало купанью странное раздѣленіе временъ петербургскаго года, изъ которыхъ семь мѣсяцевъ приходится на зиму, четыре на осень, одинъ на весну, а остальные на лѣто. Одна Нева чистотою и вкусомъ воды своей поспоритъ со всѣми рѣками Европы.

И па сколько еще разныхъ Невъ и Невокъ, большихъ, малыхъ и среднихъ, раздѣляется она! Сколько впадаютъ въ нее и выходятъ изъ нея рѣчекъ и каналовъ, Фонтанка и Мойка, Лиговка и Ждановка, и наконецъ, знаменитая Таракановка, напоминающая своимъ видомъ и запахомъ адскую рѣку древнихъ — Коцитъ, составленную изъ слезъ осужденныхъ грѣшниковъ, и по свидѣтельству Овидія, рыцаря печальнаго образа временъ Августа, — страшно-вонявшую.

Всѣхъ болѣе привязаны къ водѣ жители Галерной-гавани Несмотря на благоразумныя мѣры Правительства, которое отвело и распланировало для нихъ другое, болѣе возвышенное мѣсто, они все еще не рѣшаются разстаться съ ихъ жилищами, къ которыя. при малѣйшемъ невскомъ вѣтрѣ, приходитъ навѣстить ихъ влажная стихія, не всегда доброжелательная къ Петербургу, доказательствомъ чему служатъ прежнія частыя наводненія, въ которыя не разъ

Всплывалъ Петрополь, какъ Тритонъ,
Водой отвсюду окруженъ.

Жители Галерной-гавани, по своей любви къ морскимъ удовольствіямъ, должны быть также нѣсколько сродни Тритонамъ, состоявшимъ въ свитѣ его мокраго величества Нептуна, обладателя морей, титулъ, какъ извѣстно, въ настоящее время перешедшій, вѣроятно, по наслѣдству, къ державѣ, распѣвающей на всѣхъ моряхъ:

Rule Britannia the waves!

Послѣ жителей Галерной-гавани, воду въ Петербургѣ любятъ больше всѣхъ петербургскіе поэты. Эта любовь доказывается не купаньемъ и не питіемъ воды, — до послѣдняго они, напротивъ, большіе не охотники, хотя имъ часто бываетъ море по колѣна,— а воспѣваніемъ воды. По слѣдамъ Пушкина, всѣ поэты наши непремѣнно хоть разъ въ ихъ стихотворной жизни пѣли море, Неву, животворную влагу, или что-нибудь тому подобное. Господинъ Бенедиктовъ, — кромѣ *Озера*, *Бури* и *Тиши*, *Двухъ рѣкъ* и другихъ тому подобныхъ *водяныхъ* стихотвореній, посвятилъ *Морю* одиннадцать страницъ стиховъ, и какихъ стиховъ?—отъ которыхъ приходятъ въ азартъ всѣ чиновники и таютъ всѣ барышни. Какихъ чудесъ не видитъ въ морѣ господинъ Бенедиктовъ! Спокойно ли оно, поэтъ говоритъ:

Ты сны навѣваешь на душу мою,
Свинцовая дума въ тебѣ потопула,

Мечта лобызаетъ поверхность твою!
Отрадна, мила мнѣ твоя безконечность,
Въ тебѣ мнѣ открыта красавица-вѣчность!...

Послѣ этой *красавицы-вѣчности*, этой гигантской метафоры, передъ которой положитъ въ ротъ палецъ удивленія любой восточный поэтъ, господинъ Бенедиктовъ видитъ, какъ

. . . Небеса и море дремлютъ
И ночь, одѣянною мглой,
Какъ дѣву смуглую объемлютъ
И обнялись между-собой!

Каково положеніе этой *смуглой дѣвы*, черезъ которую обнялись небо и море—поэтъ не описываетъ, и сыплетъ далѣе удивительными стихами:

Солнце съ моремъ дружбу водитъ,
Солнце на ночь къ морю сходитъ, —
Вышло — по-небу летитъ,
Съ неба на-море глядитъ.

Стихи эти мастерское подражаніе нашимъ народнымъ сказкамъ

Какъ на морѣ-окіанѣ
Да на островѣ Буянѣ
На песку морскомъ лежитъ
Чудо-Юда рыба китъ.

Потомъ господинъ Бенедиктовъ описываетъ бурю, во-время которой

Всталъ изъ бездны мутный валъ,
Какъ боецъ онъ озираетъ
Взрытыхъ водъ степную ширь,
Рыщетъ, пѣнится, сверкаетъ
Среброглавый богатырь.

Давши волнѣ фамилію *среброглаваго богатыря*, поэту, вѣроятно, показалось, что это еще мало, и онъ обрисовываетъ ее еще лучше:

Когда надъ тобою (т. е. надъ моремъ) накатятся тучи
И вѣтеръ ударитъ по влагѣ крыломъ,

И валъ твой разгульный, твой витязь могучій
Серебрянымъ гребнемъ заломитъ шеломъ, —

тогда — говоритъ господинъ Бенедиктовъ, — при этакомъ удивительномъ происшествіи —

Дичусь я раскаты валовъ твоихъ зрѣть....

тогда —

. . . Если-бъ взоръ мой упалъ на тебя,
Тобою-бы дико душа взлюбовалась,
И взбитому страстью, тебѣ-бъ показалась
Обидной насмѣшкой улыбка моя. —

Но мы-бы никогда не кончили, если-бы вздумали припоминать всѣ красоты поэзіи Г. Бенедиктова, глубокой, какъ самое море, которое онъ такъ краснорѣчиво описывалъ. Это удивительное стихотвореніе оканчивается еще удивительнѣйшимъ желаніемъ. Поэтъ, сказавши:

И рвусь и грызу я оковы земли,

продолжаетъ:

Какъ жадно сроднился-бъ съ твоими волнами!
Какъ пламенно бился-бъ съ родными на смерть.
Я понялъ-бы бури музыку святую,
Душой поглотилъ-бы твой царственный гнѣвъ,
Забылъ пѣсни нѣги, и пѣснь громовую
Настроилъ подъ твой гармоническій ревъ.

Очевидно, что *проглотивши царственный гнѣвъ моря*, поэту больше ничего не оставалось, какъ положить перо и дать отдохнуть читателямъ отъ этого океана звучныхъ стиховъ и поразительныхъ мыслей.

Послѣ подобнаго стихотворенія не мудрено, что петербургскіе поэты пріобщили и *море* къ числу предметовъ, съ любовью ими воспѣваемыхъ, къ *лунѣ*, *дѣвѣ* и *чашѣ*. Отнынѣ этотъ четверной союзъ между луною, дѣвою, чашею и моремъ крѣпокъ, вѣченъ и неразрушимъ.

Самъ Лермонтовъ, эта падучая звѣзда на горизонтѣ русской литературы, воспѣвалъ въ своей безсмертной поэмѣ *Демонъ*, и море, и волны и

Ихъ безконечные походы,
Богъ вѣсть откуда и куда.

Не-смотря на то́, что стихи были превосходны, Лермонтовъ, строгій къ самому-себѣ, выбросилъ эту строфу, при послѣдующихъ передѣлкахъ своей поэмы.

Послѣ поэтовъ, въ Петербургѣ больше всѣхъ любятъ воду *мужики*. Цѣлыми группами висятъ они по-временамъ на перилахъ мостовъ и рѣшоткахъ набережныхъ, смотря на воду и перебрасывая между-собою изрѣдка разныя непечатныя восклицанія. Въ-особенности, въ вечернее, теплое время, почти всѣ канавы бываютъ унизаны рабочимъ классомъ русскаго народа, флегматически глазѣющимъ внизъ, и, для разнообразія, поругивающимся между-собою. Мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда на водѣ происходитъ какая-нибудь *оказія*. Завязнетъ-ли барка, нагруженная до́-верху въ аркахъ какого-нибудь моста, соберется-ли на плоту толпа бабъ полоскать бѣлье и колотить его вальками, — русскаго народу соберется цѣлая гибель, — это дѣло извѣстное; — но если даже ничего подобнаго не происходитъ на спокойныхъ волнахъ Невы, Мойки или Фонтанки, — вы всегда можете встрѣтить толпы армячнаго и зипуннаго народонаселенія, облокотившагося на перила и смотрящаго въ канаву, хотя-бы по ней не плыло ни щепки. На что́ смотритъ весь этотъ народъ, чего онъ дожидается, объ чемъ онъ думаетъ, по-временамъ поплевывая на воду — это секретъ между нимъ и петербугскими канавами, котораго мы не беремся изслѣдовать.

Кромѣ простой, такъ-сказать, *наглядной* привязанности къ водѣ, въ нѣкоторыхъ индивидуумахъ существуетъ страсть къ ней, какъ къ мѣсту прогулки. Покататься въ яликѣ, для иныхъ — величайшее наслажденіе въ мірѣ. Въ-особенности подобныя катанья любятъ Коломна, Пески, Полки и другія патріахальныя части города. Чиновникъ, живущій въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, и можетъ доставать бо́льшаго удовольствія своему семейству, какъ предложить ему съѣздить покататься въ ялботѣ на Крестовскій и обратно. При одной мысли о такой поѣздкѣ, коломенскія барышни прыгаютъ выше потолка. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое удовольствіе для нихъ сидѣть въ ялботѣ, подъ зонтикомъ, на красныхъ подушкахъ, толщиною въ полъ-пальца, подлѣ услужливыхъ кавалеровъ, разсказывающихъ разныя остроумныя вещи; какъ пріятно вскрикивать отъ страху при малѣйшемъ неровномъ движеніи лодки, и на успокоенія тѣхъ-же кавалеровъ, увѣряющихъ въ томъ,

что нѣтъ никакой опасности, отвѣчать: «Ахъ, подите! я такъ *нервозна*,» или въ русскомъ переводѣ: «Я такъ *пужлива*», если воспитаніе барышни ограничивалось коломенскими пансіонами. — Барышни, живущія по дачамъ, не только большія охотницы кататься, но чрезвычайно любятъ сами править лодкою и грести, что́ бываетъ предметомъ неистощимыхъ чиновническихъ каламбуровъ, произносимыхъ однако-же на-ухо. Въ хорошіе лѣтніе, и въ-особенности, праздничные дни, всѣ канавы бываютъ усѣяны лодками и ялботами, отвозящими цѣлыя семейства на Крестовскій, подъ Горку, въ Екатерингофъ, на Вольный-островъ и другія, не слишкомъ-аристократическія мѣста.

Есть еще одинъ классъ лицъ, правда, весьма-немногочисленный, которому вода доставляетъ другаго рода удовольствіе: ловить рыбу. Ловля эта удочками производится впрочемъ весьма-рѣдко. Ею занимаются больше всего уличные мальчишки, въ отдаленныхъ приневскихъ частяхъ города. Въ каналахъ рыба появляется очень-рѣдко. Но есть лица, которыя чуть не всякій день закидываютъ тони на-счастье. Это занятіе у нѣкоторыхъ дѣлается пассіею, маніею, болѣзнію. Приверженцы этого рода удовольствій обыкновенно не смотрятъ на то́, что́ ловится,— имъ-бы только ловить. Съ трепетомъ сердца слѣдятъ они за погруженіемъ въ воду невода или мрежи, за кругами, расходящимися по водѣ, за струею, бѣгущею за лодкой, и едва сѣть выброситъ къ нихъ ногамъ кучу разныхъ мелкихъ рыбицъ, перемѣшанныхъ съ травою и старыми лаптями, какъ они тотчасъ-же торопятъ рыбаковъ снова закидывать сѣти. У этихъ господъ есть свои рыболовныя примѣты и повѣрья, есть счастливые и несчастные дни, часы, въ которые слѣдуетъ или не слѣдуетъ ловить рыбу. Для того, чтобы улучшить удобную минуту, они иногда не спятъ цѣлыя ночи сряду, или встаютъ, когда другіе ложатся. Въ самую дурную погоду, при извѣстномъ вѣтрѣ, отправляются они иногда за нѣсколько верстъ, на козлы или заколы, для того, чтобы поймать пару ряпушекъ. Мелкіе купцы и чиновники болѣе всего привязаны къ этому роду занятій. На самыхъ топяхъ, ближайшихъ къ столицѣ, всегда множество народа, слѣдящаго со вниманіемъ за каждымъ движеніемъ ворота, которымъ тянутъ неводъ. Стоитъ только постороннему лицу закинуть тоню *на-счастье*, чтобы сдѣлаться предметомъ толковъ этой праздной массы, которая тотчасъ начнетъ давать совѣты, обсуживать каждое движеніе рыбаковъ и даже осмѣивать бросавшаго тоню, если онъ ничего не поймаетъ, что́ очень часто и случается, хо-

тя, въ утѣшеніе его, рыбаки разсказываютъ, что вотъ сейчасъ передъ господиномъ поймали осетра, въ-слѣдствіе чего и выкинутъ былъ красный флагъ, который вотъ только-что передъ приходомъ барина сняли. Сверхъ-того, вода многимъ бѣднымъ людямъ доставляетъ еще одну очень-большую и замѣчательную пользу, избавляя ихъ отъ значительныхъ издержекъ на покупку дровъ. Къ Каноперскому и Круглому островамъ вода прибиваетъ столько щепокъ, что ими жители сосѣднихъ деревень круглый годъ отапливаютъ свои дома, и, кромѣ-того, дѣлаютъ еще большіе запасы ихъ на слѣдующій годъ. Этотъ любопытный фактъ извѣстенъ немногимъ петербургскимъ жителямъ, но однако-же онъ дѣйствительно существуетъ.

Самое главное удовольствіе, доставляемое водою Петербургу — есть купанье. Мы говорили, что въ Петербургѣ купаются весьма немногіе, относительно его народонаселенія, но число это, взятое отдѣльно, довольно-значительно. Оно увеличивается еще замѣтно, если судьба, сжалившись надъ Петербургомъ, подаритъ ему мѣсяца полтора хорошей погоды. Разумѣется, что купанье въ открытомъ мѣстѣ всегда и всѣми предпочитается плаванью въ деревянномъ ящикѣ, часто даже закрытомъ со всѣхъ сторонъ; но подобныхъ мѣстъ въ столицѣ совсѣмъ нѣтъ, а въ окрестностяхъ ихъ мало, и они чрезвычайно-далеки. Многимъ можетъ показаться страннымъ, что въ Петербургѣ, гдѣ воды въ изобиліи, гдѣ ее очень-много течетъ внизу и достаточно падаетъ сверху, нѣтъ ни хорошаго мѣста для купанья, ни даже хорошей ванны, но это совершенно-справедливо. Рѣдкое лѣто у насъ бываетъ тепло и хорошо, выручка съ купающихся самая ничтожная, а содержаніе хорошей ванны—со всѣмъ комфортомъ—довольно-дорого. — Ваннъ въ Петербургѣ немного, но и тѣ, которыя есть, устроены весьма-некрасиво и неудобно. Обыкновенно это большой ящикъ, шаговъ въ 20-ть длины и 10-ть ширины, раздѣленный на двѣ части, одну для простаго, другую для чистаго народа. Очень-рѣдко по сторонамъ устроиваются маленькія ванны, одна или двѣ, аршинъ десять въ квадратѣ, для *семействъ* и *дамъ*. Вокругъ ящика, подъ навѣсомъ, незадерживающимъ ни мало благотворнаго дождя, попадѣланы вдоль стѣнъ простыя деревянныя лавки, неясегда гладко-выструганныя; надъ ними вбиты гвозди для вѣшанія платья; иногда на стѣнѣ, посреди ванны, прибито тусклое зеркало, въ грязной красной рамѣ; на полкѣ подъ зеркаломъ валяется обломокъ какой-нибудь гребенки, которую страшно взять въ руки. Въ ванну ведетъ лѣстница съ перилами,

къ концу перваго лѣта покрывающаяся тиною и слизью. Въ ящикѣ воды много, много, что по шею. Въ немногихъ ваннахъ раздаются и полотенца, тканыя чуть не изъ каната, длиною въ ладонь, съ особенною платою за каждое, — въ бо́льшей части ваннъ, впрочемъ, не имѣется и этой излишней роскоши. За входъ съ васъ берутъ отъ 3-хъ копеекъ сер. (minimum) до гривенника (maximum). И все тутъ. Въ немногихъ ваннахъ верхъ открытъ солнцу и вѣтру, въ остальныхъ онъ сходится остроугольнымъ сводомъ, съ небольшимъ прорѣзомъ посрединѣ. При малѣйшимъ морскомъ вѣтрѣ, ванна наполняется соромъ и щепками; на второй или на третій годъ, внутреннія стѣны ея покрываются тиной и улитками. Однимъ-словомъ, познакомясь съ нашими петербургскими ваннами, описаніе парижскихъ читаешь, какъ сказку изъ «Тысячи и одной Ночи».

Года два тому назадъ, ванна, стоявшая противъ Университета, имѣла, сравнительно съ другими подобными заведеніями, огромный комфортъ. Въ ней были отдѣльныя комнатки для раздѣванія, большая стеклянная галлерея, защищавшая отъ дождя и вѣтра, буфетъ, ду́ши, и сверхъ-того, въ самой ваннѣ всѣ удобства и прихоти купанья, доски, съ которыхъ можно было прыгать въ воду, шесты, обручи и т. п. Эта ванна въ тоже время была и школою плаванія (école de natation). Содержатель ея, Гиршель, училъ этому необходимому искусству по новой французской методѣ. Въ ней было болѣе 300 абонентовъ, и самые искусные плавальщики сходились въ ней съ лучшимъ кругомъ петербургскаго общества, потому-что плата за купанье была довольно-высока. Были лица, проводившія въ этой ваннѣ, по парижскому обычаю, больше половины дня. Она съ каждымъ годомъ принимала болѣе и болѣе лучшій видъ, какъ вдругъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, исчезла съ своего мѣста и явилась гдѣ-то въ глухомъ углу Невы, у крѣпости. Разумѣется, что съ этимъ переселеніемъ она потеряла девять десятыхъ своихъ абонентовъ и своего комфорта. Теперь лучшія ванны на Невѣ, подлѣ Адмиралтейства, и противъ нея, на другомъ берегу, также близь Литейнаго завода, но да избави Нептунъ всякаго отъ необходимости купаться въ Фонтанкѣ!

Для бѣдныхъ нашихъ дамъ еще меньше мѣстъ, гдѣ-бы онѣ могли купаться. Конечно, петербургская дама, рѣшающаяся придти въ публичную ванну — явленіе чрезвычайно-рѣдкое, но тѣмъ не менѣе однако-же существующее, потому-то еще жалче смотрѣть на женщину, рѣшившуюся пренебречь глупо-чопорнымъ

предразсудкомъ, и въ награду за свою рѣшимость неполучающую никакого удовольствія. Женскія ванны, съ неудобствомъ мужскихъ, соединяютъ еще другія неудобства.

Внѣ ваннъ, охотники купаются на взморьѣ, близъ Емельяновки, у острововъ, въ особенности у Вольнаго, гдѣ протекаетъ *Бабья* рѣчка, получившая свое характеристическое названіе отъ-того, что въ ней преимущественно купаются женщины съ сосѣднихъ береговъ. На открытомъ воздухѣ купаются обыкновенно на неглубокихъ мѣстахъ, потому-что русскій народъ вообще не очень-искусно плаваетъ, и были примѣры страшной смерти многихъ смѣльчаковъ, купавшихся на глубинѣ. Кромѣ-того, въ народѣ ходятъ странные разные слухи о рыбахъ, которыя откусываютъ у купающихся руки, ноги и прочіе члены.

Любопытное зрѣлище представляютъ въ ваннѣ господа купающіеся. Смѣшно видѣть, до какой степени многіе изъ нихъ подвержены одной слабости человѣческой натуры, называемой очень-неучтиво *трусостью*. Иногда по-получасу они не могутъ рѣшиться броситься или спуститься въ воду, обмываются, примѣриваются, пробуютъ воду, спрашиваютъ по десяти разъ о томъ, не холодна-ли она. Высоко-комическую картину представляютъ лица эти во-время приготовленія къ купанью, самаго купанья и выхода изъ ванны. Вообще человѣкъ in naturalibus, безъ своего ежедневнаго костюма, въ которомъ все поддѣльно, скрыто и прикрашено, теряетъ очень-много, и глядя на иного *льва*, превратившагося, по снятіи своей шкуры, чуть не въ верблюда, благословляешь современное просвѣщеніе, заставившее насъ, вмѣсто удивленія красотѣ и изяществу формъ, которымъ поклонялась древняя Греція, — восхищаться красотою и изяществомъ фрака съ туго-затянутой таліей, и панталонами въ натяжку, дивнымъ изобрѣтеніемъ XIX-го вѣка!

Разговоры въ ваннахъ Петербурга, города, какъ извѣстно, отличающагося своею общежительностью, чрезвычайно интересны и доказываютъ, до какой степени мы любезны и разговорчивы при встрѣчѣ съ незнакомыми лицами. Вотъ образчикъ одного изъ нихъ, самаго занимательнаго, въ продолженіе котораго словъ было истрачено гораздо болѣе, чѣмъ ихъ обыкновенно расходится круглый годъ во всѣхъ петербургскихъ ваннахъ.

(Одна изъ самыхъ лучшихъ ваннъ на Невѣ, въ которой бываетъ болѣе всего народа. Часъ четвертый. На лавкахъ, съ одномъ углу раздѣваются два чиновника, вышедшіе изъ присутствія, въ другомъ лежитъ больше одного господина

очень-сердитой наружности, плавающаго въ ваннѣ; на бильѣ, сверхъ всего орденъ св. Станислава 2-й степени. Въ третьемъ углу старикъ раздѣваетъ мальчика, чуть не плачущаго отъ-того, что ему предстоитъ удовольствіе купаться. Въ четвертомъ углу лежитъ платье другаго господина, который съ четверть часа уже стоитъ надъ водою, и хочетъ броситься въ ванну. Входитъ пріѣзжій, за нимъ мужикъ).

ПРІѢЗЖІЙ *(обращаясь къ мужику).* Такъ это у васъ лучшая ванна, любезный?

МУЖИКЪ. Самая лучшая-съ. Здѣсь всѣ енаралы купаются, и разные люди.

ПРІѢЗЖІЙ. Но она ничѣмъ не лучше той, которая на-право отъ входа.

МУЖИКЪ. Нѣтъ-съ, гораздо получше будетъ. Тамъ для тѣхъ, кто попроще-съ, и все народъ рабочій бываетъ, мы съ нихъ всего три копейки серебромъ беремъ, а здѣсь пять. Здѣсь горазно-почище будетъ-съ.

ПРІѢЗЖІЙ. Но чѣмъ-же, любезный? она такой-же величины, какъ и та, излишнихъ украшеній нѣтъ, какъ въ той, такъ и въ другой. По-крайней-мѣрѣ, не глубже-ли она?

МУЖИКЪ. Нѣтъ-съ этто помельче будетъ, для господъ.

ПРІѢЗЖІЙ. И еще помельче!.. Право не понимаю, чѣмъ-же она лучше той?

МУЖИКЪ. Какъ-же-съ не лучше, сударь? Съ той мы три копѣйки беремъ, а здѣсь пять-съ.

(Пріѣзжій, вѣроятно, убѣжденный этимъ доказательствомъ, садится на лавку, не далеко отъ бильа сердитаго господина и начинаетъ раздѣваться. Сердитый господинъ выскакиваетъ изъ воды, бросается со всѣхъ ногъ къ своему платью, отодвигаетъ его далеко отъ пріѣзжаго, укладываетъ на немъ Станислава и опять вскакиваетъ въ воду).

СТАРИКЪ *(раздѣвая сына).* Ну, ну-же, Петя, экъ разрюмился, чего испужался? вѣдь вода не кусается, какъ тебѣ не стыдно, а еще въ гусары хочешь поступить, фуй какой стрямъ!

(Мальчикъ начинаетъ мыкать довольно-громко. Чиновники шепчутся между-собою).

ГОСПОДИНЪ, ПРИГОТОВЛЯЮЩІЙСЯ ПЛАВАТЬ *(мужику).* А что, любезный, холодна сегодня вода?

МУЖИКЪ. Нѣтъ не холодна.

ГОСП. ПРИГОТ. ПЛАВ. Холоднѣе вчерашняго?

мужикъ. Нѣтъ не холоднѣе.

госп. пригот. плав. Такъ теплѣе будетъ?

мужикъ. Кажись теплѣе.

пріѣзжій (*вмѣшивался въ разговоръ*). А сколько въ ней градусовъ.

мужикъ (*удивленный*). Чего-съ?

пріѣзжій. Градусовъ... Развѣ вы не опускаете въ нее термометра?

мужикъ (*съ бо́льшимъ удивленіемъ*). Чего-съ?

пріѣзжій. Термометра, любезный, то-есть, градусника?

мужикъ. Нѣтъ, никакъ-нѣтъ-съ. А что́-же это такое-съ?

пріѣзжій. Ну если ты не знаешь даже, что́ такое градусникъ, то мнѣ-бы очень-долго пришлось объяснять это.

госп. пригот. плав. (*безпокоясь*). А что́, развѣ вы думаете что вода холодна?

пріѣзжій. Не думаю. Въ воздухѣ очень-тепло.

госп. пригот. плав. А мнѣ, право, все кажется что она холодна.

пріѣзжій (*улыбаясь*). Всего лучше объ этомъ спросить у того, кто уже въ водѣ.

госп. пригот. плав. Въ-самомъ-дѣлѣ. (*Обращаясь къ сердитому господину, который плаваетъ очень-странно, колотя по водѣ ногами.*) Позвольте спросить васъ, что́, вода холодна?

(*Сердитый господинъ издаетъ звукъ, очень-похожій на* брръ, *и продолжаетъ колотить по водѣ ногами. Господинъ приготовл. плавать, подождавъ нѣсколько времени, опять спрашиваетъ*).

А? Ка́къ вы думаете холодна вода, а?

сердитый господинъ (*обидясь*). Помилуйте, вы уже меня объ этомъ въ третій разъ спрашиваете. (*Съ досады ныряетъ*).

господ. пригот. плав. Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ, извините. Я, знаете, думалъ что если вода холодна, такъ лучше немножко обождать, не вдругъ бросаться... Можно простудится, знаете.

пріѣзжій (*между-тѣмъ, раздѣвшись, говоритъ мужику*). Послушай, любезный, ты однако не далъ мнѣ простыни.

мужикъ. Простыни? какой простыни?

пріѣзжій. Той, которою вытираются.

мужикъ. Да у насъ нѣтъ простыни. У насъ есть только полотенеца.

пріѣзжій. Ну, давай хоть полотенцо!

мужикъ. Да что́ у васъ своего нѣтъ, штоль.

пріѣзжій. Если-бъ было, то я-бы у тебя не спрашивалъ. — Принеси даже два полотенца, если нѣтъ простыни.

мужикъ. Два! все для васъ однихъ-съ?

пріѣзжій. Да, для меня одного. Что-же ты тутъ нашелъ удивительнаго?

мужикъ. Ничего-съ! Сейчасъ принесу! (*Стоитъ и чешетъ затылокъ*).

пріѣзжій. Чего-же ты еще дожидаешься?

мужикъ. Да, ваша милость, какъ деньги заплатить изволите, таперь аль послѣ.

пріѣзжій. Развѣ ты боишься, что я тебѣ не отдамъ денегъ?

мужикъ. Никакъ-нѣтъ-съ. Да вотъ вы изволили спросить два полотенца, ну, а какъ потомъ уходить будете, такъ оно, знаете, можетъ и забыться.

пріѣзжій. А у васъ случается, что забываютъ платить деньги за купанье?

мужикъ *(важно)*. Какъ-же-съ, всяко случается.

пріѣзжій (*осматриваясь*). Что, у васъ есть-ли, по-крайней-мѣрѣ, хоть гребенка или щетка, причесаться послѣ купанья?

мужикъ. Была, сударь, да должно-быть, кто-нибудь унесъ.

пріѣзжій (*пожимаетъ плечами и отдаетъ деньги*). Ты говорилъ, что за купанье берутъ по 5-ти копеекъ. Дай мнѣ сдачи.

мужикъ (*почесываясь*). Точно такъ-съ, только это маловато будетъ.

пріѣзжій. Какъ маловато... Тутъ гривенникъ лишній.

мужикъ. Да, съ вашей-то милости слѣдуетъ получить четвертакъ.

пріѣзжій. Это еще за что?

мужикъ. Да ужъ такъ приходится. За купанье-то 5 копеекъ, да вотъ за два полотенеца, за каждинное по гривеннику, такъ оно такъ и выдетъ.

пріѣзжій. Такъ у васъ купанье само-по-себѣ, а вытиранье само-по-себѣ. Прекрасный обычай. Стало-быть, такъ-какъ всякой, кто купается, непремѣнно долженъ въ тоже время и вытираться, то купанье всякому обходится въ пяти-алтынный.

мужикъ. Нѣтъ-съ, у насъ оченно-мало кто вытирается полотенцами.

пріѣзжій. Какъ очень-мало кто вытирается? Какъ-же дѣлаютъ другіе?

мужикъ. Да обнаковенно какъ-съ: кто съ собой принесетъ полотенецо, а кто и такъ, просто.

пріѣзжій. Какъ просто?

мужикъ. Да такъ-съ! оботрутся своимъ-же бѣльемъ да и пойдутъ.

пріѣзжій *(удивленный, отдаетъ мужику четвертакъ и говоритъ про-себя)*. Любопытно будетъ посмотрѣть, какъ это въ Петербургѣ вытираются *просто-такъ*.

(Старикъ въ это время совсѣмъ раздѣлъ мальчишку и тащитъ его за руку въ воду насильно. Мальчишка упирается и воетъ.)

старикъ. Петя, а Петя! Фуй какъ стыдно. Какъ-же это ты на страженьяхъ будешь, когда воды боишься. Ай, какой стрямъ! Что про тебя незнакомые дядиньки скажутъ? Ну-же, ну, иди, иди, эдакой!... Вотъ не куплю за-то флага, ей-Богу, не куплю! Фу, упрямый какой! Иди-же, слышишь!

(Силою втаскиваетъ мальчишку въ воду, и нагибаетъ ему голову, чтобы окунуть его. Мальчишка ревetъ нечеловѣческимъ голосомъ, ухватившись за шею отца. Сердитый господинъ пыхтитъ въ водѣ, какъ паровозъ. Чиновники шепчутся между собою. Пріѣзжій, которому крикъ этотъ чрезвычайно надоѣдаетъ, подходитъ къ старику.)

пріѣзжій. Послушайте, сударь, за-чѣмъ-же это вы принуждаете ребенка купаться, когда онъ этого не хочетъ.

старикъ *(удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленный)*. Я, сударь, знаю самъ, что дѣлаю. Какая вамъ до меня нужда? Я не въ такихъ лѣтахъ, чтобы меня учить, сударь. Это мой сынъ. Онъ долженъ пріучаться къ водѣ — онъ будетъ у меня военный, сударь. Какъ-же ему не купаться, когда его отецъ купается?

(Пріѣзжій, вѣроятно, убѣжденный послѣднимъ доказательствомъ, отходитъ. Господинъ, приготовляющійся плавать, говоритъ: «Что это, нѣтъ никакой возможности купаться», *и продолжаетъ смотрѣть на воду. Окунувъ мальчишку, старикъ ставитъ его на полъ, тотъ бѣжитъ, садится въ уголъ и хнычетъ, но ужъ гораздо-тише. Пріѣзжій подходитъ къ чиновникамъ.)*

пріѣзжій. Позвольте спросить, господа, что это здѣсь лучшая ванна, или есть другія... я вчера только-что пріѣхалъ сюда и въ первый разъ въ Петербургѣ.

(Первый чиновникъ смотритъ на втораго и молчитъ, второй смотритъ на перваго и также молчитъ.)

ПРІѢЗЖІЙ. Я большой охотникъ до купанья и потому мнѣ хотѣлось-бы знать, гдѣ въ Петербургѣ лучшая школа плаванья?

(*Первый чиновникъ мычитъ что-то непонятное. Второй отвѣчаетъ съ разстановкой.*)

То-есть оно какъ угодно-съ!... Смотря по вкусамъ-съ... Есть и въ другихъ мѣстахъ-съ. Смотря по тому....

ПРІѢЗЖІЙ. Кажется, въ Петербургѣ не много охотниковъ купаться. Сегодня такой жаркій день и здѣсь такъ мало народа.

(*Первый чиновникъ дѣлаетъ недовольную физіономію, обидясь тѣмъ, что его назвали «народомъ». Второй не отвѣчаетъ ни слова, бѣжитъ со всѣхъ ногъ отъ пріѣзжаго и бросается въ воду. Пріѣзжій съ удивленіемъ оглядывается вокругъ. Сердитый господинъ вылезаетъ изъ воды, идетъ къ своему платью, отряхается, рукою стираетъ съ себя брызги воды, потомъ вынимаетъ изъ кармана красный полушолковый платокъ, обтираетъ имъ ноги, голову, грудь, послѣ всего лицо, и опять прячетъ платокъ въ карманъ. Господинъ приготовляющійся плывать спрашиваетъ у чиновника, бросившагося въ воду:*

А что, какъ вода холодна?

(*Чиновникъ не отвѣчаетъ ни слова и плаваетъ, закидывая руки впередъ и отдуваясь.*)

ПРІѢЗЖІЙ (*съ любопытствомъ смотрѣвшій на вытиранье сердитаго господина, подходитъ къ нему*). Что, эта ванна глубока?

(*Сердитый господинъ отвѣчаетъ «брръ» и продолжаетъ одѣваться.*)

ПРІѢЗЖІЙ. Вы довольно-долго были въ водѣ.

(*Сердитый господинъ опять отвѣчаетъ «брръ» и оборачивается къ нему спиною.*)

ПРІѢЗЖІЙ. Скажите, здѣсь нигдѣ не учатъ плавать?

(*Сердитый господинъ торопится надѣть своего Станислава и грозно взглядываетъ на пріѣзжаго. Въ это время и другой чиновникъ бросился со всего размаха грудью объ воду, забрызгавъ пріѣзжаго.*)

ГОСП. ПРИГОТ. ПЛАВ. (*ко второму чиновнику*). Что, какъ сегодня вода, холодна, а?

ВТОРОЙ ЧИНОВНИКЪ. Да!

(*Господинъ приготовляющійся плавать, совѣмъ-было уже вальзшій въ ванну, останавливается и садится въ раздумьи на край ванны. Пріѣзжій, съ недоумѣніемъ постоявшій еще*

нѣсколько времени подлѣ сердитаго господина, входитъ наконецъ въ воду.)

госп. пригот. плав. *(къ пріѣзжему)*. Что, какъ для васъ вода, холодна, а?

пріѣзжій. Нѣтъ!

(Господинъ приготовляющійся плавать, начинаетъ по-немножку мочить себѣ голову и отирать грудь водою, произнося по временамъ: огогогого!... брръ и т п.

старикъ (*изъ воды*). Петя! куда ты тамъ запрятался! Поди сюда! Трусъ этакой! Поди, поплавай у меня на рукахъ... Боишься? а? Фи, какой! ужасти! Поди, хоть разъ окунись. Поди-же, когда тебя папенька зоветъ. Какъ ты смѣешь меня не слушаться! Вотъ я тебя! и гусарскаго мундира не сошью, ей-Богу не сошью! Этакой дряпной мальчишка! Пойдешь-ли ты ко мнѣ, наконецъ?

(Старикъ, видя, что сынъ и не сбирается идти къ нему, наконецъ вылѣзаетъ изъ ванны, схватываетъ мальчишку и тащитъ его въ воду, при громкомъ крикѣ мученика. Въ водѣ возится съ нимъ, хочетъ непремѣнно заставитъ его плавать. Тотъ упирается, барахтается и проч. Во-время этой сцены сердитый господинъ уходитъ, а чиновники и пріѣзжій выходятъ изъ воды.)

госп. пригот. плав. Ну что, господа, какъ вода, а?

(Никто не отвѣчаетъ ему. Чиновники торопятся одѣваться. Пріѣзжій тоже молчитъ и думаетъ:

Нѣчего сказать, на любезныхъ людей я попалъ; если въ Петербургѣ и всѣ такъ разговорчивы, то общественная жизнь въ немъ должна быть очень-занимательна.

(Старикъ наконецъ выпускаетъ мальчишку и вылѣзаетъ изъ воды. Чиновники уходятъ. Господинъ приготовляющійся плавать опускаетъ наконецъ одну пятку въ воду. Пріѣзжій одѣвается молча, старикъ оканчиваетъ раньше его свой туалетъ и при выходѣ бранится съ мужикомъ, требующимъ и за мальчишку 5 *копеекъ серебромъ.*

старикъ. Что ты, что ты, живодеръ этакой! Ты и съ младенца-то хочешь содрать... Ну, много-ли ребенокъ накупался? Что-жъ, воду у тебя что-ли испортилъ? Съ каждаго человѣка брать велѣно! Ну, хоть-бы и съ каждаго! Что, сынъ-то мой развѣ человѣкъ?

(Не-смотря на это убѣжденіе, мужикъ настаиваетъ. Старикъ рѣшительно не хочетъ платить и уходитъ. Мужикъ

посылаетъ въ-слѣдъ ему нѣсколько энергическихъ восклицаній. Пріѣзжій улыбается и идетъ за нимъ.)

МУЖИКЪ (*останавливая его въ дверяхъ, чешетъ въ головѣ*). На чай, если вашей милости угодно будетъ.

ПРІѢЗЖІЙ (*все болѣе и болѣе изумляясь*). Помилуй, любезный, за что́-же еще на чай?

МУЖИКЪ. Да я вашей милости служилъ, два полотенеца припесъ.

ПРІѢЗЖІЙ. И взялъ съ меня за нихъ двугривенный.

МУЖИКЪ. Да это, милость ваша, деньги хозяину пойдутъ, а я вашей милости служилъ.

(Пріѣзжій молча даетъ ему деньги и уходитъ. Мужикъ дѣлаетъ неопредѣленную гримасу и идетъ за нимъ.)

ГОСП. ПРИГОТ. ПЛАВ. (*вынимая назадъ изъ воды пятку*). Нѣтъ! Кажется, сегодня вода очень-холодна!...

СМѢСЬ.

АКТЕРЪ МАКЪ-ГРЕГОРЪ.

Въ 177... году близъ древняго Эдимбурга высился уже новый городъ, соперничествующій въ настоящее время со многими столицами Европы. Другіе города Шотландіи также содѣйствовали процвѣтанію ея, и Гласговъ, милый Гласговъ, лежащій въ Клейдской долинѣ, расширялся быстро, между-тѣмъ, какъ въ немъ развивалась промышленость всѣхъ родовъ, способствующая благосостоянію трудолюбиваго народа.

Горцы мало-по-малу оставляли свои кланы, чтобы присоединиться къ соотечественникамъ, близъ которыхъ они обрѣтали удобства жизни, не прибѣгая къ похищенію скота или хлѣба; были, правда, еще нѣкоторые неукротимые, буйные воины, нѣсколько начальниковъ фамилій, которые, гордясь своими дикими преимуществами, упрекали трудолюбивыхъ земляковъ своихъ въ малодушіи, точно *Робъ-Рой* Вальтеръ-Скота упрекаетъ своего двоюроднаго брата Джерви; но поколѣніе горцевъ постоянно уменьшалась и сходило съ высотъ, ища просвѣщенія и богатства въ долинахъ.

Весь Гласговъ перестроивался, деревянные дома исчезали, улицы расширялись и выпрямлялись, мѣстами воздвигались памятники, и искусства Англіи проникали въ шотландскій городъ.

Въ Гласговѣ былъ даже театръ, на которомъ играли піесы Шекспира! Какъ ихъ играли — объяснить трудно; но, вѣроятно, подобное представленіе было весьма-любопытное зрѣлище для какого-нибудь лондонскаго денди, потому-что три четверти народонаселенія Гласгова говорили еще по шотландски, а половина

актеровъ состояла изъ горцевъ, игравшихъ прежде на волынкахъ или распѣвавшихъ по улицамъ баллады. Кромѣ-того, между этими комедіянтами были два или три цыгана, которыхъ въ Англіи называютъ *Gipsies*, и которые съ большимъ усиліемъ декламировали стихи Шекспира, съ произношеніемъ, въ которомъ была смѣсь арабскаго, итальянскаго и англійскаго.

Это было дѣтство искусства, между-тѣмъ, какъ въ Англіи, въ тоже-самое время, Гаррикъ возвелъ драматическое искусство на самую высокую степень. Однако-жъ и въ труппѣ, о которой мы упомянули, былъ актеръ, которому позавидовалъ-бы и Лондонъ, если-бъ этотъ актеръ могъ отвыкнуть отъ шотландскаго произношенія. То былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, высокій ростомъ, съ мужественнымъ и красивымъ лицомъ; всѣ движенія, всѣ позы его обладали величественною и гордою гибкостью, свойственною горцамъ: его звали Макъ-Грегоромъ, и разсказывали о немъ чудеса храбрости и неустрашимости. Это былъ одинъ изъ тѣхъ несчастливцевъ, которыхъ судьба создаетъ или слишкомъ-рано или слишкомъ-поздно, въ отношеніи къ понятіямъ вѣка. Родись онъ сто лѣтъ прежде, и прославился-бъ въ кровавыхъ битвахъ обитателей высотъ; родись онъ пятьдесятъ лѣтъ позже, и просвѣщеніе смягчило-бъ грубую кору, округлило-бъ жосткій характеръ его, и содѣлало-бъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ войнѣ, наукахъ или искусствахъ.

Макъ-Грегоръ, поэтъ и музыкантъ, былъ привлеченъ въ Глазговъ цивилизаціей, и не будучи въ состояніи подчиниться прозаическимъ условіямъ торговли, сдѣлался актеромъ, — однимъ изъ рѣдкихъ актеровъ, вполнѣ обладающихъ способностью приковать къ себѣ все вниманіе, все участіе собравшейся толпы. Казалось, сама природа одарила его электрическимъ токомъ, посредствомъ котораго онъ находился въ постоянной связи съ зрителями. Лишь-только онъ выходилъ на сцену, вся публика видѣла и слушала только его; къ нему обращались всѣ рукоплесканія, ему принадлежала симпатія, сближающая публику съ актеромъ и внушающая всѣмъ вообще страсти, выражаемыя на сценѣ.

Когда имя Макъ-Грегора появлялось на аффишѣ, театръ бывалъ полонъ. Макъ-Грегоръ сдѣлался народнымъ въ Глазговѣ, а между-тѣмъ онъ избѣгалъ общества молодыхъ людей и даже гражданъ, которые очень желали-бъ принимать его у себя въ домѣ. По прихоти-ли или по разсчету артиста, онъ тѣмъ-болѣе старался удалять отъ себя свидѣтелей ежедневной жизни его, чѣмъ-болѣе благородной ловкости придавалъ онъ своимъ ролямъ; артистъ-горецъ, можетъ-быть, инстинктивно угадалъ правило:

Major e longinquo reverentia.

Иногда, на улицѣ, какой-нибудь гражданинъ нечаянно встрѣчалъ граціозное и задумчивое лицо артиста; въ такомъ случаѣ Макъ-Грегоръ обыкновенно закрывался своимъ тартаномъ и уходилъ

въ узенькіе переулки стараго города, вмѣшивался въ толпы простаго народа или возвращался въ уединенный домикъ, въ которомъ онъ жилъ одинъ.

Такъ-какъ Макъ-Грегоръ занималъ первыя роли, а именно любовниковъ, такъ-какъ на сценѣ любовникъ почти всегда любимъ взаимно, и такъ-какъ, наконецъ, казалось, что молодой дѣвушкѣ трудно не плѣниться такимъ стройнымъ красавцомъ, съ выразительными глазами и очаровательнымъ органомъ, то, когда дѣло шло о счастливомъ любовникѣ, или о любимцѣ прекраснаго пола, Глазговцы обыкновенно говорили:

— Онъ настоящій Макъ-Грегоръ!

До такой степени красота и дарованіе молодаго актера плѣнили всѣхъ жителей Глазгова.

Роль, въ которой Макъ-Грегоръ былъ особенно хорошъ, есть именно та, для исполненія которой Англичане непремѣнно требуютъ соединенія трехъ качествъ, рѣдко встрѣчаемыхъ вмѣстѣ и въ одинаковой мѣрѣ: молодости, граціозности и красоты, — а именно роль *Ромео*. Въ чорномъ костюмѣ, со свѣжимъ бѣлымъ и розовымъ лицомъ, съ нѣсколько-презрительнымъ выраженіемъ рта, смѣлый горецъ былъ для соотечественниковъ своихъ совершеннымъ типомъ смѣлаго любовника, покинувшаго Розалинду и полюбившаго прелестную Жюльетту, дочь врача фамиліи его. Всѣ понимали поэта, разсказывающаго, что для плѣненія Жюльетты, Ромео достаточно было одного взгляда, одного пожатія руки на балу; и когда молодая дѣвушка открываетъ любовь свою простымъ восклицаніемъ:

O my sweet Romeo!

по всѣмъ ложамъ слышался легкій шопотъ и говоръ, какъ-бы всѣ глазговскія дамы повторяли слова актрисы.

Въ этомъ мірѣ наружность обманчива, и самые общепринятые, самые упроченные факты суть заблужденія...

Макъ-Грегоръ не былъ счастливъ... никому и въ умъ не пришла-бы причина его несчастія: онъ любилъ — безнадежно.

Близъ дома, занимаемаго имъ въ Ольдъ-Стритѣ жила молодая дѣвушка, происходившая изъ клана, нѣкогда враждовавшаго съ кланомъ, въ которомъ родился Макъ-Грегоръ. Она не была одарена особенною красотою, но обладала душою твердою, энергическою.

Макъ-Грегоръ полюбилъ ее, и вскорѣ эта страсть овладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душою его. Онъ заслужилъ дружбу и довѣренность отца ея; такъ-какъ домъ его былъ смеженъ съ садомъ, принадлежавшимъ отцу возлюбленной его, то Макъ-Грегоръ выпросилъ у него позволеніе пробить въ садъ дверь, и съ помощію этого средства сообщенія, онъ могъ видѣть каждый день ту, которую такъ страстно любилъ, не повѣряя никому своей тайны.

Отецъ, забывая родовую ненависть, соглашался выдать дочь свою за молодаго артиста; званіе Макъ-Грегора казалось добро-

му Шотландцу достойнымъ уваженія, доходнымъ и даже славнымъ; кромѣ-того, у актера въ горахъ былъ клочекъ земли, нѣсколько стадъ, порученныхъ попеченіямъ друга или родственника въ пятнадцатомъ колѣнѣ.

Ничто, по-видимому, не препятствовало браку Эдиѳи, но увы!— она не любила молодаго человѣка, считавшагося первымъ красавцемъ Шотландіи, котораго Эдинбургъ старался отнять у Глазго-ва, и отъ котораго всѣ дамы были безъ ума!...

Есть женщины, которыхъ не плѣняетъ красота, которыя, по природному инстинкту, страшатся любви, немогущей быть, по мнѣнію ихъ, постоянной или искренной; надо еще замѣтить, что не одна красота одарена способностью плѣнять; наконецъ, красота есть относительное качество, и встрѣчаются организаціи, на которыя совершенная красота не имѣетъ рѣшительно никакого дѣйствія.

Тщетны были всѣ усилія Макъ-Грегора; онъ не могъ побѣдить равнодушія молодой Шотландки.

Въ одну ночь, когда Макъ-Грегоръ старался забыть на время свои горести во снѣ, бѣжавшемъ очей его, вдругъ раздался на улицѣ страшный крикъ:

— Пожаръ! Пожаръ!

Онъ всталъ; противуположный домъ былъ объятъ пламенемъ, которое прорывалось въ окна; стѣны деревяннаго дома трещали... синее пламя съ быстротою пробѣгало по нимъ.... горящія головни летѣли на улицу...

Но къ чему описывать пожаръ? Кто изъ нашихъ читателей хоть разъ въ жизнь свою не былъ свидѣтелемъ этого несчастія?

Макъ-Грегоръ поспѣшно вышелъ и одинъ изъ первыхъ подоспѣлъ на помощь къ горѣвшему дому....

Въ настоящее время, всѣ дома въ Глазговѣ каменные, и благоразумное правительство предприняло мѣры къ защитѣ города отъ пламени. Но въ то время, не-смотря на бо́льшую опасность, не было никакихъ предохранительныхъ мѣръ. Неустрашимые граждане заботились только о спасеніи жильцовъ, оставляя огню въ добычу все движимое и недвижимое имущество. Воды не было по близости, и устрашенные жители Ольдъ Стрита приставляли къ горящимъ стѣнамъ лѣстницы, натягивали посреди улицы шерстяныя одѣяла, чтобы доставить возможность спастись несчастнымъ, захваченнымъ огнемъ въ постелѣ.

У оконъ, изъ которыхъ пылало пламя, появлялись женщины, подобно привидѣніямъ; изъ оконъ бросались мужчины, съ наслѣдственнымъ клайморомъ, который былъ для нихъ драгоцѣннѣе всего; посреди общаго шума слышался трескъ обваливавшихся бревенъ, крики матерей и плачъ дѣтей; вездѣ страхъ, ужасъ и отчаяніе...

Въ верхнемъ этажѣ дома, только-что обхваченнаго пламенемъ, показалась вдругъ бѣлокурая головка и маленькія, обнаженныя,

бѣленькія ручонки, простертыя къ небу. Это былъ ребенокъ!... Онъ жалобно плакалъ, и посреди невнятныхъ восклицаній слышались слова, способныя тронуть самую холодную душу:

— Father!... o my mother!... your little son!... Папенька!... о маменька!... вашъ маленькой сынъ!...

Толпа была глубоко тронута; женщины рыдали. Макъ-Грегоръ бросился къ дому съ быстротою и живостью, въ-слѣдствіе которыхъ Вальтеръ-Скоттъ сравниваетъ горцевъ съ дикими кошками; онъ полѣзъ по стѣнѣ, цѣпляясь за выступы и за окна, добрался до ребенка; схватилъ его на руки и готовился уже спуститься, какъ вдругъ, горящее бревно рушилось подъ нимъ и онъ упалъ на мостовую....

Ребенокъ былъ спасенъ, но актеръ безъ движенія лежалъ возлѣ обгорѣвшаго и дымящагося бревна: Макъ-Грегоръ переломилъ себѣ ногу.

Извѣстно, что за нѣсколько лѣтъ до революціи 1789 года болѣзнь актера Молѐ взволновала весь Парижъ, особенно вельможъ и дворъ; знатныя дамы изъявляли не совсѣмъ благопристойное участіе и нарочно выставляли на показъ гореcть, которая открыла народу еще одно доказательство испорченности нравовъ свѣтскихъ знатныхъ дамъ того времени.

Въ Глазговѣ принимали такое-же живое участіе въ молодомъ актерѣ, но тамъ источникомъ его было чистое, великодушное чувство, восторгъ, внушаемый мужествомъ, соединеннымъ съ прекраснымъ дарованіемъ: театръ былъ закрытъ на нѣсколько дней, и весь городъ заботился о раненномъ и безпрестанно освѣдомлялся о состояніи его.

Ребенокъ, спасенный Макъ-Грегоромъ, остался при немъ, потому что, въ-слѣдствіе пажара, сталъ круглымъ сиротою. Его нарочно оставили близъ болѣзненнаго одра великодушнаго актера, чтобы воспоминаніемъ о благородномъ, неустрашимомъ поступкѣ нѣсколько облегчить его страданія. Однако-жъ рана была такъ опасна, что доктора страшились за своего больнаго и единогласно рѣшили, что ему слѣдовало отнять ногу.

Актеръ покорился судьбѣ и перенесъ ампутацію съ рѣдкимъ терпѣніемъ и мужествомъ.

Наконецъ театръ былъ опять открытъ и стали давать нѣкоторыя піесы, въ которыхъ Макъ-Грегоръ не имѣлъ ролей. Зала была пуста, и разсѣянные зрители какъ-бы ожидали появленія своего любимца. Но шотландскій геній, создавшій народность шекспировскихъ піесъ въ Глазговѣ, былъ далекъ: не было ни Ромео, ни Гамлета, ни Ричарда.

Приглашали новыхъ актеровъ; были дебюты; но ни одинъ изъ людей, имѣвшихъ притязанія на мѣсто Макъ-Грегора, не заслужилъ успѣха; онъ одинъ умѣлъ осуществить идеалъ поэта, облечь въ видимыя формы его фантастическія или сверхъ-естественныя созданія.

Разъ, во-время одного изъ представленій, на которыя зрители смотрѣли равнодушно, публика узнала, что Макъ-Грегоръ совершенно выздоровѣлъ, и что изувѣченный, какъ старый воинъ онъ пришелъ повидаться съ старыми товарищами.

Общій, единодушный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ, и внезапный, единогласный крикъ раздался въ залѣ:

— Макъ-Грегоръ! Макъ-Грегоръ!.. Мы хотимъ видѣть Макъ-Грегора!

Театръ представлялъ въ эту минуту трагическую залу, въ которой тѣнь Банко является устрашенному Макбету; средняя дверь отворилась и Макъ-Грегоръ вышелъ на сцену.... Казалось, стѣны театра должны были рушиться отъ рукоплесканій, топота и криковъ!

Макъ-Грегоръ вышелъ впередъ; лицо его сохранило прежнее умное, задумчивое выраженіе; чело его было также гордо, взглядъ также нѣженъ и проницателенъ; движенія также граціозны, походка также благородна; искусный актеръ, одаренный инстинктомъ, свойственнымъ людямъ умѣющимъ овладѣвать толпой, шелъ возлѣ спасеннаго имъ ребенка, слегка опираясь на его плечо.

Въ залѣ все еще раздавались радостные крики, всѣ разсказывали или, лучше сказать, повторяли другъ другу разсказъ о героическомъ поступкѣ актера во-время пожара...

Макъ-Грегоръ поклонился... Слезы катились по его щекамъ....

Вдругъ кто-то вскричалъ:

— Ромео! Ромео!.. Пусть онъ сыграетъ Ромео!

И вся публика повторила:

— Ромео! Ромео!..

Актеръ грустно указалъ на свою деревянную ногу....

— Ничего, — кричали зрители, — ничего!... Сыграйте Ромео; ради Бога, одинъ разъ.... хоть послѣдній разъ.... Ромео! Ромео!

Макъ-Грегоръ оставался нѣсколько времени въ нерѣшимости, не желая согласиться на просьбы публики и не смѣя отказать ей; занавѣсъ опустили; товарищи обступили Макъ-Грегора и наконецъ уговорили его играть.

— Онъ будетъ играть! Макъ-Гегоръ будетъ играть Ромео!... радостно заговорили зрители, и новость эта быстро распространилась по городу. Четверть часа спустя зала была полна народомъ.

Изувѣченный актеръ сыгралъ Ромео, и жители Гласгова такъ пристрастились къ горцу Макъ-Грегору, что упросили его не оставлять сцены ихъ.

Лордъ Честерфильдъ, во-время путешествія своего въ Шотландію, присутствовалъ на одномъ изъ представленій безногаго актера; онъ написалъ о томъ къ Монтескьё, и тотъ долгое время смѣялся, воображая себѣ актера съ деревянной ногой, играю-

щаго Ромео. Возвратившись въ Лондонъ, Честерфильдъ разсказалъ объ этомъ обстоятельствѣ Гаррику.

— И публика терпитъ хромоногаго? спросилъ великій актеръ.

— Не только терпитъ, а приходитъ отъ него въ восторгъ; онъ до того трогаетъ и очаровываетъ зрителей, что, не-смотря на геніальный вашъ талантъ и на пару здоровыхъ ногъ, я не совѣтовалъ-бы вамъ, любезный Гаррикъ, состязаться съ нимъ.

Гаррикъ на почтовыхъ полетѣлъ въ Шотландію, чтобы видѣть феноменъ; пріѣхалъ въ Глазговъ, пошелъ въ театръ и спросилъ, гдѣ живетъ Макъ-Грегоръ.

— Въ Ольдъ-Стритѣ, отвѣчалъ лаконически сторожъ.

Въ Ольдъ-стритѣ Гаррикъ засталъ Макъ-Грегора дома.

Англичанинъ былъ пораженъ красотою лица и величественнымъ видомъ своего шотландскаго товарища.

— Мистеръ Макъ-Грегоръ, — сказалъ знаменитый актеръ, — когда будете вы играть Ромео? Я нарочно пріѣхалъ изъ Лондона, чтобы видѣть васъ. Я Гаррикъ.

— Мистеръ Гаррикъ, — отвѣчалъ Шотландецъ, — я больше не буду играть Ромео; вотъ ребенокъ, которому я замѣняю отца, а вотъ моя жена, добрая Эдиѳь, которая не любила меня, когда у меня были цѣлы обѣ ноги, и которая теперь, когда я лишился одной ноги, обожаетъ меня.... Впрочемъ, вамъ и не понравится моя игра; вы безпрестанно будете видѣть мою деревянную ногу... меня здѣшняя публика поощряла только по старой памяти, какъ прежняго своего любимца.

— Вы ошибаетесь, мистеръ, — возразилъ Гаррикъ: — вы произвели сильное впечатлѣніе на лорда Честерфильда; столь-же сильное, какъ и на вашихъ соотечественниковъ.... Не забудьте, что лордъ Честерфильдъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и просвѣщенныхъ людей Англіи.... При томъ же, — продолжалъ великій трагикъ, — актеръ играетъ не ногами; хорошему артисту нужны душа, выраженіе, сила, жаръ, взглядъ ... а въ васъ, мистеръ, все это есть.... О! умоляю васъ, сыграйте хоть одинъ разъ для меня.

— Мистеръ Гаррикъ, — отвѣчалъ Макъ Грегоръ съ благоразумiемъ, отличающимъ горцевъ: — что невозможно, того не должно предпринимать. Время быстро уходитъ, воспоминаніе объ Ольдъ-стритскомъ пожарѣ изглаживается изъ памяти здѣшнихъ жителей, восторгъ, нѣкогда возбуждаемый мною, ослабѣваетъ; новый актеръ понравился публикѣ, странность моего положенія не новость, и всѣ начинаютъ замѣчать, что у меня деревянная нога.... Не хочу испортить неудачной попыткой добраго имени, которое я уже составилъ себѣ.... Вы не увидите меня на сценѣ, мистеръ Гаррикъ, но прошу васъ, отобѣдайте со мною и.... старайтесь беречь ноги.

ФРАНЦУЗСКІЕ АКТЕРЫ ВО-ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦІИ.

Французскій театръ отличался въ это время образомъ мыслей и дѣйствій, заслуживающимъ полное уваженіе и похвалу. Многіе артисты однако едва было не поплатились головою за свой независимый образъ мыслей. Въ самый опаснѣйшій моментъ этой ужасной эпохи дана была любимая въ то время драма: *Памела или награжденная добродѣтель.* Авторъ ея, Франсуа Нёшато, (François Neuchâteau) за нѣкоторыя, высказанныя въ этой драмѣ филантропическія идеи, бытъ арестованъ, какъ писатель, идущій противъ революціонныхъ правилъ, а съ нимъ вмѣстѣ взяты были и нѣкоторые первые артисты, какъ его соучастники, и всѣ эти несчастныя жертвы артистическаго рвенія непремѣнно окончили-бы существованіе свое на кровавомъ помостѣ гильйотины, если-бы одинъ изъ членовъ такъ-называемаго тогда Комитета-Благодѣнствія, по имени Лабюсьеръ, не спасъ ихъ, протянувъ процессъ ихъ осужденія. Каждый вечеръ Лабюсьеръ, съ опасностію собственной жизни, уносилъ изъ своего бюро по одному обвинительному акту и дома сжигалъ ихъ. Пропажа этихъ актовъ, натурально, замедливала окончаніе процесса, и такимъ-образомъ многіе изъ обвиненныхъ спаслись отъ смерти. Послѣ происшедшей 9-го термидора перемѣны въ положеніи дѣлъ, найдено было на двухъ реэстрахъ, оставленныхъ извергами Фукье-Тинвилемъ и Коллотомъ д Эрбуа, шесть именъ актеровъ Французскаго-театра, отмѣченныхъ пагубною красною буквою Г. Въ числѣ этихъ именъ было и имя славной артистки Ланге, восхищавшей въ-то-время столько-же и красотою, сколько превосходнымъ талантомъ. Одинъ молодой Бельгіецъ, пріѣхавшій вскорѣ послѣ прекращенія революціонныхъ ужасовъ въ Парижъ, плѣнился красотою и любезностію д-цы Ланге и предложилъ ей свою руку. Когда онъ потребовалъ согласія на этотъ бракъ у своего отца, то тотъ, богатый фабрикантъ, сильно воспротивился этому. Но молодой человѣкъ былъ уже вполнѣ совершеннолѣтній и объявилъ, что женится и безъ согласія отца. Старикъ самъ явился въ Парижъ уговаривать сына, но сынъ былъ непоколебимъ, и отцу оставалась одна надежда — уговорить невѣсту отказаться отъ предлагаемаго ей брака. Онъ отправился къ ней. Разговору ихъ помѣшалъ пріѣздъ д-цы Кандейль (Candeille), тоже артистки Французскаго-театра. Это посѣщеніе неожиданно дало дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Врагъ неровныхъ браковъ поколебался въ своихъ правилахъ; онъ началъ постигать любовь своего сына, потому-что и самъ началъ чувствовать что-то въ родѣ этого. По окончаніи перваго свиданія, продолжавшагося тоже довольно-долго, Талія, завладѣвшая сыномъ, завладѣла уже и отцомъ. Отецъ и сынъ обвѣнчались оба въ одинъ и тотъ-же день, первый съ д-цою

Кандейль, а другой съ д-цою Ланге. Обѣ артистки оставили сцену, и д-ца Ланге много лѣтъ прожила съ супругомъ своимъ въ прелестномъ загородномъ жилищѣ, Монтале, которое теперь принадлежитъ Скрибу.

ПАРИЖСКІЯ «УТКИ» ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНАГО МІРА.

Въ глухую лѣтнюю пору, за недостаткомъ новостей, парижскіе журналисты имѣютъ обыкновеніе наполнять пустыя столбцы своихъ журналовъ разнаго рода болѣе или менѣе занимательными происшествіями, которыя, разумѣется, существуютъ только въ воображеніи ихъ. На техническомъ языкѣ журналовъ, такого рода происшествія называется *утками* (canards). (*) Многія изъ этихъ «утокъ» бываютъ чрезвычайно-забавны и могутъ служить сюжетомъ для водевилей. Сообщаемъ нашимъ читателямъ двѣ подобныя «утки», которыхъ дѣйствіе относится къ театральному міру.

На-дняхъ общество молодыхъ людей отправилось утромъ изъ Asnières прогуляться по Сенѣ въ лодкѣ. День былъ холодный и вѣтряный, и Сена порядочно бурлила.

Увлекаемые быстротою теченія, молодые люди заѣхали довольно-далеко, и когда, послѣ прогулки на берегу и веселаго обѣда, вздумали возвратиться домой, было уже 10 часовъ вечера. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, импровизированные моряки подняли на лодочкѣ свой парусъ, но не съумѣли управиться съ нимъ, такъ-что однимъ сильнымъ порывомъ вѣтра лодка опрокинулась. По счастію это крушеніе произошло недалеко отъ берега, близъ острова С. Дени. Кто какъ могъ, спасался на берегъ. Въ числѣ пассажировъ была женщина, m-lle Anna B. Она спаслась легко, потому-что была одна изъ лучшихъ ученицъ Луврской школы плаванія, гдѣ она въ послѣднее время блистательно состязалась съ г-жою Дошъ и m-lle Пажъ. такъ, что хотя была простая фигурантка маленькаго бульварнаго театра, но удостоилась дружескаго расположенія — въ водѣ, отъ этихъ двухъ дамъ.

По выходѣ на берегъ стали считать пассажировъ — и вдругъ всѣ въ одинъ голосъ воскликнули «Альфреда нѣтъ!» — А онъ не умѣетъ плавать, прибавилъ кто-то.

Въ эту минуту послышался сильный шумъ подъ водою, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка была чрезвычайно-глубока и бурлила, какъ водоворотъ.

Пока самые храбрѣйшіе и искуснѣйшіе пловцы изъ этой группы стояли, не зная на что рѣшиться, m-lle Anna, бывшая

(*) По какой-то странной аналогіи у насъ, на русскомъ языкѣ, подобные вздоры называются *дичью*.

спутницею monsieur Альфреда въ этой Одиссеѣ, не колеблясь ни минуты, бросилась въ пучину и имѣла счастіе спасти жизнь погибавшему молодому человѣку.

М-г Альфреда отнесли въ ближайшую ферму, гдѣ онъ въ скоромъ времени совершенно оправился. Проведя ночь подъ гостепріимнымъ кровомъ этой фермы, потерпѣвшей крушеніе, экипажъ на-утро возвратился въ Парижъ, но уже не въ лодкѣ, а въ *кукушкѣ*. (*) Кукушка никогда не можетъ потерпѣть крушенія. — Кто знаетъ, не кончится-ли это морская драма, по примѣру сухопутныхъ водевилей г. Скриба, — свадьбою.

Вотъ другая *утка*, позамысловатѣе первой.

M-lle Клотильда, у которой всего только одна служанка, занимаетъ хорошенькую квартиру въ cité Trévise; кончивъ свой туалетъ, она готовилась идти въ театръ на репитацію, какъ вдругъ приходитъ какой-то незнакомецъ, весь въ чорномъ, и объявляетъ служанкѣ, что ему непремѣнно нужно видѣть ея госпожу. Его принимаютъ.

— Сударыня, начинаетъ незнакомецъ: извините, что я осмѣлился безпокоить васъ своимъ посѣщеніемъ; мнѣ поручено отъ г-на префекта полиціи просить васъ сейчасъ-же со мною пожаловать къ нему.

— Государь мой, отвѣчаетъ смущенная этой неожиданностью артистка: государь мой, благодаря Бога, у меня нѣтъ ничего общаго съ полиціей; здѣсь, вѣрно, какая-нибудь ошибка: я просто драматическая артистка, и если кто имѣетъ право призывать меня къ себѣ, такъ это конечно только мой директоръ.

— Нѣтъ никакой ошибки, сударыня, возразилъ чорный незнакомецъ, вынимая изъ портфеля бумагу, сложенную на подобіе предписаній отъ казеннаго мѣста: впрочемъ, не пугайтесь, сударыня: васъ именно приглашаютъ только за тѣмъ, чтобы избавить отъ судебныхъ проволочекъ и хлопотъ, и чтобы вмѣсто письменныхъ объясненій, получить отъ васъ словесное насчетъ одного дѣла, которое не касается прямо до васъ, но о которомъ вы знаете нужныя для насъ подробности. Итакъ, потрудитесь, сударыня, послѣдовать за мною,—иначе я вынужденъ буду прибѣгнуть къ силѣ.

Тщетно ломая голову, что-бы это могло быть за дѣло, m-lle Клотильда рѣшилась наконецъ послѣдовать за этимъ господиномъ. Шагахъ въ двухъ отъ дома, онъ предложилъ ей руку, чтобы не обратить, какъ говорилъ онъ, вниманія проходящихъ.

— Сударыня, сказалъ вдругъ незнакомецъ: у меня есть еще до васъ просьба, которая въ тоже время доказываетъ и довѣренность мою къ вамъ. Мнѣ, вмѣстѣ съ вами, надобно привести къ г-ну Префекту еще одну прекрасную даму по тому-же дѣлу.

(*) Особенный родъ дилижансовъ.

Будьте такъ добры, войдите въ эту кофейню, гдѣ вы и потрудитесь подождать, а я схожу за той дамою; потомъ мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ въ каретѣ къ г. Префекту.

Молодая артистка согласилась; чорный незнакомецъ ввелъ ее въ кофейню, приказалъ подать шербету, выпилъ самъ рюмку мараскену и вышелъ, обѣщая черезъ десять минутъ воротиться. Вышедъ вонъ, онъ со всѣхъ ногъ пустился въ квартиру m-lle Клотильды, отыскалъ служанку и сказалъ, что г-жа требуетъ ее тотчасъ-же къ себѣ, и что онъ проводитъ ее въ двѣ секунды; служанка собралась. Незнакомецъ отвелъ ее въ другую кофейню, приказалъ дать ей стаканъ грогу и велѣлъ дожидаться госпожи.

Такимъ-образомъ, госпожа и служанка сидѣли въ кофейняхъ, въ разныхъ концахъ Парижа, и дожидались первая незнакомца, а послѣдняя госпожи. Наконецъ, послѣ долгаго напраснаго ожиданія, та и другая рѣшились воротиться домой, и, разумѣется, должны были заплатить за все, чѣмъ угощалъ ихъ незнакомый господинъ.

Возвратясь домой, актриса и служанка встрѣтились на лѣстницѣ и, входя на-верхъ, толковали объ этомъ странномъ происшествіи. Но когда онѣ вошли въ квартиру — загадка разрѣшилась: — удаливъ госпожу и служанку, ловкій плутъ, посредствомъ, фальшивыхъ ключей, отперъ и очистилъ, какъ нельзя лучше, квартиру m-lle Клотильды.

ГЛАЗА ЖЕНЩИНЫ.

Тысячи поэтовъ воспѣвали и воспѣваютъ этотъ малый-великій предметъ, но никто еще до сихъ-поръ не разобралъ, не изслѣдовалъ его критически, а, право, глаза женщины заслуживаютъ побольше романса или пѣсенки, и «Философія женскаго глаза» была-бы столько-же глубока и пространна, сколько «Критика чистаго разума», только гораздо-поинтереснѣе послѣдней. Глазъ женщины имѣетъ много общаго съ солнцемъ: съ тѣмъ и съ другимъ неразлучны теплота и свѣтъ. Когда солнце бросаетъ утромъ первый лучъ свой на землю, все человѣческое племя приходитъ въ движеніе: не то-ли-же самое производитъ первый, полный любви взоръ женщины? Впрочемъ глазъ женщины выше самаго солнца: солнце бросаетъ пламенные лучи свои безъ всякаго различія; напротивъ того, взоры женскаго глаза неисчислимо разнородны, и переходятъ по всѣмъ градусамъ термометра, отъ 10° ниже нуля и до точки кипѣнія. — Далѣе, глазъ женщины ученѣе самаго-лучшаго профессора филологіи: онъ понимаетъ всѣ возможные языки, и на всѣхъ говоритъ съ одинаковою легкостью, не дѣлая никогда ошибокъ противъ грамматики. Глазъ женщины

величайшій импровизаторъ — лирической поэзіи онъ полонъ всегда, — и жалокъ тотъ, кто никогда не прочелъ въ немъ элегіи. — Глазъ женщины превосходный живописецъ: онъ рисуетъ намъ картины всего будущаго — и картины эти или цвѣтущія розовыя долины съ рѣзвыми амурами, или мрачные осенніе ландшафты, съ кладбищемъ и могилою. Глазъ женщины чудный музыкантъ: подъ его музыку сердце въ груди нашей пляшетъ, какъ ноги наши пляшутъ подъ звуки Штраусcова вальса. Никакой искусный фейерверкеръ не осмѣлится бороться съ глазомъ женщины: ракеты и шутихи фейерверкера, его звѣзды и колеса, превращаются въ темное ничто; но ракеты женскаго глаза зажигаютъ сильнѣе ракетъ конгревовыхъ, и сходны съ послѣдними тѣмъ, что производимый имъ пожаръ часто можетъ потушить только одна могильная земля. — И какой искусный фехтмейстеръ глазъ этотъ: въ два, три пріема обезоружитъ противника и проколетъ въ самое сердце! — Никакой панцырь не защититъ противъ ударовъ его: и намъ ничего не остается, какъ только съ покорностію предаться милости или немилости его.

ПИСЬМО РОССИНИ.

Всѣ французскія газеты напечатали въ столбцахъ своихъ слѣдующее письмо Россини къ извѣстному поэту Мéри, который недавно просилъ великаго маэстро пріѣхать въ Марсель на первое представленіе «Моисея», въ марсельскомъ Большомъ-театрѣ.

Болонія, 22 іюня.

Милостивый Государь!

Съ глубокимъ чувствомъ признательности благодарю я за почетный призывъ, которымъ меня удостоиваютъ. Для чего здоровье мое не позволяетъ мнѣ принять его? Для чего не могу я лично выразить всѣмъ марсельскимъ артистамъ сколь глубоко тронутъ я ихъ уваженіемъ? Прибѣгаю къ вашему звучному голосу, чтобы смягчить отказъ, который я долженъ сдѣлать по неволѣ. Согласитесь, что бываютъ въ жизни минуты, когда такіе люди, какъ мы, должны-же избавиться отъ усыпленія; итакъ, въ одну изъ такихъ энергическихъ минутъ, я обѣщалъ своимъ эскулапамъ слѣдовать строго ихъ предписаніямъ, и, покорная жертва. —

Tendre au fer de Calchas une tête innocente.

Я не принадлежу болѣе самому-себѣ. Одно только, милостивый государь, услаждаетъ мои сожалѣнія: — это увѣренность, что я могу лично и, какъ чувствую, благодарить васъ за честь, которую вы доставляете мнѣ, будучи посредникомъ между мною и

вашими соотечественниками; только это обстоятельство будетъ утѣшать меня въ томъ, что я не могъ выразить вамъ благодарность свою въ болѣе счастливыхъ для меня обстаятельствахъ, доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ Марсельцамъ, что мы братья по сердцу.

Примите, милостивый гусударь, чувство вѣчной признательности моей.

Giocchino Rossini.

По дальнѣйшимъ справкамъ оказывается, что это письмо Россини есть нечто иное, какъ *утка*, изобрѣтенная самимъ Мери, который всякій годъ въ лѣтнюю, глухую для журналовъ пору, отпускаетъ нѣсколько подобныхъ «утокъ,» чтобы тѣшить имъ публику и еще болѣе самому потѣшаться надъ легковѣріемъ толпы.

ОПЕРА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Въ числѣ блестящихъ церемоній и празднествъ, происходившихъ въ Константинополѣ по случаю бракосочетанія сестры Султана, празднествъ, живо интересовавшихъ иностранцевъ, но довольно-обыкновенныхъ для туземцевъ, привыкшихъ, какъ и вездѣ, съ незапамятныхъ временъ, видѣть подобныя случайныя празднества, съ небольшими въ программахъ ихъ измѣненіями, было наконецъ дано и такое празднество, подобнаго которому прежде не бывало, а именно: всѣми артистами итальянской труппы изъ Перы данъ былъ, во дворцѣ Дестердаръ-Бурну, спектакль предъ султаномъ и всѣмъ его гаремомъ. Театръ былъ устроенъ во внутреннемъ саду гарема, у самыхъ окошекъ женскихъ комнатъ. Возлѣ стѣны, на возвышенной эстрадѣ, находился султанъ, въ простомъ рединготѣ, съ лорнетомъ въ рукѣ, и внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило на сценѣ. Внизу находились Риза-паша, Мегметъ-Али-паша и Решидъ-паша; по сторонамъ, но не въ виду султана, сидѣли дворцовые офицеры. Евнухи и слуги стояли у кулисъ.

Всѣ артисты театра въ Перѣ участвовали въ этомъ блестящемъ спектаклѣ, который составленъ былъ изъ гимна въ честь Султана, написаннаго Доницзетти, капельмейстеромъ его величества, и пропѣтаго всѣми солистами и всѣмъ хоромъ; изъ пролога къ «Лукреціи Борджія»; басовой аріи изъ той-же оперы; интродукціи Giuramento, сцены изъ Fous de Columella, каватины-буффа изъ Matilde de Schabran, финала изъ этой-же оперы; могильнаго дуэта изъ Giuramento, теноровой аріи изъ «Роберта Девере» и перваго финала изъ «Паризины». Всѣ эти отрывки были исполнены въ надлежащихъ костюмахъ.

Спектакль продолжался съ 8-ми часовъ до 11-ти; въ комнатахъ гаремныхъ затворницъ было совершенно-темно, и строгому

никогнито ихъ измѣнялъ только громкій смѣхъ, вызываемый фарсами буффа.

Доницзетти, капельмейстеръ султанской музыки, братъ славнаго композитора, стоялъ возлѣ Султана и объяснялъ ему разныя сцены, исполняемыя предъ его глазами. Увѣряютъ, что многія постороннія особы, переодѣвшись въ платье хористовъ, участвовали въ этомъ любопытномъ спектаклѣ.

Султанъ, какъ увѣряютъ, былъ въ восхищеніи; театръ еще не разобранъ и артисты оставлены на три недѣли. Полагаютъ, что будетъ назначенъ еще спектакль.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Прочитавъ во 2-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» статью г-на Макарова, подъ названіемъ *Матеріалы для исторіи русскаго театра*, я замѣтилъ большую ошибку, на-счетъ мѣста погребенія Михаила Матвѣевича Хераскова; тамъ сказано, что прахъ его покоится въ стѣнахъ *Симонова монастыря;* но я, какъ московскій житель, самъ видѣлъ могилу этого писателя въ *Донскомъ монастырѣ;* на памятникѣ Хераскова находится слѣдующая надпись:

Здѣсь прахъ Хераскова. Скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
Съ ней музы платятъ долгъ любимцу своему:
Имъ важенъ даръ пѣвца — мила ей память друга.

Самый видъ памятника помѣщенъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», томъ V, стран. 128. Многое можно-бы сказать и о самой статьѣ г-на Макарова, но такъ-какъ я не занимаюсь литературою, то и не вхожу въ подробности, а замѣтилъ неумышленную, вѣроятно, ошибку, происшедшую отъ незнанія, замѣтилъ потому, что люблю правду.

МОСКВИЧЪ.

Москва.
18 іюля, 1845 г.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— Извѣстный крошка Томъ-Пусъ находится теперь въ Брюсселѣ, гдѣ съ нимъ приключилось «несчастьице». Въ одно изъ его представленій, на столѣ, гдѣ уставлены были диванъ, кресла, столъ, словомъ, вся миніатюрная мебель этого Лиллипута, поставлена была также и коробка съ драгоцѣнностями и табакеркаин, подаренными ему разными важными особами, къ которымъ онъ представлялся. Въ ту минуту, когда молодой карликъ началъ

танцовать, и зрители, разумѣется, столпились всѣ около стола, ловкій мошенникъ успѣлъ похитить изъ упомянутой коробки золотую булавку со смарагдомъ, осыпаннымъ бриллiантами. — Заграничныя газеты пишутъ, что этотъ знаменитый уродецъ, пострaнствовавъ по Европѣ, намѣренъ въ скоромъ времени посѣтить и нашу сѣверную столицу.

Брюссельскій театръ распустилъ всѣхъ своихъ балетныхъ танцоровъ и замѣняетъ ихъ танцовщицами, одѣтыми въ мужское платье. Старый танцоръ похожъ на стараго плясуна-мѣдвѣдя: все въ немъ такъ неловко, такъ тяжело.... Напротивъ, старая танцовщица, принарядившись въ мужское платье и при помощи извѣстныхъ всѣмъ *секретовъ* дамскаго туалета — еще хоть-куда.

— Недавно происходилъ довольно-забавный процессъ у нѣкоего г. Турнемина, директора Люксанбургскаго театра, съ однимъ изъ артистовъ его труппы, Валле: Турнеминъ ангажировалъ Валле къ своей сценѣ на роли перваго любовника. Валле былъ тогда очень-миловидный мужчина. Увы! вскорѣ Валле заболѣлъ оспою, два мѣсяца пролежалъ въ постели, и когда, по выздоровленiи, явился къ своему директору, Турнеминъ ужаснулся, увидѣвъ, что́ сдѣлала проклятая оспа изъ хорошенькаго личика Адониса его сцены. — Ахъ, милый мой, какъ вы безобразны! воскликнулъ директоръ. Согласитесь сами, ка́къ осмѣлюсь я представить подобнаго любовника моей взыскательной публикѣ! Нѣтъ, мой милый, я немогу болѣе принять васъ въ свою труппу; намъ приходится разстаться съ вами. — Охотно, отвѣчалъ Валле: только заплатите мнѣ 1900 фр. неустойки.

Турнемину не понравилось это предложенiе и онъ не изъявилъ на него согласiя, но коммерческій судъ, къ которому прибѣгнулъ Валле, объявилъ ему, что онъ не правъ. г. Турнеминъ не удовольствовался рѣшенiемъ коммерческаго суда, обратился къ президенту Сегье и получилъ тоже рѣшенiе.— Пришлось заплатить.

— Въ издававшемся нѣкогда въ Веймарѣ, подъ редакцiей Эдмунда Оста, журналѣ, въ № 24-мъ 1823 года, напечатано было, по поводу одной одиннадцати-лѣтней пiанистки слѣдующее:—«Въ Австрiи явилось чудо еще поважнѣе. Тамъ въ Вѣнѣ есть 10-ти-лѣтній мальчикъ, по имени *Листъ*, изъ Венгрiи, который не только разыгрываетъ самыя трудныя пiэсы a prima vista и притомъ съ какого угодно тона, но и фантазируетъ на какую угодно тему и самъ хорошо сочиняетъ. Итакъ, это въ своемъ родѣ дитя-чудо (ein Witte-Kind). Въ-прочемъ и то́ сказать, въ подобныхъ скороспѣлкахъ рѣдко скрывается геній. Мы живемъ во времена машинъ, и потому немудрено, что руки опережаютъ разумъ»....

Ошибся-же, и жестоко, добрый человѣкъ!!..

— Одно изъ маленькихъ несчастiй парижской жизни, говоритъ Constitutionel,—это трудность достать экипажъ при выходѣ изъ театра, послѣ спек-

такля, въ особенности когда экипажъ именно необходимъ, т. е., когда идетъ дождь. Но теперь, слава-Богу, заводится новое предпріятіе для устраненія подобнаго непріятнаго положенія дѣлъ для публики и для театровъ. Лица, задумавшія, при поддержкѣ со стороны директоровъ театровъ и со стороны актеровъ, привести въ исполненіе это предпріятіе, получили уже, какъ увѣряютъ, дозволеніе правительства, собирать у дверей театровъ къ концу спектаклей нужное число омнибусовъ. А чтобы знать, сколько къ какому театру нужно омнибусовъ, приняты слѣдующія мѣры: каждый посѣтитель театра, беря въ кассѣ билетъ на мѣсто, можетъ также, за 30 сантимовъ, взять билетъ и на мѣсто въ омнибусѣ по выходѣ изъ спектакля, означивъ при томъ мѣсто своего жительства; всѣ собранныя такимъ-образомъ требованія, во время представленія, приводятъ въ порядокъ и дѣлятъ по классамъ, такъ,что каждый зритель, выйдя изъ театра, находитъ омнибусъ своего квартала, который доставляетъ его прямо къ дверямъ сто дома или, по-крайней-мѣрѣ, по близости. Общество, придумавшее это предпріятіе, не будетъ заводить особыхъ экипажей: оно условилось на этотъ счетъ съ учредителями общественныхъ омнибусовъ, разъѣзжающихъ по Парижу, и тѣ будутъ доставлять нужное число экипажей. Если, какъ должно надѣяться, всѣ трудности привести въ исполненіи это предпріятіе устранятся, то публика много выиграетъ въ отношеніи удобства и въ отношеніи экономіи. Какъ-бы то ни было, а попытаться стоитъ.

— Молодая танцовщица Парижской оперы, m-lle Дюверпэ (Duwernay) лѣтъ десять тому назадъ сошла со сцены и съ-той-поры жила въ нѣжной связи съ однимъ богатымъ Англичаниномъ. — Недавно умираетъ лэди Алдборугъ, знатная и богатая дама. У покойницы была гувернантка, отличнаго образованія и строгихъ правилъ. — Танцовщицѣ захотѣлось имѣть эту гувернантку у себя, чтобы этимъ поставить домъ свой на аристократическую ногу. Условія были заключены; но въ день, назначенный для вступленія гувернантки въ должность, приносятъ отъ этой послѣдней письмо, въ которомъ она извѣщаетъ танцовщицу, что не можетъ вступить въ ея домъ, потому-что узнала, что она еще не за-мужемъ. M-lle Дюверпэ сильно огорчилъ этотъ случай; и безъ того слабое здоровье ея еще болѣе разстроилось: она день и ночь заливается слезами. Это разстрогиваетъ ея любезнаго и онъ рѣшается жениться на ней. Скоро послѣдуетъ обрученіе въ Парижѣ, а свадьба будетъ сыграна въ Лондонѣ. Итакъ, у m-lle Дюверпэй будетъ мужъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и милліонъ чистаго годоваго дохода!.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
У М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектѣ, противъ малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

ДЛЯ МАЛАГО ОРКЕСТРА.
(8 инструментовъ.)

	Сереб. Руб.	Коп.
Auber. Ouverture de l'opéra: la muette de Portici, arr. à 8 parties	2	58
Cassino. Die Musikgesellschaft auf dem Lande. Sammlung von Potpourris und Favoritstücken aus den berühmtesten Opern für 8-stimmiges Orchester. No. 1. Die Hugenotten von Meyerbeer	2	58
No. 2. Norma von Bellini	2	58
No. 3. Das Nachtlager von Granada	2	58
No. 4. Die Puritaner von Bellini	2	58
No. 5. La Sonnambula von Bellini	4	—
No. 6. Der Postillon von Lonjumeau, von Adam	3	43
No. 7. Die Nacht zu Paluzzi, von Pentenrieder	2	85
No. 8. Catharina Cornaro, von Lachner	2	58
No. 9. La fille du régiment, de Donizetti	2	85
No. 10. La part du diable, d'Auber	2	85
Mozart, W. A. Ouvertures pour 2 Violons, Alto, Contre-Bass, Flûte, Clarinette et 2 Cors; (Violoncelle, Trompettes et Timballes ad libit). No. 1. Don Juan	2	29
No. 2. La flûte magique	1	72
No. 3. L'enlevement au serail	1	72
No. 4. Figaro	2	29
No. 5. Titus	1	72
No. 6. Cosi fan tutti	1	72
No. 7. Idomeneo	1	72
No. 8. Der Schauspiel-Director	1	72

ДЛЯ ОДНАГО ФОРТЕПІАНО.

Dameke, B. Cinq Mélodies. No. 1. Un souvenir de voyage. No. 2. L'Espérance. No. 3. Chansonette allemande. No. 4. Rêverie. No. 5. Barcarolle. Op 26.	1	30
Döhler, Th. Douze Romances sans paroles. Op. 57. Liv 1 à 4.	6	30
Heller, St. Caprice brillant sur «le Désert», Ode-Symphonie de Felicien David. Op. 51.	1	43
Herz, H. Les Plaisirs de l'Allemagne. Valses de Strauss, variées. Op. 144.	1	43
Henselt, A. Frühlingslied. Chanson de Printems. Op. 15.	1	—
Kullak, Th. La Gazelle. Pièce caractèristique.	1	—
Liszt, F. Marche funèbre de Dom Sébastien, variée.	1	43
Mayer, Ch. Air italien varié. Op. 76.	1	15
—— La Gentille. Valse brillante	—	50
Meyer, L. de. Machmudier, air guerrier des Turques. Op. 22.	1	15
—— Bajazeth. Air national des Turques. Op. 23.	1	15
Rosellen, H. Fantaisie brillante sur la Juive de F. Halevy. Op. 71.	1	43
Thalberg, S. Grande fantaisie sur la muette de Portici. Op. 52.	1	72
—— Grande fantaisie sur Zampa. Op. 53	2	—
—— Grande Sonate Op. 56.	4	—

Thalberg Fantaisie sur des thêmes de l'opéra: I Puritani de Bellini. Op. 57. No. 1. . . . . 1 43

——— Fantaisie sur des thêmes de l'opéra Freischütz. Op. 57. No. 2. 1 43

——— Grand Caprice sur la marche de l'apothéose de Berlioz. Op. 58. . . . . 2 —

Wolff, E. Nocturne et Romanesca. Op 109. . . . . 1 —

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Canthal, A. Polka militaire . . . . . — 40

Döhler, Th. La Carlotta. 1re Polka originale . . . . . — 50

——— Elisa. 2de Polka originale. . . . . — 60

Gung'l, Joh. Mädchen-Träume-Walzer. Op. 3. . . . . — 75

——— Souvenir-Polka. Op. 4. . . . . — 30

——— Ein Sträuschen. Walzer. Op. 5. . . . . — 75

——— Vive la danse! Walzer. Op. 7. . . . . — 75

——— Proteus-Polka. Op. 8. . . . . — 30

——— Abschieds-Polka. Op. 11. . . . . — 30

Gung'l, Jos. Ton-Mährchen, Walzer. Op. 17. . . . . — 75

——— Mein erster Walzer in Berlin . . . . . — 85

——— Une fleur de danse. Galop. Op. 40. . . . . — 30

——— Gazellen-Polka. Op. 43. . . . . — 30

Kazinsky, V. Loïsa-Polka. . . . . — 50

Labitzky, J. Themis-Festklänge. Walzer . . . . . — 85

——— Gruss an Prag. 3 Polkas. Op. 111. . . . . — 70

——— Militair-Galop. Op. 112. . . . . — 43

——— Steinhof-Quadrille. Op. 113. . . . . — 57

——— Burlington-Walzer. Op. 114. . . . . — 85

Marks, G. W. Die junge Tänzerin. Eine ausgewählte Sammlung der schönsten Tänzen im leichtesten Arrangement. 31 bis 34stes Heft à 72 cop. 2 85

Strauss, J. Rosen ohne Dornen. Walzer. Op. 166. . . . . — 85

——— Wiener-Früchteln, Walzer. Op. 167. . . . . — 85

——— Wilkommen-Rufe. Walzer. Op. 168. . . . . — 85

——— Masken-Lieder. Walzer. Op. 170. . . . . — 85

——— Eunomien-Tänze. Op. 171. . . . . — 85

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер. пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. — На этихъ-же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ-бы онѣ ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ-же магазинѣ вышла 1-го Августа 8-я тетрадь музыкальнаго журнала *Нувелистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Thalberg*, Romance. — *Bernard*, Chant du malheureux, Nocturne. — *Herz*, Les ramiers; Pièce de salon. — *Czerny*, Nocturne. — *Damcke*, L'espérance, Mélodie. — *Burgmüller*, La gracieuse, Polka. — *Гурилевъ*, Воспоминанія, Пѣсня. — *Labarre*, Le coeur perdu, Romance. — Музыкально-литературное прибавленіе No 8.

Годовая подписка 10 руб. сер. съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

ТЕАТРАЛЬНАЯ

ЛѢТОПИСЬ.

ІЮЛЬ.

=

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Въ теченіе прошедшаго іюня мѣсяца на парижскихъ театрахъ было дано *новыхъ піесъ:* 1 комедія (La tour de Babel), 1 драма (Agnès Bernau), 18 водевилей (A la plus laide, Porthos à la recherche d'un équipement, La Gardeuse des dindons, Jongleurs et Mandarin, Chacun chez soi, Dame et Grisette, Un changement de main, Sylvandire, La pêche aux beaux pères, Un temps de galop, Les amours de M. et M-me Dénis, Un voyage à Paris, Ernestine, Mon oncle le Commandeur, La croix d'honneur, Bredouillon, Le menuisier de Nanterre, Les mystères de la vertu): всего 20 новыхъ піесъ 31-го автора. Сверхъ-того возобновлены 4 старыя піесы; было 8 бенефисовъ, 5 дебютовъ и 3 возвращенія (rentrée).

Въ іюлѣ были даны на парижскихъ театрахъ слѣдующія новыя піесы:

L'homme et la mode (*Человѣкъ и мода*). Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г-дъ *Любиза* и *Лажарріета*.

Викторъ, отличный молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ наукъ. Г-жа Де-Верріеръ, дама высшаго круга, приглашаетъ его на нѣсколько дней къ себѣ въ деревню. Викторъ является. Но, занимаясь прилежно науками, онъ не обращалъ вовсе никакого вниманія на требованія моды и свѣтскія условія, и потому, что̀ мудренаго, что Викторъ не по модѣ причесанъ, не по модѣ одѣтъ, не въ жолтыхъ перчаткахъ, не въ лаковыхъ сапогахъ, неловокъ, страненъ, даже смѣшонъ? *Свѣтское* общество не упускаетъ случая пошутить надъ нимъ, покритиковать его костюмъ, манеры, образъ мыслей, и наконецъ дѣлаетъ его смѣшнымъ даже въ глазахъ самой г-жи Де-Верріеръ, которой Викторъ только-что сдѣлалъ самое нескладное признаніе въ любви.

Проходитъ полгода, — г-жа Де-Верріеръ даетъ балъ въ Парижѣ; изъ приличія приглашаетъ она и Виктора, въ полной увѣренности, что онъ не пріѣдетъ. Не тутъ-то было! Викторъ долженъ взять свое! И вотъ онъ является, одѣтый по послѣдней модѣ, ловкій, развязный, говоритъ смѣло о скачкахъ, о дуэляхъ, даже танцуетъ польку въ числѣ первыхъ танцоровъ. И вотъ Виктору удивляются, завидуютъ, оказываютъ почтеніе!... Г-жа Де-Верріеръ въ восторгѣ отъ своего прежняго вздыхателя, принимаетъ его какъ-нельзя лучше, влюбляется въ него, и отдаетъ ему руку и сердце...

Конечно, большой свѣтъ не такъ смѣшонъ, какъ онъ выставленъ въ этой піесѣ, но въ нѣкоторыхъ чертахъ ея есть много наблюдательности и правды.

Роль Виктора для молодаго артиста можетъ быть очень-благодарною.

2) Le troisième mari (*Третій мужъ*) водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на *Клервиля* (Théâtre de Vaudeville).

Кто не знаетъ пѣсни Беранжé подъ этимъ-же названіемъ?

Malheureuse avec deux maris,
Au troisième enfin je commande.
Jean est grondeur, mais je m'en ris;
Il est tout petit, je suis grande.
Sitôt qu'il fait un peu de bruit,
Je lui mets son bonnet de nuit.

Vli, vlan, taisez-vous,
Lui dis-je, ou que je vous entende...
Vli, vlan, taisez-vous...
Je me venge de deux époux.

Водевиль «Le troisième maris» есть не что́ иное, какъ эта пѣсня въ дѣйствіи. Катерина, молодая красивая мельничиха, вымещаетъ на третьемъ мужѣ все, что́ перенесла она отъ двухъ первыхъ. Между-тѣмъ она не такъ жестока къ одному молодому человѣку, городскому любезнику, съ которымъ разъ застаетъ ее мужъ наединѣ, и пользуясь при этомъ случаѣ правами супруга, успѣваетъ внушить навсегда женѣ своей къ себѣ почтеніе. Это отступленіе отъ пѣсни, но надобно-жъ было автору водевиля придумать что́-нибудь и свое!

М-me Альбе́ръ, наша знакомка, года три тому назадъ сводившая съ ума Петербургъ, исполнила роль Катерины превосходно.

3) Le canal saint-Martin (*Сенъ-Мартенскій каналъ*), драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и семи картинахъ. Соч. г-дъ *Дюпёти и Кормонъ* (Théâtre de la Gaité).

Еще драма въ родѣ «Les Bohémiens de Paris» или «Парижскихъ Тайнъ», въ которой являются воры, разбойники, грабители, злодѣи, возбуждающіе ужасъ, поселяющіе отвращеніе. Драма, какъ и ожидать надобно, имѣла успѣхъ, тѣмъ болѣе, что поставлена великолѣпно. Въ особенности хвалятъ декорацію, изображающую видъ Сенъ-Мартенскаго канала.

Разсказывать содержаніе подобныхъ піесъ — непріятно.

4) Un jeune homme traqué (*Молодой человѣкъ въ западнѣ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Куальяка*. (Folies-dramatiques).

Какимъ образомъ молодой человѣкъ можетъ попасться въ западню? — Или черезъ кредитора, или черезъ любовницу. Нашего юношу преслѣдуетъ не любовница: за нимъ гоняется нѣкто Поммерё, человѣкъ, который шутить не любитъ и у котораго въ рукахъ неуплаченный вексель.

Вотъ почему Октавъ — молодой человѣкъ называется Октавъ — всѣми возможными способами избѣгаетъ встрѣчи съ этимъ безотвязнымъ Поммерё.

Онъ не находитъ другаго средства, какъ обратиться къ г-ну Шалупеню, мужу г-жи Шалупенъ, женщины ревнивой, съ по-

зволенія сказать, какъ чортъ, тѣмъ болѣе, что мужъ ея страшный волокита, не-смотря на свои весьма-зрѣлыя лѣта.

Шалупенъ великодушенъ, какъ всѣ люди его характера. Онъ даетъ убѣжище у себя въ домѣ Октаву, съ тѣмъ, чтобы Октавъ выдалъ себя за мужа кузины, которая должна пріѣхать къ Шалупену въ этотъ самый день изъ Бордо, и которая возбуждаетъ страшную ревность въ г-жѣ Шалупенъ.

Октавъ соглашается на такое условіе; потомъ приходитъ ему на мысль, что если-бы ему удалось заставить покровителя своего заплатить за него долгъ, то это была-бы мастерская штука, и что гораздо-лучше имѣть про запасъ двухъ покровителей, нежели одного, а потому онъ ухаживаетъ и за волокитой мужемъ и за ревнивицей женой, и какъ нельзя лучше успѣваетъ въ своемъ дѣлѣ: г-на Шалупена онъ разжалобилъ, г-жу Шалупенъ плѣнилъ своею любезностію.

Итакъ, у него разомъ явилось двѣ тысячи франковъ,вмѣсто одной, за которую его преслѣдуетъ неумолимый кредиторъ.

Поммерё получилъ деньги, и въ мнимой кузинѣ Шалупена узналъ — жену свою.

Октавъ женится на дочери Шалупена, которую онъ давно уже любилъ въ тайнѣ.

Піеса очень-забавна.

5) Le premier souper de Louis XV (*Первый ужинъ Людовика XV*). Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *Мельвиля* и *Клервиля*. (Varietés).

Чрезвычайно-скоромный водевиль, въ которомъ до пятидесяти дѣйствующихъ лицъ, и въ томъ числѣ самъ Людовикъ XV, — женщины, одѣтыя въ мужское платье. Это карнавальный фарсъ, по какимъ-то причинамъ, въ свое время неявившійся на сценѣ, стало-быть, ужинъ — *подогрытый*.

6) Les sept Merveilels du Monde (*Семь чудесъ свѣта*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Кармуша* и *Варена*. (Gymnase-Dramatique).

Водевиль этотъ нѣчто въ родѣ *водевиля-обозрѣнія*, какія даются у Французовъ въ началѣ каждаго новаго-года. Въ немъ выведены на сцену всѣ *современныя чудеса*, начиная отъ карлика Томъ-Пуса, вылезающаго изо-рта Колосса Родосскаго, до журнала подъ названіемъ «L'immensité» (Безпредѣльность), *покрывающаго всю сцену театра*. Много забавнаго, остроумнаго, кстати

сказаннаго, есть даже намеки, и довольно-злые, на Плесси, которая внезапно оставила Французскій-театръ, и уѣхала, какъ говорятъ, сперва въ Лондонѣ, а потомъ пріѣдетъ къ намъ въ Петербургъ. — Французъ за острыми словами въ карманъ не полѣзетъ! Публика смѣется — и піеса имѣетъ успѣхъ, какъ ни ничтожно ея содержаніе.

Le Français né malin créa le vaudeville.

Вотъ всѣ новости парижскихъ театровъ за іюль мѣсяцъ, новости, какъ читатели видѣли, некрупныя. За недостаткомъ новыхъ піесъ, возобновляются старыя, и даже старинныя: такъ въ теченіе одного нынѣшняго мѣсяца на сценѣ *Французскаго-театра* возобновлены четыре трагедіи Вальтера — *Заира*, *Магометъ*, *Танкредъ* и *Меропа*. — На театрѣ Оперы возобновлены балеты: *Жизель*, по случаю возвращенія изъ Лондона Карлотты Гризи, и *леди Генріетта* — г-жи Дюмилатръ. — На театрѣ Vaudeville возобновлены драмы драмы *Arthur* (Артуръ или шестнадцать лѣтъ назадъ), *Les trois maris*, и пр. пр., по случаю возвращенія г-жи Альберъ, которая болѣе десяти лѣтъ не была въ Парижѣ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

ПИСЬМО ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

IV.

Мѣсяцъ безъ бенефисовъ и — безъ новыхъ піесъ: разумѣется, письмо мое на этотъ разъ будетъ коротко; не думай однако-жъ, чтобы на нашей русской сценѣ, въ теченіе этого мѣсяца, не было ничего, достойнаго замѣчанія. Нѣтъ, мы имѣли нѣсколько спектаклей не только любопытныхъ, но и пріятныхъ, доставившихъ удовольствіе публикѣ, во всѣ разы довольно-многочисленной, несмотря на чудные дни и еще болѣе чудные вечера, какими постоянно почти въ теченіе іюля дарила насъ скупая петербургская природа.

Во-первыхъ на сценѣ Александрынскаго-театра возобновлена трагедія Шиллера *Коварство и Любовь*....

Предвижу твое недоумѣніе: зная хорошо петербургскіе театры, зная, что г. Каратыгинъ на полгода уѣхалъ за-границу, ты мысленно перебираешь всѣхъ артистовъ нашей труппы и думаешь, кто-бы изъ нихъ нашолся столько смѣлый, что рѣшился выйдти, передъ публикой Александрынскаго-театра, въ роли, которою многихъ восхищалъ г-нъ Каратыгинъ, выйдти послѣ него и черезъ такой короткой промежутокъ времени, когда еще вполнѣ живо объ немъ воспоминаніе? Да, согласись, что одна подобная рѣшимость въ артистѣ есть уже подвигъ, свидѣтельство внутренней силы, ручательство призванія артистическаго, не потому, чтобы г-нъ Каратыгинъ былъ недосягаемо великъ въ этой роли, — я думаю даже совершенно противное, — но потому, что молодому артисту страшно идти противъ укоренившагося мнѣнія, противъ безсознательнаго убѣжденія толпы, привязывающейся къ своимъ идоламъ, съ ослѣпленіемъ фанатизма, считающей ихъ ни въ чемъ непогрѣшительными, и взирающей какъ на святотатца, на такого человѣка, который, въ сознаніи силъ, въ порывѣ артистическаго чувства, рѣшится выйдти передъ ней въ роли, принадлежавшей прежде исключительно ея любимцу. А надобно

сказать правду, никто изъ русскихъ артистовъ въ Петербургѣ не имѣетъ такихъ фантатическихъ поклонниковъ, какъ г. Каратыгинъ; эти поклонники не могутъ себѣ представить, на-примѣръ, Гамлета иначе, какъ въ образѣ г-на Каратыгина, съ его высокимъ ростомъ и плотною фигурою, не-смотря на то, что Гамлетъ самъ горько смѣется надъ своею наружностію и своимъ безсиліемъ (сравнивая себя съ Геркулесомъ). Но такихъ поклонниковъ не сильны убѣдить никакіе доводы. Тѣмъ болѣе чести молодому артисту, который рѣшился вступить въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ, и чувствуя въ себѣ силы, артистическое призваніе, взялся сыграть наконецъ роль трудную, выходящую изъ его обычнаго амплуа, раздвигающую предѣлы его артистической дѣятельности.

Эта честь принадлежитъ г-ну Максимову 1-му, молодому нашему артисту, до-сихъ-поръ почти исключительно ограничивавшемуся ролями молодыхъ любовниковъ (jeunes premiers) въ драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ.

Самая лучшая похвала, какую можно сдѣлать г-ну Максимову за исполненіе роли Фердинанда, это та, что онъ *некопировалъ г-на Каратыгина.* По моему, это важное достоинство, особенно, если вспомнимъ, что г-нъ Максимовъ началъ свое сценическое поприще въ Петербургѣ, и, слѣдовательно, постоянно долженъ былъ находиться подъ вліяніемъ перваго петербургскаго, а по инымъ, европейскаго трагика. Онъ умѣлъ высвободиться изъ-подъ этого вліянія, умѣлъ быть независимымъ, самобытнымъ, и между-тѣмъ исполнилъ роль свою хорошо, а мѣстами и очень-хорошо. Мнѣ понравились въ немъ простота и естественность. Всю роль свою г-нъ Максимовъ сыгралъ ровно, благородно, безъ натяжекъ и аффектацій, безъ криковъ и возгласовъ. Въ мѣстахъ сильныхъ недостатокъ физическихъ средствъ онъ замѣнялъ внутреннимъ одушевленіемъ, чувствомъ. Публика встрѣтила и проводила молодаго артиста какъ нельзя лучше: радуюсь и за публику, которая въ этомъ случаѣ была безпристрастна и справедлива, признаюсь, противъ моего ожиданія; радуюсь и за артиста, который можетъ убѣдиться послѣ этого, что никакое усиліе, никакой порывъ въ благородномъ стремленіи въ высшей цѣли не остается незамѣченнымъ.

Въ первое представленіе *Коварства и любви* г-на Максимовъ, сознавая всю важность своего подвига, видимо конфузился и робѣлъ. Во второе представленіе, говорятъ, онъ былъ смѣлѣе и

лучше. Я въ театрѣ не былъ въ этотъ разъ, но охотно вѣрю въ справедливость такого слуха.

Да не остановится г-нъ Максимовъ на этой первой попыткѣ. Богъ не отказалъ ему въ талантѣ, а при усиліяхъ, при изученіи, при любви къ искусству, чего нельзя достигнуть?

Роль Луизы, въ первый разъ, занимала г-жа Самойлова 1-я. Это лучшая Луиза, какую мнѣ удалось видѣть на русской сценѣ, не исключая и г-жи Рѣпиной, нѣкогда и въ лучшую пору своего таланта, являвшейся въ этой роли. Что сказать больше въ похвалу молодой артисткѣ?

Роль Вурма занималъ, также въ первый разъ, г-нъ Сосницкій. Онъ сыгралъ ее *по-своему*, и, если смотрѣть съ *его* точки зрѣнія на характеръ Вурма, сыгралъ прекрасно. Но въ томъ-то и дѣло, что, мнѣ кажется, г-нъ Сосницкій невѣрно смотритъ на эту роль: онъ слишкомъ смягчилъ характеръ Вурма, сдѣлалъ его смѣшнымъ, гадкимъ, пожалуй, отвратительнымъ, но неужаснымъ, не страшнымъ, какимъ онъ долженъ быть въ-самомъ-дѣлѣ. На лицѣ этого человѣка рѣдко должна появляться улыбка, и если явилась, то въ самой улыбкѣ должна выказываться радость крокодила; между-тѣмъ у г-на Сосницкаго во все продолженіе роли улыбка почти съ устъ не сходила; такъ, на-примѣръ, въ той сценѣ съ Луизой, когда онъ заставляетъ ее писать письмо, и въ голосѣ, и въ выраженіи лица, и въ самыхъ движеніяхъ г-на Сосницкаго выказывалась болѣе, нежели кротость, выказывалась любовь: онъ селадонничалъ, старался быть любезнымъ, между-тѣмъ, какъ тутъ требовалось невозмущаемое, ледяное, убійственное хладнокровіе, которое должно обдавать ужасомъ и Луизу, и, вмѣстѣ съ нею, зрителя. Эта сцена, при игрѣ г-на Сосницкаго не произвела никакого эффекта и даже возбудила смѣхъ, когда Вурмъ, на вопросъ Луизы: — Гдѣ моя матушка? — отвѣчаетъ: «Въ смирительномъ домѣ». Отвѣчая Луизѣ такимъ прямымъ образомъ, что называется, безъ обиняковъ, Вурмъ, очевидно, не любезностію и не ласкою хотѣлъ на нее дѣйствовать. Мнѣ такъ кажется, по-крайней-мѣрѣ, и я, со всею откровенностію, высказываю мое мнѣніе.

Разсказъ леди Мильфортъ о своей жизни и всѣ вообще сцены съ Фердинандомъ переданы были г-жою Дюръ очень-хорошо.

Г. Третьяковъ, въ роли Миллера, былъ превосходенъ.

Роль Президента занималъ г. Григорьевъ, Маршала г-нъ Каратыгинъ 2-й.

Вообще вся трагедія была поставлена прекрасно, и разыграна съ рѣдкимъ ансамблемъ.

13-го іюля данъ былъ на сценѣ Александрынскаго-театра *Гамлетъ*. Роль Гамлета занималъ г-нъ Славинъ.

Появленію г-на Славина на сценѣ Александрынскаго-театра предшествовала извѣстность, сценическая и литературная, нерасполагавшая много въ его пользу. Помнится, въ 1839 году г. Славинъ дебютировалъ въ Москвѣ, въ роли Гамлета. Тогда еще въ полной мѣрѣ живы были глубокія впечатлѣнія, произведенныя на московскую публику игрой Гамлета-Мочалова: дебютанту, въ первый разъ въ жизни выступающему на сцену, явиться въ этой роли послѣ Мочалова, а при томъ въ Москвѣ, приходившей въ невыразимый восторгъ отъ игры этого артиста, въ особенности въ роли Гамлета, — это, со стороны г. Славина, былъ шагъ слишкомъ-смѣлый и слишкомъ-не осторожный. Я думаю, что этотъ первый дебютъ послужилъ во-вредъ г. Славину....

Потомъ г. Славинъ перешелъ на провинціальную сцену, и именно въ Калугу. Въ пятой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» на нынѣшній годъ напечатана статья о калужскомъ театрѣ, съ слишкомъ-неумѣренными похвалами г-ну Славину, похвалами, которыя могли служить болѣе во-вредъ ему, нежели въ пользу, послѣ того, что́ было говорено объ немъ, когда онъ былъ на московской сценѣ. Въ этой статьѣ г. Славина называютъ «калужскимъ Протеемъ», который говорилъ съ Калужанами «душою могучею, страдалъ, плакалъ, любилъ, горевалъ, радовался», и вмѣстѣ съ нимъ Калужане, «проникнутые его превосходною игрою, стекались *ежеспектакельно* страдать съ нимъ, плакать и радоваться» (*).

Прочитавъ на петербургской аффишѣ имя г-на Славина, долженствовавшаго дебютировать въ Гамлетѣ, я невольно вспомнилъ объ этой статьѣ и улыбнулся, прочтя эти добродушныя строки провинціальнаго критика. Тѣмъ не менѣе мнѣ любопытно было взглянуть на г-на Славина, который такъ упорно старается попасть въ жрецы Мельпомены, и не довольствуясь славою, гремящею отъ Москвы до Калуги, рѣшился приступомъ взять ее въ самомъ Петербургѣ! Разумѣется, я ничего не ожидалъ, не обѣщалъ себѣ никакого удовольствія, и шелъ въ театръ съ обычнымъ чувствомъ человѣка, обязаннаго исполнить долгъ свой...

Вхожу. Театръ почти полонъ, не-смотря на чудесную погоду. Поднимается занавѣсъ. Выходитъ наконецъ и г. Славинъ. Пу-

(*) *Реперт. и Пант.*, кн. 5, Театральная Лѣтопись ст. 119.

блика приняла его съ громкими и продолжительными рукоплесканіями. Прекрасно, — почемужъ не поощрить молодаго дебютанта?... Гамлетъ-Славинъ заговорилъ — голосъ мягкій, пріятный. Съ нетерпѣніемъ жду монолога, когда Гамлетъ остается одинъ: «О для чего ты не растаешь» и пр. Пришелъ и этотъ монологъ... Холодно, — но между-тѣмъ нельзя сказать, чтобъ было дурно: всякой фразѣ данъ надлежащій смыслъ, интонація вѣрная, все просто, натурально; ни одного звука, насильно вытянутаго изъ груди, ни вскрика, непріятно дерущаго ухо... Я началъ смотрѣть и слушать внимательно.

Кончилась піеса, — я сталъ повѣрять свои впечатлѣнія, и, къ удивленію, вынесъ изъ театра больше пріятнаго, нежели непріятнаго. Я не нашелъ въ г-нѣ Славинѣ *могучей души*, *не страдалъ съ нимъ*, *не плакалъ и не радовался*, но просмотрѣлъ піесу отъ начала до конца спокойно, безъ скуки и безъ досады. Результатъ всего — г-нъ Славинъ сыгралъ Гамлета недурно. Самыя сильныя мѣста у него пропали: въ немъ нѣтъ внутренняго огня, нѣтъ и искусства, которое иногда можетъ замѣнить этотъ недостатокъ; но, за то все остальное понято и передано имъ вѣрно, естественно, съ простотой... Сцены съ Гильденштерномъ, съ Полоніемъ (пришедшими звать Гамлета къ его матери), наконецъ, самая сцена съ матерью сыграны были г-мъ Славинымъ даже очень-хорошо. Зови меня Вандаломъ, но, грѣшный человѣкъ, положа руку на сердце, я думаю, что сцена съ матерью вышла у него гораздо-лучше, естественнѣе, нежели у г-на Каратыгина, который немилосердо таскалъ свою несчастную мать съ одного конца сцены на другой, чтобы показать ей два портрета: на сей разъ портреты эти были въ видѣ медальйоновъ, одинъ на шеѣ Гамлета, другой — его матери. Такъ разыгрывалъ эту сцену и Эмиль Девріентъ.

Въ г-нѣ Славинѣ замѣтно сильное подражаніе Мочалову, подражаніе даже недостаткамъ его; но вмѣстѣ съ этими недостатками — отъ которыхъ впрочемъ легко избавиться, какъ отъ недостатковъ прививныхъ, — г-нъ Славинъ заимствовалъ много хорошаго, — изъ того, что́ возможно заимствовать у Мочалова; въ немъ незамѣтно никакой манерности, никакого стремленія къ эффектамъ, никакихъ натяжекъ.

Чтобы вѣрнѣе судить о степени дарованія г-на Славина, нужно видѣть его въ такой роли, которую онъ самъ-бы создалъ, въ которой могъ-бы выказаться его творческій даръ. Гамлетъ-Славинъ есть нѣсколько копія Гамлета-Мочалова. О талантѣ

дебютанта никакъ нельзя судить по такой роли, въ которой онъ прежде самъ видѣлъ хорошихъ артистовъ: пусть сыграетъ роль новую, роль, которую онъ долженъ обдумать, создать отъ начала до конца, — тогда степень дарованія его вполнѣ выкажется.

Публика принимала г-на Славина очень-благосклонно, вызвала два раза послѣ третьяго акта и потомъ нѣсколько разъ по окончаніи піесы.

Г-нъ Славинъ, кромѣ Гамлета, игралъ *Кина* (18-го іюля) и *Графа Риверса* въ драмѣ *Іоаннъ, герцогъ финляндскій* (23 іюля). Ни въ той, ни въ другой піесѣ мнѣ не удалось его видѣть, а потому и окончательное сужденіе объ немъ откладываю до дальнѣйшаго времени.

Когда я оканчивалъ письмо это, мнѣ принесли аффишу, которая возвѣстила о бенефисѣ г-жи Гусевой, 30-го іюля. Заслуженная артистка наша, незамѣнимая на своёмъ скромномъ, неблестящемъ, но тѣмъ не менѣе важномъ амплуа, выбрала для бенефиса свою хорошенькую комедію Д. Т. Ленскаго — *Война съ тещей* или *насилу за умъ взялись*, напечатанную въ прошлой книжкѣ *Репертуара и Пантеона*. П. С. Ѳедоровъ снабдилъ ее водевилемъ *Сто тысячъ или бѣда имѣть отъ* мужа тайны, напечатанныя во 2-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» на нынѣшній годъ. Въ заключеніе спектакля идетъ новый, *современный* водевиль à propos: *Спасскій омнибусъ въ Палюстрово*, или *Тайный обѣдъ*.

Объ этомъ спектаклѣ напишу въ слѣдующій разъ. Теперь, въ заключеніе письма, сообщу тебѣ пріятные слухи, до меня дошедшіе.

Г. Бернаръ, издатель музыкальнаго журнала *Нувеллистъ*, написалъ, говорятъ, очень-хорошенькую оперу, на сюжетъ *Параши Сибирячки*. Названіе ея *Ольга, дочь изгнанника*. Хвалятъ многія мѣста въ этой оперѣ, въ особенности чрезвычайно-оригинальный и эффектный хоръ охотниковъ, и блистательный финалъ перваго дѣйствія.

Двое изъ почтенныхъ нашихъ композиторовъ, имена которыхъ я умолчу на этотъ разъ, пишутъ также оперы—одинъ изъ романа И. И. Лажечникова *Ледяной домъ*, а другой изъ поэмы Жуковскаго *Ундина*.

Все это пріятныя надежды въ будущемъ.]

МОСКОВСКІЙ-ТЕАТРЪ. (*)

(Письмо къ Редактору).

11. мая. *Бенефисъ Г. П. Степанова.* 3 и 4 актъ Гамлета.— Старый Гусаръ или пажи Фридриха II, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ. *(Возобновленъ).*

Упрекъ г. бенефиціанту за его варварскій поступокъ противъ искусства! Разбить драму, когда въ драмѣ всего болѣе требуется единство, полнота дѣйствія, и разбить драму Шекспира — да это святотатство. Вѣдь это все-равно, что́ разбить образцовую статью, разорвать чудесную картину. И для чего это было сдѣлано? Для искусства? Но оно страдало отъ такого варварскаго поступка. Для публики? Но если бенефеціантъ имѣетъ объ ней такое лестное мнѣніе, съ которымъ мы вполнѣ согласны, что ей пріятнѣе смотрѣть нѣсколько разъ видѣннаго ею Гамлета, чѣмъ другую піесу, то, въ такомъ случаѣ, за-чѣмъ не дать всего Гамлета? Для сбора? Но, повторяемъ опять, за-чѣмъ не дать цѣлой піесы?**) Если часть можетъ дать сборъ, то цѣлое и подавно. А имя г-жи Самойловой не такъ знаменито, чтобы на немъ разсчитывать сборъ. Притомъ-же мы еще очень-хорошо помнимъ нашу несравненную П. И. Орлову. Для себя? Но онъ не игралъ въ этой піесѣ. Для г-жи Самойловой, чтобы дать ей случай сыграть роль Офеліи? Но зачѣмъ г-жа Самойлова не сы-

(*) Редакціи «Репертуара и Пантеона», находясь въ Петербургѣ, не можетъ заглазно судить объ игрѣ артистовъ московской сцены, а потому и должна печатать статьи московскаго рецензента въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сообщаются, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно касающихся до сужденія о литературномъ достоинствѣ піесъ, значеніи ролей и пр., она и несогласна съ рецензентомъ. Впрочемъ, желая исполнить дѣло свое какъ-можно добросовѣстнѣе, редакція препровождала и препровождаетъ такого рода статьи на разсмотрѣніе одного почтеннаго лица, которому дѣло это извѣстно вполнѣ, и получивъ замѣчанія его на сужденія московскаго рецензента, печатаетъ ихъ съ благодарностію въ своемъ изданіи, предупреждая объ этомъ однакожъ читателей, чтобы они не приписывали редакціи того, что́, по всей справедливости, принадлежитъ другому. Замѣчанія собственно редакціи будутъ отмѣчаемы буквами *Ред.*

(**) Предположеніе это неправильно: въ бенефисъ всякая ничтожная новость доставитъ болѣе сбора, нежели лучшая изъ старыхъ піесъ, и когда бенефиціантъ беретъ старую піесу, то или за совершеннымъ неимѣніемъ новыхъ, или для того, чтобъ въ спектаклѣ участвовали любимцы публики, и въ этотъ разъ два акта Гамлета были даны, вѣроятно, для того, чтобъ имя Мочалова была на аффишѣ.

грала всей этой роли, а взяла только легкую часть ея, оставивъ трудную? Можетъ-быть, нѣкоторые удивятся, что мы вторую половину роли Офеліи называемъ легкою. Да, наше мнѣніе таково: если исполнить ее такъ, какъ обыкновенно ее исполняютъ, надобны только пріятная наружность, хорошенькій голосокъ, нѣсколько эфектныхъ положеній, а этимъ ничего не возьмешь въ первой части.

Г. Мочаловъ занималъ роль Гамлета. Онъ сыгралъ ее въ этотъ разъ нехорошо, и мы нисколько не винимъ его за это. Г. Мочалову, какъ истинному художнику, нужно было прослѣдить весь характеръ, отъ начала до конца, сыграть всю роль, а не клочекъ. Въ этомъ случаѣ Мочаловъ именно доказалъ, что онъ истинный художникъ, а не какой-нибудь поденщикъ, которому все равно, съ чего-бы ни начать, съ начала или съ конца. Ему въ этотъ разъ были брошены цвѣты, но онъ не принялъ ихъ.... Прежде того бросали цвѣты и г-ну Никитину....

Какъ чудно создана Шекспиромъ роль Офеліи, какъ прекрасно очерчено имъ это лицо! Офелія дѣвушка обыкновенная; въ ней даже мало индивидуальнаго; она, такъ-сказать, общественна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ она самобытна! Офелія любитъ, любитъ первой, робкой любовью. Взгляните, съ какою стыдливостью и застѣнчивостью слушаетъ она наставленія отца объ этой любви; она готова имъ вѣрить, послѣдовать имъ, если только позволитъ ей ея сердце. Потомъ какъ чудно нарисована сцена Лаэрта съ Офеліей! Это настоящая дружественная, откровенная бесѣда брата съ сестрой. Съ какимъ дѣтскимъ простодушіемъ, наивностью, довѣренностію, и вмѣстѣ, съ какою грустію, съ какимъ страданіемъ, съ какимъ сомнѣніемъ спрашиваетъ Офелія: «Не болѣе?» когда братъ, какъ болѣе опытный, говоритъ ей, что любовь Гамлета *шутка*. До-сихъ-поръ Офелія была счастлива: у ней есть—отецъ, котораго она уважаетъ, у ней есть—братъ, къ которому она питаетъ чувство дружбы, у ней есть Гамлетъ, котораго она любитъ; она счастлива, она знаетъ только сладкія страданія любви. Мнимое сумасшествіе Гамлета наноситъ первый ударъ ея счастію. Съ какою любовію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какою скромностію и приличіемъ она разговариваетъ съ сумасшедшимъ Гамлетомъ! Она надѣется, что, можетъ-быть, ея любовь наведетъ его на умъ; Королева ей позволила любить его. Эта послѣдняя надежда исчезла. Гамлетъ уходитъ, Офелія остается одна. Она предается не дикому, утрированному отчаянію, которое обыкновенно выводятъ новѣйшіе драматурги, но

тихой, глубокой грусти. Счастье Офеліи уже нарушено, и вдругъ, взгляните, какое смѣшенье обстоятельствъ: Гамлетъ убиваетъ Полонія;— Офелія любитъ Гамлета, но онъ убійца ея отца. Любовь къ отцу, любовь къ Гамлету, котораго она не можетъ болѣе любить, какъ все это перемѣшано! Слабый разсудокъ дѣвушки не можетъ вынести этого смѣшенія,—она сходитъ съ ума. Помѣшательство Гамлета, смерть отца, и смерть отъ руки Гамлета, вотъ причины ея помѣшательства. Отъ слезъ высыхаетъ мозгъ Офеліи. Взгляните, какъ отъ этого смѣшенія,—обстоятельствъ понятія ея перемѣшаны.... она поетъ то о любви, то о страсти, то объ отцѣ, то объ любезномъ. Какъ страшно ея безуміе и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ не воскликнешь вмѣстѣ съ Лаэртомъ: «Мечта и печаль, и страсть, и самое безуміе въ ней очаровательны!» Умъ бѣдной дѣвушки страждетъ, Офелія не долго можетъ перенесть это, она должна умереть, и она погибнетъ; но и самая смерть ея также тиха и задумчива, какъ было задумчиво ея безуміе. —

Не легко сыграть эту роль. До-сихъ поръ, мы не-видали ее хорошо-исполненною. Еще недавно играла ее П. И. Орлова. Она понимала эту роль иначе: изъ обыкновенной дѣвушки она дѣлала какую-то героиню; но не такъ создалъ ее Шекспиръ. Вообще мы должны признаться, что роль Офеліи принадлежала къ весьма-немногимъ неудавшимся ролямъ г-жи Орловой. Г-жа Самойлова вѣрнѣе поняла эту роль, но за то выполнила ее гораздо-слабѣе г-жи Орловой; чувство, которымъ должна быть проникнута роль Офеліи, она замѣнила какою-то слезливостью, которая очень-часто дѣлалась крайне-неумѣстною. Такъ на пр. Когда Офелія спрашиваетъ Гамлета: «Что-же можетъ быть лучшей подругой красотѣ, какъ не добродѣтель», г-жа Самойлова произноситъ эти слова не съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, но съ какимъ-то слезливымъ всхлипываніемъ. Нѣтъ, роль Офеліи вовсе не удалась г-жи Самойловой. (*) Г-жа Львова-Синецкая была хороша въ роли Гертруды, всѣ-же прочіе были ниже посредственности.

Старый Гусаръ — хорошенькій водевиль и довольно-хорошо разыгранный. Г. П. Степановъ очень-вѣрно скопировалъ Фридриха II, его костюмъ, его походку, его выговоръ, его безпре-

(*) Если такъ, то какова-же была незабвенная П. И. Орлова, которая, по собственному сознанію г. рецензента, поняла роль не такъ, какъ создалъ ее авторъ, а Самойловой она вовсе неудалась, хотя эта артистка вѣрнѣе поняла роль Офеліи, нежели г-жа Орлова?

станное употребленіе табаку. Г. Щепкинъ игралъ роль Брандта. Его наружность въ ролѣ гусара и гусара Фридриха, который страстно любилъ высокорослыхъ солдатъ, произвела непріятное впечатлѣніе, которое впрочемъ онъ загладилъ своею игрою. Г-жа Самойлова была очень-хороша въ роли одного изъ пажей, да и г-жа Ольгина недурна въ роли другаго. Г. Живокини и г-жа Кашина также были хороши въ своихъ роляхъ.

— 18-го мая. *Бенефисъ г-на Леонидова.* Еврей или слава и позоръ, трагедія въ 4 дѣйствіяхъ перев. съ французскаго. Дружба вѣрнѣе любви, комедія въ 1 дѣйствіи, съ французскаго. Переходъ черезъ Балканскія горы. Интермедія въ 1 дѣйств. *(Возобновлена).*

Мы не видали этого бенефиса; впрочемъ, тѣ, которые были на немъ, говорятъ, что г. Леонидовъ былъ довольно-хорошъ. Что-то плохо вѣрится, а дай Богъ, чтобъ это была правда. Мы очень желали-бы, чтобъ г. Леонидовъ сдѣлался въ-самомъ-дѣлѣ хорошимъ актеромъ. Отъ этого не только-бы театръ выигралъ, но и мы сами, потому-что намъ непріятно говорить г. Леонидову одни только порицанія; мы съ радостію стали-бы хвалить его, да, къ-несчастію, до-сихъ-поръ, не-за что.

— 25-го мая. *Бенефисъ г-на Мочалова:* КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ, тр. Шиллера. (Роль Лунзы—г-жа Мочалова). МОСКАЛЬ ЧАРИВНИКЪ, мал. опера, въ 1-мъ д.

Съ нѣкотораго времени у нашихъ бенефиціантовъ явилось обыкновеніе давать въ свои бенефисы старыя піесы. Недостатокъ-ли новыхъ піесъ, направленіе-ли вкуса публики, или что другое тому причиною, не знаемъ, а только многіе бенефисы прошедшаго и настоящаго театральнаго года состояли изъ старыхъ піесъ. Такъ въ бенефисъ г-жи Леоновой давали старую оперу: *Принцъ Маляръ*, старый вод. *Новая Шалость.* Такъ въ бенефисъ г-на Орлова шли двѣ старыя піесы: *Екатерина Медичи* и *Своя Семья.* Такъ г. Ленскій давалъ въ свой бенефисъ *Школу злословія* и старый водевиль *Мужъ и Жена;* такъ г-жа Санковская дала въ свой бенефисъ *Жизель*; такъ въ бенефисъ г. Никифорова шла *Русалка*; такъ бенефисъ г. П. Степанова состоялъ изъ *Гамлета* и возобновленнаго водевиля: *Старый Гусаръ.* Такъ г. Мочаловъ далъ въ свой бенефисъ *Коварство и Любовь.* Мы должны благодарить его за то, что онъ предпочелъ эту піесу какой-нибудь новой мелодрамѣ. При томъ-же г. Мочаловъ въ свой бенефисъ подаралъ насъ прекрасною новостію: это—его дочь, К. П. Мочалова, которая занимала роль Лунзы.

Кто не читалъ *Коварства и Любви*, и кто не плакалъ, да, и не плакалъ, когда читалъ ее? Кого не увлекало это чудное, сердцу понятное поэтическое созданіе мечтателя-страдальца Шиллера! Теперь, посудите, какое впечатлѣніе могла произвесть эта піеса на сценѣ, прекрасно-исполненная. Многіе плакали, и это были чудныя, сладкія слезы.... Мы готовы поручиться, что «Коварство и любовь» никогда не было исполнено такъ хорошо, какъ въ этотъ разъ.

Роль Луизы играла г-жа Мочалова. Она первая напомнила, что Луиза была 16-ти лѣтняя, любящая дѣвушка, и не дѣлала изъ нея какой-то героини... Нѣкоторыя сцены были ею исполнены прекрасно, многія слова, многіе звуки вырывались у ней прямо изъ сердца. Но, къ-несчастію, она выдержала не всю роль. Такъ напримѣръ, сцена съ леди Мильфортъ, когда гордая любовница князя сперва приказываетъ бѣдной дѣвушкѣ уступить ей того, кого она любитъ, потомъ проситъ ее, умоляетъ, и Луиза уступаетъ ей того, кого она любитъ болѣе жизни, болѣе отца и матери, болѣе всего на свѣтѣ, эта чудная сцена была очень-нехорошо выполнена г-жами Мочаловой и Львовой-Синецкой. Но это единственная худо-разыгранная сцена, во всей піесѣ, которая была разыграна съ удивительнымъ совершенствомъ. Мы слышали, что г-жа Мочалова хочетъ ограничиться только дебютомъ. Именемъ искусства заклинаемъ ее оставить это намѣреніе. Въ ней театръ пріобрѣлъ-бы очень-много, и имя Мочаловыхъ, которымъ такъ долго гордилась наша сцена, не умерло-бы. Г-жа Мочалова со славою могла-бы поддержать его. Мы-бы желали видѣть ее на сценѣ, но уже не какъ дебютантку, а какъ актрису, принадлежащую нашему театру (*). Пріемъ, который сдѣлала ей публика, кажется, долженъ былъ-бы заставить ее отказаться отъ своего намѣренія не поступать на нашу сцену.

Роль Фердинанда занималъ г. Самаринъ. Онъ выполнилъ ее очень-хорошо; но ему не доставало чего-то, чего.... какъ-бы это выразиться?... силы, увѣренности, оконченности...

Миллера игралъ г. Мочаловъ. Давно онъ не игралъ такъ, какъ въ этотъ разъ. Боже мой, какъ онъ былъ хорошъ въ этой роли! Не знаю, кто-бы не пришелъ въ восторгъ, посмотрѣвъ его въ этотъ разъ **).

(*) Кромѣ бенефиса, г-жа Мочалова играла на его повтореніи; дай Богъ, чтобъ она играла не въ послѣдній разъ.

**) Слышно, что въ повтореніи своего бенефиса, въ этой-же роли, онъ былъ уже гораздо-слабѣе.

Роль Вурма занималъ г. Щепкинъ. Онъ сыгралъ ее очень-хорошо, но все-таки мы должны признаться, что эта роль не идетъ къ его наружности. Злодѣй-секретарь, какъ намъ кажется, долженъ быть худой, испитой; да и самая добрая, открытая физіономія г. Щепкина не могла имѣть ничего отталкивающаго, что́ невольно оставляетъ какое-то непріятное впечатлѣніе на душѣ, о чемъ говоритъ Миллеръ въ 1-мъ актѣ, по уходѣ Вурма.

Г. Нѣмчиновъ довольно-хорошо исполнилъ роль Президента. Но сцена, когда этотъ закоренѣлый злодѣй, котораго не устрашили слезы цѣлаго государства, плачетъ, плачетъ въ первый разъ, и плачетъ надъ трупомъ сына, причиною смерти котораго былъ онъ самъ, исполнена г. Нѣмчиновымъ слабо.

Г-жа Львова-Синецкая очень-хорошо выполнила роль леди Мильфортъ, женщины падшей, но которая и въ самомъ паденіи имѣетъ еще столько силы, чтобы раскаяться.

Г. Живокини также былъ хорошъ въ роли бездушнаго маршала. Вообще повторю, *Коварство и Любовь* разыграно въ нынѣшній разъ съ такимъ чуднымъ ансамблемъ, какой рѣдко можно видѣть на здѣшней сценѣ, и какой вполнѣ достоинъ прекрасной піесы Шиллера.

Москаль Чаривникъ въ первый разъ шелъ въ бенефисъ г. Щепкина и былъ повторенъ нѣсколько разъ, и вотъ уже идетъ въ третій бенефисъ (*). Въ нынѣшній разъ сыгранъ былъ также прекрасно, какъ и всегда. — Щепкинъ въ роли Чупруна удивителенъ.

Роль Тетяны нынѣшній разъ занималала г-жа Самойлова. Прежде ее играла г-жа Михайлова. Она играла ее очень-хорошо, но мы отдаемъ преимущество г-жѣ Самойловой.

Г-нъ Никифоровъ очень-хорошъ въ роли писаря, да и г-нъ Ольгинъ недуренъ въ роли солдата.

Но замѣтимъ нѣкоторыя промахи обстановки (**): за-чѣмъ въ

Зачѣмъ и малаго пятна не смыть,
Чтобы оно намъ чести не марало.

этой піесѣ на сценѣ не малороссійская изба, вымазанная бѣлой глиной? Далѣе, за-чѣмъ въ избѣ простаго козака горятъ двѣ

(*) Онъ шелъ въ бенефисы гг. Щепкина, Никитина и Мочалова. *Сог.*

(*) Мы хотимъ замѣчать всѣ промахи, всѣ ошибки, всѣ несообразности, встрѣчающіяся при обстановкѣ; можетъ-быть, нѣкоторые скажутъ, что это малость, но иногда эта малость бросается въ глаза зрителямъ и вредитъ эфекту піесы, и потому зачѣмъ не уничтожить и этой малости и, какъ говоритъ Гамлетъ:

стеариновыя свѣчи? Вѣдь это, кажется, нѣсколько для него роскошно!

—29-го мая. *Новорожденный*, сцены Загоскина.—*Цыганы*, сцены Пушкина.—*Первый дебютъ* или зритель по неволѣ, вод. въ 1 д. съ французскаго.—*Ямщики*, вод. въ 1 д. Григорьева. —*Полька-Мазурка*. Бенефисъ г-жи Самойловой, передъ отъѣздомъ изъ Москвы). По случаю пріѣзда г-жи Самойловой въ Москву, на нашей сценѣ дано было нѣсколько піесъ, которыя мы не видали съ-тѣхъ-поръ, какъ г-жа Рѣпина оставила театръ. Уважая талантъ г-жи Самойловой, мы все-таки должны признаться, что ей далеко до г-жи Рѣпиной (*). Публика наша принимала г-жу Самойлову очень-хорошо; посмотримъ-же, чѣмъ она угостила ее на прощаньи, въ свой бенефисъ. Аффиша что́-то длинная, предлинная, слишкомъ 1½ аршина: каковъ-же бенефисъ?

Онъ начался сценами Загоскина: «Новорожденный». Къ-несчастію, мы не поспѣли къ началу и пришли только къ 4-й картинѣ. Кажется, эти сцены большаго успѣха не имѣли, хотя и были довольно-хорошо разыграны. Замѣтимъ, за-чѣмъ въ 5-й картинѣ такая богатая готическая комната въ домѣ простаго русскаго купца съ бородой?

Послѣ этого шли *Цыганы*, нѣсколько сценъ изъ прекрасной поэмы Пушкина. Въ нихъ роль старика игралъ г-нъ Мочаловъ, роль Алеко г-нъ Самаринъ; оба были нехороши. Пушкинъ чудно очертилъ характеры въ своей поэмѣ, но въ этихъ выхваченныхъ сценахъ они неразвиты, неочерчены, и актеръ за сценой долженъ создать характеръ, съ готовымъ характеромъ выйти на сцену и выказывать его только въ себѣ-самомъ, а не въ піесѣ; а сдѣлать это для артиста очень-трудно и едва-ли возможно. Г-нъ Бантышевъ хорошо пропѣлъ: «Мы живемъ среди полей», а остальная роль его состояла въ нѣсколькихъ словахъ, которыя онъ, пожалуй, сказалъ хорошо. Г-жа Самойлова прекрасно пропѣла: *Старый мужъ*. Вообще, мы, любуясь г-жой Самойловой въ комедіи и водевилѣ, никогда не совѣтуемъ ей играть въ трагедіи и драмѣ.

Первый дебютъ — пустой фарсъ, какъ почти и всѣ піесы, основанныя на переодѣваньи. Г-жа Самойлова была очень-мила въ роли Біанколлели и во всѣхъ трехъ ея переодѣваньяхъ. Г-да

(*) И это не по всегдашнему-ли пристрастію къ своимъ московскимъ талантамъ? — Хотя г-жа Рѣпина имѣла дѣйствительно замѣчательный талантъ, но нельзя дать ей такого преимущества надъ Самойловой.

Самаринъ, Живокини и Садовскій были также очень-хороши въ своихъ незначительныхъ роляхъ.

Ямщики — также пустой водевиль, въ которомъ былъ очень-хорошъ г-нъ П. Степановъ, въ роли подгулявшаго старосты. Но замѣтимъ опять, за-чѣмъ изъ хора, во-время плясокъ оканчивающихъ водевиль, не составить живописныхъ группъ? Это произвело-бы хорошій эффектъ, а то смѣшно вѣдь видѣть, какъ мужики и бабы выйдутъ повеселиться да и выстроются во фронтъ, какъ солдаты. Бенефисъ кончился «Полькой-Мазуркой», которая не произвела большаго эффекта. Публика по-окончаніи требовала бенефиціантку и г-жу Куликову. Этимъ бенефисомъ кончились всѣ бенефисы перваго полугодія текущаго театральнаго года.

В. Р.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Авторъ «Лукреціи», Понсаръ, написалъ новую трагедію, которая называется «Agnès de Méranie» и будетъ поставлена въ Одеонѣ будущею зимою. Почитатели Понсара превозносятъ эту трагедію до небесъ. Журналы его партіи простираютъ свое поклоненіе до того, что угощаютъ публику отдѣльными стихами изъ новой трагедіи его, и именно по одному стиху; такъ напримѣръ, въ одномъ журналѣ напечатали слѣдующій стихъ:

Toute sa volonté s'use dans son ardeur.

И къ этому прибавили слѣдующее замѣчаніе: «Это одинъ изъ тѣхъ стиховъ, достоинство и эффектъ которыхъ выкажется въ полномъ свѣтѣ при условномъ положеніи произносящаго его лица» — Мы то-же думаемъ.

— Доницетти на-дняхъ долженъ быть въ Парижѣ; онъ взялся написать оперу для тамошней итальянской труппы.

— Изъ Парижа пишутъ: «Ни одно исполненіе прославленной симфоніи Фелисіана Давида «Le Desert» не можетъ обойдтись безъ судебнаго процесса.»

— Недавно затѣялся такой процессъ по случаю исполненія этой симфоніи въ концертѣ, данномъ въ Версали, въ пользу бѣдныхъ. Г. Колленъ, авторъ текста этой симфоніи, узнавъ, что ее будутъ исполнять въ концертѣ, предъявилъ начальству города, что онъ не иначе соглашается допустить это исполненіе, какъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему, какъ автору, заплатили 500 фр. Начальство нашло это требованіе справедливымъ по закону, хотя и несовсѣмъ великодушнымъ при подобной цѣли концерта, а потому и наложило формальное запрещеніе на исполненіе этой піесы. Однако-жъ билеты были всѣ уже распроданы; публика собралась, и учредители концерта рѣшились въ такомъ затруднительномъ положеніи исполнить симфонію безъ текста, то-есть, пѣвцы вмѣсто словъ текста произносили названія нотъ, а речитативы разсказывались прозою. Публика нисколько не разгнѣвалась на это измѣненіе, и симфонія была принята очень-хорошо. Но автору текста это не понравилось; онъ утверждаетъ, что композиторъ вдохновился именно текстомъ, слѣдовательно, текстъ не долженъ быть отдѣляемъ отъ музыки. И потому онъ намѣренъ жаловаться на исполнителей и на городское начальство, допустившее такое нарушеніе авторскихъ правъ его. — Любопытно знать, чѣмъ-то кончится этотъ странный процессъ.

— Парижскіе газеты, въ послѣднее время, наполнены толками о внезапномъ отъѣздѣ изъ Парижа извѣстной актриссы Плесси, которая оставила Французскій-театръ и пренебрегла всѣми выгодами, нераздѣльными съ званіемъ *общницы* (sociétaire) этого театра. Говорятъ, что она уѣхала въ Лондонъ, а оттуда отправится къ намъ въ Петербургъ. «Иллюстрація», въ 17 *№*, возвѣстила даже, что Плесси уже пріѣхала въ Петербургъ, но мы *имѣемъ причины* въ этомъ случаѣ не вѣрить «Иллюстраціи». Общники Французскаго-театра подали на Плесси жалобу, и судъ приговорилъ ее къ уплатѣ 200,000 франковъ и къ тюремному заключенію (prise par corps). О причинѣ внезапнаго отъѣзда Плесси ходятъ разные толки, но положительнаго, вѣрнаго, ничего неизвѣстно. Когда что-нибудь узнаемъ, передадимъ нашимъ читателямъ. Разумѣется, французскіе журналы чрезвычайно недовольны отъѣздомъ г-жи Плесси, осыпаютъ ее по этому случаю ругательствами, а при сей вѣрной оказіи достается и намъ, сѣвернымъ варварамъ, къ которымъ такъ охотно со всѣхъ сторонъ бѣгутъ первостепенные таланты.

— Любимецъ нашей публики, г. Брессанъ, попался тоже въ процессъ въ Парижѣ, съ бывшимъ директоромъ театра Variétés, г-мъ Кретю. Но, кажется, дѣло уладилось, и г. Брессанъ, по слухамъ, находится теперь въ Лондонѣ, а недѣли черезъ двѣ возвратится въ Петербургъ.

— Въ Мюнхенѣ умерла, въ іюлѣ мѣсяцѣ, извѣстная пѣвица Пеллегрини, урожденная Моральтъ. Она дебютировала въ 1820-мъ году.

— Въ Берлинѣ давали недавно новую драму Гуцкова „Der dreizehnte November„ (*Тринадцатое ноября*), которая имѣла огромный успѣхъ.

КОРРЕСПОДЕНЦІЯ «РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА».

1. *Г-ну Н. Р.....цкому* (въ Смоленскѣ). Статья о Смоленскомъ таатрѣ въ Редакціи получена и напечатается въ слѣдующей книжкѣ.

2. *Г-ну Wold.... Wolin....* (въ Харьковѣ). По причинѣ большаго объема, статья о Харьковскомъ театрѣ отложена до слѣдующей книжки.

Издатель и *Редакторъ* Межевичъ.